

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СЕТИ В ПОЛИТИКЕ ХРТЭС В АЖНТНПОП

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Сети в политике – Политика в сетях

Материалы
V Международной конференции
молодых ученых, студентов и аспирантов

*Опубликовано при поддержке
Фонда Конрада Аденауэра*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

ББК 66.0+66.5

С33

*Издано по решению Редакционно-издательского совета
факультета политологии Санкт-Петербургского
государственного университета*

С33 Сети в политике — Политика в сетях / Материалы V

Международной конференции молодых ученых, студентов и аспирантов / Под общей ред. Курочкина А. В., Шерстобитова А. С. — СПб.: Факультет политологии СПбГУ, Изд-во РХГА. 2014. — 185 с.

ISBN 978-5-88812-658-5

Сборник материалов V Международной конференции молодых ученых, студентов и аспирантов «Сети в политике — Политика в сетях» посвящен рассмотрению широкого круга проблем реализации сетевых структур в политике и государственном управлении в России и за рубежом. Данное издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами политической науки.

ББК66.0+66.5

*Авторы выражают личную благодарность
Фонду Конрада Аденауэра
и лично г-ну Томасу Шнайдеру
за помощь в осуществлении издания*

ISBN 978-5-88812-658-5

© Коллектив авторов, 2014
© Факультет политологии
СПбГУ, 2014
© Издательство РХГА, 2014

Содержание

Раздел первый. Социальные медиа, сетевые политические структуры и сетевые практики в online пространстве.....	7
<i>Гладких И. В.</i> Цензура политических процессов в сетях.....	7
<i>Журавлева Т. А.</i> Политико-административные коалиции как объект управления: возможности и пределы.....	11
<i>Лукьянов М. А.</i> Социальные сети как фактор формирования общественного мнения и влияния на политические решения на примере сирийского кризиса.....	18
<i>Романова Л. А.</i> Public Affairs как технология сетевого взаимодействия транснационального бизнеса с заинтересованными стейкхолдерами.....	23
<i>Бобрышова А. С.</i> Информация о терактах в социальной сети «ВКонтакте»: специфика контента и функционального назначения.....	27
<i>Дегтерева Е. Д.</i> Актуальные проблемы организации политического интернет – вещания в России: анализ политического интернет – телевидения в России и США.....	29
<i>Ермоленко С. Н.</i> Разжигание коммуникационных конфликтов в сети Интернет как средство ведения информационных войн.....	33
<i>Кульназарова А.</i> Анализ информационного освещения украинских протестов 2013–2013 гг. в социальных сетях.....	37
<i>Мухаметшина Г. З.</i> Социальность и медиа: развитие сетевого общества в современном мире.....	42
<i>Никитина Т. Ю.</i> Интернет как инструмент политической коммуникации.....	47
<i>Осипова А. В.</i> Сетевая модель организации политической науки в России.....	50
<i>Суслов С. И.</i> Политические особенности суточной, недельной и месячной аудитории Интернета по данным опроса петербуржцев.....	55
Раздел второй. Сети в выработке и формировании общественного мнения.....	59
<i>Ведерникова М. И.</i> Образ А. Г. Лукашенко в представлении пользователей сети Интернет.....	59
<i>Истомин К. А.</i> Роль ресурсов сети интернет в мониторинге общественного мнения граждан региональными органами власти. Территориальный аспект.....	64
<i>Логинова Е. И.</i> Специфика восприятия информационных потоков в сетях.....	69
<i>Папко А. А.</i> Влияние социальных сетей на сознание молодежи.....	72
<i>Соколова А. А.</i> Интернет как канал политической социализации молодежи.....	76
<i>Юсупова А. М.</i> Роль социальных иллюзий в формировании общественного мнения.....	80
<i>Яланоти Н. И.</i> Социальные сети как способ самопозиционирования российских политиков.....	84
Раздел третий. Сетевые отношения и сетевое сотрудничество: государство, бизнес, НКО.....	87
<i>Бабешко И. Е.</i> Сетевые стратегии малого и среднего бизнеса в современной России.....	87
<i>Кобзистая В. В.</i> Государственно-частное партнерство как сетевое взаимодействие.....	90

<i>Лысенкова Н. Е.</i> Реализация социальной ответственности бизнеса в сетевом обществе: модель венчурной филантропии.....	94
<i>Погорелова С. А.</i> Взаимодействие государства и бизнеса на региональном уровне в ситуации дефицита высококвалифицированных медицинских кадров.....	98
Раздел четвертый. Сети в управлении и принятии политических решений.....	103
<i>Бельскова А. Н.</i> Теория игр и моделирование сетевых взаимодействий в публичной политике.....	103
<i>Березуцкий А. А.</i> Коррупция в современной России: дисфункциональная система или феномен сетевой структуры общества?.....	109
<i>Мартемьянова З. С.</i> Открытое государственное управление и социальные сети: проблемы взаимодействия на современном этапе.....	115
<i>Неверова А. В.</i> Особенности сетевого взаимодействия в процессе создания программ стратегического развития.....	120
<i>Титов С. М.</i> Стратегии управления социальным капиталом личности и ее положение в виртуальной социальной сети.....	124
<i>Цанава Б. З.</i> Социальный капитал в эпоху интернета: как меняется социальное взаимодействие?.....	127
Раздел пятый. Социальные и общественные движения и сети.....	131
<i>Жумабек Ы. Ж.</i> Стихийный и институциональный молодежный общественный контроль как тенденция современных интернет-сообществ.....	131
<i>Кучерова Ю. В.</i> Глобализация и протестные движения: сети сетей в рамках антиглобалистского и альтерглобалистского движения.....	136
<i>Преженцова А. И.</i> Краудсорсинг как инструмент взаимодействия власти и общества.....	139
<i>Циунчик Р. М.</i> Краудсорсинг: недостатки и пути их исправления.....	144
<i>Шаповалов Р. О.</i> Политический протест в эпоху постиндустриального общества.....	146
Раздел шестой. Сети в международных отношениях и политическом процессе.....	151
<i>Акимочкина М. С.</i> Особенности политических сетей в Великобритании.....	151
<i>Волкова А. М.</i> Сетевое управление как способ регулирования международной политики.....	154
<i>Единова М. С.</i> Эффективность сетевого подхода для управления этнической федерацией.....	157
<i>Лучук Е. В.</i> Средства массовой информации эпохи глобализации в политическом процессе (на примере украинского кризиса).....	161
<i>Никешкина М.</i> Роль СМИ в политике государств.....	165
<i>Попова Л. Л.</i> Левые социальные движения в Латинской Америке: международные «сети солидарности»: практика взаимодействия.....	170
<i>Рафикова В. В.</i> Использование сетевого подхода в современной системе международных отношений.....	174
<i>Саблин И. Л.</i> Политические сети и постиндустриальное общество. Ложная корреляция?.....	177
<i>Талмач А. И.</i> Information warfare in terms of international political communication in the post-Soviet space.....	182

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается сборник работ молодых ученых, студентов и аспирантов, представленных на V Международной молодежной конференции «Сети в политике. Политика в сетях». Конференция состоялась 25 апреля 2014 года на факультете политологии Санкт-Петербургского государственного университета, собрав на одной площадке молодых исследователей и начинающих собственные научные изыскания студентов политологов, правоведов, социологов, историков и экономистов.

В этом году география конференции была представлена такими городами как: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Кемерово, Воронеж, Волгоград, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Челябинск, Саратов, Самара, Тюмень, Алматы, Магнитогорск, Черкесск, Нижний Новгород, Ульяновск и др.

Работа конференции была организована по шести тематическим направлениям: Социальные медиа, сетевые политические структуры и сетевые практики в online пространстве; Сети в выработке и формировании общественного мнения; Сетевые отношения и сетевое сотрудничество: государство, бизнес, НКО; Сети в управлении и принятии политических решений; Социальные и общественные движения и сети; Сети в международных отношениях и политическом процессе.

Участниками был рассмотрен широкий круг проблем, связанных с теорией сетей, сетевыми структурами, ролью СМИ в сетях и пр. Молодые исследователи смогли выступить с докладами, презентовать собственные исследовательские проекты и организовать дискуссию по наиболее актуальным вопросам современной политической науки.

Организаторы конференции выражают особую благодарность Фонду Конрада Аденауэра и лично Томасу Шнайдеру за неоценимую поддержку в проведении мероприятия и подготовке публикации.

раздел первый

Социальные медиа, сетевые политические структуры и сетевые практики в online пространстве

Цензура политических процессов в сетях

Гладких Ирина Валерьевна — ДОКЛАДЧИК
Исаева Екатерина — СОАВТОР

University of International Business
(Университет Международного Бизнеса)
Факультет Экономики и учета
Кафедра Журналистики и Междуна-
родных отношений
г. Алматы

XXI век не зря прозвали «веком новых технологий». Дети, школьники, студенты, взрослые и люди пожилого возраста — все эти социальные группы умеют пользоваться компьютером, знают, что такое интернет и являются активными пользователями. Из перечисленных групп — как минимум три группы являются потенциально политически активными, не только в жизни, но и в онлайн пространстве. Мешает ли им что-то? Какую роль играет цензура в информационных сетях? Насколько необходимо ее введение? Как широко она распространена и как это сказывается на праве личности к доступу и получению информации на постсоветском пространстве и в мировых сетях? Постановка вышеперечисленных вопросов определяет актуальность данной проблемы

Сначала разберемся со словом «цензура». В законе Республики Казахстан «О средствах массовой информации», Глава 1 Общие положения, Статья 1, для слова «цензура» дается такое определение: предварительное согласование сообщений и материалов средствами массовой информации с государственными органами, должностными лицами и иными организациями по их требованию или по иным основаниям с целью ограничения или наложения запрета на распространение сообщений и материалов, либо их отдельных частей. Статья 2. Свобода слова, получения и распространения информации определяет, что:

1. Свобода слова, творчества, выражения в печатной и иной форме своих взглядов и убеждений, получения и распространения информации любым не запрещенным законом способом гарантируются Конституцией Республики Казахстан. Цензура запрещается.

Подобная статья имеется и в «Законе о средствах массовой информации» Российской Федерации, Статья 3. Недопустимость цензуры

Каковы же реалии на сегодняшний день?

Проблема цензуры, по причине политически неудобного контента, актуальна на территории всех стран бывшего СССР. По данным «Репортеров без границ» в число «особого наблюдения» входят таких страны бывшего СССР как: Россия, Казахстан. «Врагами интернета» по этому же рейтингу объявлены: Белоруссия, Узбекистан и Туркменистан, вместе со странами: Египет, Северная Корея, Иран, Сирия и Китай. В этих странах, так сказать, следят за подачей только «правильных» политических новостей. В Белоруссии был подписан президентский указ «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети интернет», по которому все провайдеры должны хранить данные о пользователях. В Туркменистане первые точки доступа открылись только в 2007 году, и те контролировались военными. В Узбекистане заблокировано порядка 250 ресурсов, включая оппозиционные, также периодически пропадает доступ к новостным ресурсам (к примеру в период «Арабской весны»).

10 октября 2008 года на территории казнета был заблокирован доступ к популярной платформе “Livejournal”, в момент экономического, и как говорят в народе — политического кризиса. Тема блокировки в сети Казахстана ЖЖ, как сокращенно называют «Живой журнал», все еще остается актуальной и обсуждаемой.

Аналогичные проблемы существуют в Киргизии, Узбекистане и других близлежащих странах.

Это только несколько примеров из многих, ведь блокада политических тем в интернет сетях началась с 2000-х годов и продолжается и по сей день.

В списке главных врагов Интернета — три страны. Казахстан оказался в компании с Узбекистаном и Туркменистаном. Заявлено об этом неприятном факте для страны председателем ОБСЕ на XII Центральноазиатской конференции по проблемам СМИ в Душанбе, в где обсуждались проблемы доступа к информации в Центральной Азии.

В ежегодном докладе «Свобода в сети 2013» международная правозащитная организация «Freedom House», базирующаяся в Вашингтоне, поставила Казахстан на 44 место из 60 стран. Страну признали «частично свободной» в части наличия помех к доступу, контенту и правам человека.

И тут можно спросить: если мы идем большими шагами прогресса в технологическом мире, почему мы должны отставать в политическом развитии и жить в молчаливо контролируемом прошлом?

Но только ли в государствах постсоветского пространства цензура политических процессов в сетях является актуальной?

Возьмем США, которая себя позиционирует страной свободы слова будь то о политике, или о чем-либо другом. По данным Google Transparency Report США занимают первое место по заявкам на удаление контента из сети. Что их оправдывает? То, что еще 2 века назад они приняли закон о запрете печатания любого ложного, скандального или злобного материала о президенте и конгрессе. Тогда еще не существовал Интернет, и этот закон автоматически перешел на него с его появлением. По данным Freedom House США занимают 36 место по соблюдению свободы слова в связи с политических темами,

И особенно ярко это демонстрирует нынешняя информационная политика США, стран Западной Европы в освещении ситуации в Украине. Граждане этих стран в результате цензурной блокады, не всегда могут объективно оценить ситуацию

«Кто владеет информацией — тот владеет миром», писал Ротшильд. Ведь не имея в своем распоряжении истинной информации о чем-то или о ком-то, легко попасть под влияние манипуляторов человеческих умов. Чем больше будет у граждан объективной всесторонней информации, тем сложнее будет их

контроль и управлять в интересах определенной узкой группы людей.

Данную информацию распространяют сети, поэтому ее так бояться зачастую те, кто имеет власть и те, кто к ней стремится. Недаром одним из последних проектов в Украине стал проект «об ограничении доступа к интернет-ресурсам на Украине».

Проблема цензуры в информационных сетях, особенно политических процессов, остро стоит в наше время перед всем миром. Государства ведут информационную борьбу, но забывают о некоторых правах человека, в частности о праве на свободу слова. А это право является одним из первых показателей демократичности страны. В свою очередь, демократия — это политический режим к которому стремится весь мир, но по каким-то причинам вместо того чтобы идти навстречу к нему, «убегает» в другую сторону.

Политико-административные коалиции как объект управления: возможности и пределы

Журавлева Татьяна Андреевна

Аспирант
МГУ им. М. В. Ломоносова
Факультета государственного
управления
г. Москва

Осень 2011 года стала отправной точкой для формирования нового социального контекста в России. Последние три года, сопровождающиеся ростом активности гражданского населения, периодические волны протестов, охватывающие практически все регионы страны, позволяют говорить о новом этапе развития и становления гражданского общества в России и конструировании абсолютно иного диалога власти и общества. Процессы институционализации «несистемной» оппозиции, внесения изменений в избирательное законодательство в части возвращения прямых выборов губернаторов и изменения требований к партийным организациям актуализируют вопрос о необходимости переосмысления процесса государственных решений и о роли политических элит в нем.

Усиление корпоративной сплоченности внутри правящего класса, приводящая к профилированию деятельности в сторону групповых интересов, внутренняя конкуренция в рамках политической системы за контроль над большим количеством ресурсных потоков и усиление защитных механизмов политико-административных коалиций ведет к доктринальному изменению характера профессиональной деятельности в сторону персональной лояльности интересам группы. Постоянное воспроизводство данных факторов ведет к снижению эффективности используемых управленческих механизмов и разрушению базовых принципов системы государственного управления.

Рассматривая в качестве основы исследования функциональное разграничение властной и управленческой подсистем государства, а также подчеркивая открытый, исключаящий устойчивую формализацию, характер их взаимодействия, следу-

есть отметить, что политическая реальность априорно несет в себе некую область неопределенности, в рамках которой существуют некоторые композиции связей, чаще всего имеющие корпоративный и латентный характер. Изначально включенные во внутреннюю организацию государства корпоративные структуры, во многом, определяют реальное состояние политической системы и сочетание механизмов власти и управления.

С начала 2000-х гг. и по сегодняшний день в сетевой теории больший акцент ставится на изучении сетевых образований в рамках сложных систем. Рассматривая сложную систему в качестве совокупности различных взаимодействий ее компонентов, сетевая теория старается объяснить не только происходящие социальные процессы, но и становится в центре наиболее революционных технологических разработок 21 века в различных областях и сферах. В рамках изучения различных комплексных систем сетевая теория базируется на принципе, что несмотря на огромные отличия, природу появления и процессы развития различные сетевые образования подчиняются ряду фундаментальных законов и воспроизводимых механизмов. Ключевым открытием 21 века в сетевой теории состоит в том, что структура и эволюция сетей, возникающих в различных областях общественной жизни, природы или технологических разработках, довольно похожи друг на друга, что позволяет использовать общий набор математических инструментов для изучения этих систем. Эта универсальность является одним из руководящих принципов сетевой теории на данный момент, позволяющая не только раскрыть конкретные свойства сети, но и понять ее основные структурные компоненты, законы кодирования, которые, в свою очередь, влияют на развитие сети, и приводят к понимаемым последствиям ее активности [1].

Одной из ключевых проблем в рамках современной сетевой теории является вопрос управления сложными сетями. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных динамике как технологических, так и социальных сетей, вопросы управления рассматриваемыми изменениями по-прежнему остаются открытыми [2].

Вследствие нелинейного характера сетевого образования механизмы контроля также рассматриваются в рамках нелинейного динамического моделирования, но и здесь не существует единого подхода в связи с чрезвычайно сложной зависимостью между топологией сети и нелинейными динамическими процессами. Суще-

ствует ряд исследований, относящихся, скорее, к частным случаям попытки выделения механизмов управления и контроля сложными сетями, посвященных отдельным аспектам коммуникационного процесса (в частности, процесс нахождения консенсуса), изучению трафика и некоторым технологическим сетевым образованиям [3]. Что же касается рассмотрения вопросов управления политическими сетями, представляющих наиболее сложный тип социальных сетей в силу высокой степени нелинейности и неопределенности происходящих внутрисетевых процессов, то пока не существует комплексных исследований для определения механизмов управляемости подобными сетевыми образованиями.

Инструментальная логика построения политико-административной сети элит базируется на развитии следующих основных направлений: определение структуры сети, выявление сложившихся взаимозависимостей, выявление доминирующих акторов либо малых групп и взаимоотношений между ними. Таким образом, при проведении исследования базовой моделью является определение коалиционных взаимозависимостей в рамках политико-административной сети, что позволяет в дальнейшем определить внутренние механизмы взаимного влияния отдельных акторов.

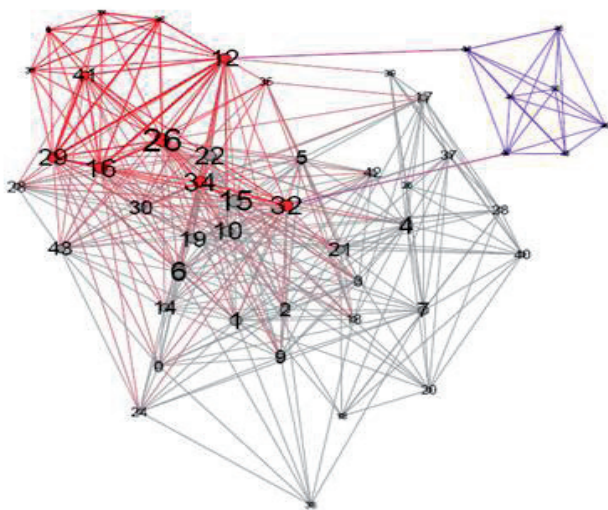

Рис. 1. Политико-административная сеть региона N.
Цвет связей: серый – профессиональные связи; красный – неформальные связи; фиолетовый – административные связи.

Рассмотрим пример политико-административной сети региона N. При анализе внедепутатской деятельности выборки региональной элиты было выявлено, что 98,2 % депутатов вовлечены в деловую активность и являются ведущими бизнесменами ключевых отраслей региона. Учитывая особый неформальный политический статус данного региона, связанный с высоким уровнем протекции со стороны федерального центра, связи между участниками были дифференцированы как формальные (профессиональные) и неформальные (включающие агрегированную оценку экономических и неформальных отношений).

Анализ данной сети показывает наличие ключевых акторов принятия решений, обладающих как высоким формальным, так и неформальным статусом, и образующих политико-административную коалицию.

Также на рисунке представлены административные связи, показывающие тесную связь законодательного и исполнительного органов региона. В первом случае 32-47 они представлены родственными связями, во втором 12-14 они обусловлены неоднократным перемещением участников сети из законодательного органа с исполнительным.

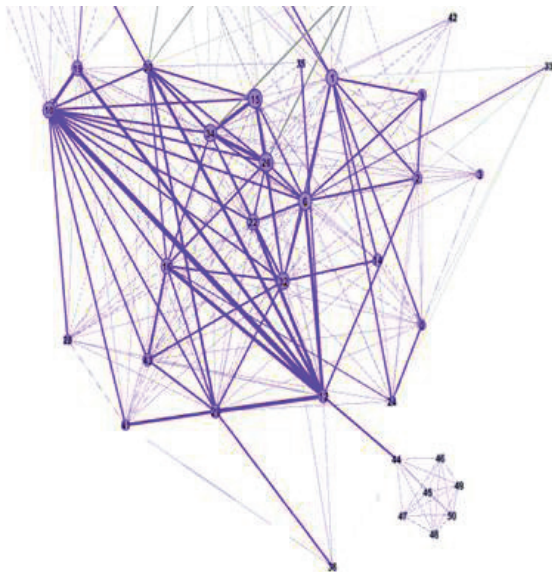

Рис. 2. Формальные связи

На Рисунке 2 представлены формальные связи в рамках анализируемой сети. Наибольший формальный вес имеет участник сети под номером 10.

В тоже время следует особо подчеркнуть сильную связь 10-12. Эксперты оценивают данную связь как протекционную, что подтверждается при оценке неформальных связей, когда данные участники сети меняются местами.

На Рисунке 3 представлены неформальные связи, которые позволяют выделить некоторую подсеть 12–29–16–26. Интересно, что именно такой состав представлен в одном из Комитетов на протяжении 5 созывов.

Рис. 3. Неформальные связи

Внедепутатская деятельность участников сети, обладающих наибольшим количеством связей и показателями центральности, отражает степень вовлеченности депутатов во все основные отрасли экономики региона (в первую очередь, сельское хозяйство). Таким образом, данный регион может быть также охарактеризован как регион корпоративной элиты с высоким уровнем риска возникновения конфликта интересов.

Элиты, будучи нетипичной комплексной структурой с высоким уровнем автономности, по сути, определяют все стороны социально-экономической деятельности региона. Факт того, что изменения, внесенные в законодательство накануне выборов осень 2012 года, преследовали цели сохранения текущих корпоративных элит местях, очевиден. Государство, вместо того чтобы исполнять исторически возложенные на него функции по реализации общественных интересов и в изменяющихся современных условиях стать платформой для общения и обращений со стороны граждан, поддерживает систему взаимодействия различных групп с частными интересами. В связи с подобной проводимой политикой кризис доверия к власти только будет углубляться.

Однако стоит подчеркнуть, что процессы демократизации общества не являются панацеей для данной проблемы. Пределы открытости и вовлеченности граждан в публичную политику до сих пор являются предметом острых дискуссий. Две крайние точки континуума «демократизация-корпоративизация», по сути, одинаково пагубно влияют на жизнедеятельность социума во всех его проявлениях.

Безусловно, в рамках существующих концепций можно выделить отдельные механизмы влияния на характер взаимодействия внутри политической сети, на лидеров, на позиционирование отдельных акторов и др., однако, как на практике подобные итерации часто приводят к контринтуитивному поведению сети и долгосрочным негативным последствиям. В связи с этим необходимость выработки системного представления о возможности (или невозможности) управления и контроля политической сетью является важной задачей в русле современной сетевой науки.

Список источников

1. K. Venkatesan, J.-F. Rual, A. Vazquez, U. Stelzl, I. Lemmens, T. Hirozane-Kishikawa, T. Hao, M. Zenkner, X. Xin, K.-I. Goh, M. A. Yildirim, N. Simonis, J. M. Sahalie, S. Cevik, C. Simon, A.-S. de Smet, E. Dann, A. Smolyar, A. Vinayagam, H. Yu, D. Szeto, H. Borick, A. Dricot, N. Klitgord, R. R. Murray, C. Lin, M. Lalowski, and J. Timm. An empirical framework for binary interactome mapping. *Nature Methods*, 6 (83), 2009; L. Wu, B. N. Waber, S. Aral, E. Brynjolfsson, and A. Pentland, Mining Face-to-Face Interaction Networks using Sociometric Badges: Predicting Productivity in an IT Configuration

Task, http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1130251;
<http://www.vispolitics.com/>; [http://senseable.mit.edu/obama/the_](http://senseable.mit.edu/obama/the_city.html)
[city.html](http://senseable.mit.edu/obama/the_city.html)

2. Albert, R. & Barabasi, A.-L. Statistical mechanics of complex networks. *Rev.Mod. Phys.* 74, 47–97 (2002). Newman, M. E. J. The structure and function of complex networks. *SIAM Rev.*45, 167–256 (2003). Boccaletti, S., Latora, V., Moreno, Y., Chavez, M. & Huang, D.-. Complex networks: structure and dynamics. *Phys. Rep.* 424, 175–308 (2006).. Caldarelli, G. *Scale-Free Networks: Complex Web in Nature and Technology* (Oxford University Press, 2007). Fortunato, S. Community detection in graphs. *Phys. Rep.* 486, 75–174 (2010).

3. Slotine, J.-J. & Li, W. in *Applied Nonlinear Control* (Prentice-Hall, 1991). Wang, X. F. & Chen, G. Pinning control of scale-free dynamical networks. *Physica A* 310, 521–531 (2002). Wang, W. & Slotine, J.-J. On partial contraction analysis for coupled nonlinear oscillators. *Biol. Cybern.* 92, 38–53 (2005).. Sorrentino, F., di Bernardo, M., Garofalo, F. & Chen, G. Controllability of complex networks via pinning. *Phys. Rev. E* 75, 046103 (2007). Yu, W., Chen, G. & Lu, J. On pinning synchronization of complex dynamical networks. *Automatica* 45, 429–435 (2009). Rahmani, A., Ji, M., Mesbahi, M. & Egerstedt, M. Controllability of multi-agent systems from a graph-theoretic perspective. *SIAM J. Contr. Optim.* 48, 162–186 (2009).

Социальные сети как фактор формирования общественного мнения и влияния на политические решения на примере сирийского кризиса

Лукьянов Максим Алексеевич

Докладчик
ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»
Факультет политических наук и социологии
г. Кемерово

Сегодня Интернет для многих людей в мире стал неотъемлемой частью жизни. Интернет предстает настоящим пионером глобализации, принося с собой ценности, меняющие культурную, социальную и политическую среду. Пользователями всемирной сети являются более 2 млрд. человек и это число перманентно растет [12].

Определенным атрибутом в Интернете стали социальные сети — мультимедийные средства коммуникации, позволяющие общаться людям из разных частей света в режиме on-line, выстраивать отношения, вести бизнес, распространять идеи и ценности [7]. Социальные сети становятся полноценной сферой формирования общественного мнения и влияния на процесс принятия политических решений, в которой свои интересы могут представлять как инсайдеры политической сферы, так и группы, не инкорпорированные в политический класс.

Известно, что через формирование общественного мнения возможно воздействовать на инсайдеров политической власти, «гласом народа» направляя в русло принятия определенного политического решения. Социальные сети активно развиваются и имеют определенные возможности для формирования общественного мнения. Во-первых, социальные сети носят массовый характер и объединяют наиболее активную и молодую часть населения. Во-вторых, соцсети предоставляют возможность вести двустороннюю коммуникацию, что в подобном виде невозможно в традиционных СМИ. В-третьих, соцсети относительно дешевый и удобный вид коммуникации. В-четвертых, на фоне «ангажированности и

необъективности» теле-, радио- и печатных СМИ, авторитет соцсетей растет [8]. Таким образом, социальные сети выглядят очень удобным средством предоставления реципиентам информации, способной сформировать особое общественное мнение, влияющее на процесс принятия политических решений.

Широко известно, что социальные сети стали орудием формирования общественного мнения в странах арабского Востока во время так называемой «арабской весны» 2011-2012 гг [11]. В частности в Сирии волна «арабской весны» вызвала к жизни серьезнейший социально-политический раскол, прошедший по границам крупнейших групп и сетей. Сейчас страна находится в состоянии хронического военно-политического противостояния между правительством и проправительственными группами и оппозицией разного толка, от умеренной до откровенно радикально исламистской. При этом на внешнеполитической арене вокруг Сирии развернулось настоящее противостояние между группами стран [9]. Каждая из них осуществляет свою информационную экспансию, направленную на формирование выгодного общественного мнения как внутри Сирии, так и за ее пределами. На этом фоне социальные сети играют особую роль. Несмотря на тяжелые военные и гуманитарные условия, многие жители продолжают использовать Интернет. Ситуация в Сирии уникальна тем, что для разрешения кризиса важно формирование общественного мнения не только в самой Сирии, но и в странах, влияющих на процесс урегулирования.

Существует технология влияния на инсайдеров посредством формирования общественного мнения. Выделяются основные этапы:

- создание информационной базы влияния;
- организация провокационной ситуации;
- вовлечение групп населения в политический процесс;
- осуществление управленческих воздействий [4].

Первый этап. В начале 2011 года в социальной сети Facebook была создана группа «Сирийская революция-2011» [10], в которой размещались призывы ко «Дню гнева», компрометирующая политический режим и лично президента страны Башара Асада информация. Первая попытка вывести людей на улицы через призыв в соцсети не удалась, но была сформирована информационная база для дальнейших активных действий.

Второй этап. После многочисленных призывов в соцсетях, были организованы демонстрации с требованием прове-

дения крупномасштабных политических реформ и борьбы с коррупцией.

Третий этап. В середине марта 2011 года началось восстание в Дераа, а позже и в других городах Сирии [3]. Так огромное число людей выступило против существующего режима.

Четвертый этап. Президент Башар Асад идет на уступки и 29 марта отправил правительство в отставку [5], позже сменил премьер-министра [6] и отменил режим чрезвычайного положения [2].

Таким образом, социальная сеть стала фактором, позволившим сформировать общественное мнение, призвавшее правительство начать реформы. Но также это инициировало процесс раскола и начала войны. Ситуация стала выходить из-под контроля правительства. В итоге, на площадке соцсетей развернулась уже крупномасштабная война за «умы и души» людей. Оппозиционные группы в соцсетях с большой периодичностью представляли людям «доказательства» жестокости режима, пытались заставить людей поверить в нелегитимность и преступность существующего режима. Следует отметить, что в отличие от своих соседей, также испытавших ураган «арабской весны», власти Сирии более серьезно подошли к вопросу противодействия идеям свержения правительства, распространявшимся через соцсети [1]. На первом этапе борьбы правительство пыталось действовать методом отключения доступа к Интернету, но вскоре была осознана бесперспективность такого метода. Поэтому, вскоре многочисленные сторонники правящего режима организовали целый фронт противодействия идеям, усугубляющим и без того нарастающий конфликт в стране.

Благодаря тому, что на первом этапе борьба за «умы и души» людей в соцсетях проправительственными силами проиграна не была, удалось «выравнять» общественное мнение.

Внешне процесс противоборства в соцсетях выглядит как конфронтация агентов влияния двух позиций. На этапе стремительно нарастающей революционной ситуации противоборство носило непримиримый характер, проявлявшийся в чрезмерной навязчивости каждой из сторон, взаимных обвинениях и наклеивании ярлыков, что подогревало эскалацию противостояния. Позже, когда революционная волна стала утихать, а военное противоборство перешло в хроническую стадию, непримиримость борьбы стала сменяться применением методов и приемов, направленных на «безболезненное» перемещение людей к другому мнению. Например, агенты внедряются в наиболее обостренные

узлы сетей под видом нейтральных лиц с убедительными аргументами, заинтересованных в объективном обсуждении. В процессе отвлеченного общения между собой агенты не поощряют ни одну из точек зрения и представляют взгляд со стороны. В ходе такой дискуссии неявно подрываются позиции соперников, а у зрителей складывается впечатление, будто обсуждение было не спланированным и объективным. Подобной и многими другими методами пользуются в сетях как сторонники правительства, так и сторонники оппозиционных групп. Соцсети в Сирии стали важным орудием в привлечении людей на свою сторону в ходе долгого противостояния. Гражданская война в Сирии приобрела затяжной характер. Во время любой гражданской войны важнейшую роль играет вопрос привлечения групп населения на свою сторону противоборствующими лагерями. События в Сирии демонстрируют все более возрастающее значение социальных сетей и Интернета в целом как мощного орудия для формирования необходимого для принятия политической элитой решения общественного настроения. Изучение этого вопроса равно важно для обыденной политической практики и в контексте национальной безопасности. Социальные сети принесли множество изменений в жизнь людей. Под воздействием социальных сетей трансформируется и характер политического взаимодействия между группами политической, социальной и экономической сфер общества. Дальнейшее изучение социальных сетей как фактора формирования общественного мнения и принятия политических решений представляется очень важным и перспективным.

Список литературы

1. Боков Т. А. Сирия: информационная борьба в Интернет-пространстве / Т. А. Боков. URL:// <http://iimes.ru/rus/stat/2011/12-10-11a.htm>
2. В Сирии отменен режим чрезвычайного положения. URL:// <http://www.novopol.ru/-v-sirii-otmenen-rejim-chrezvyichaynogo-polojeniya-text100023.html>
3. В сирийском Дераа вновь собираются сотни демонстрантов. URL:// http://ria.ru/arab_news/20110326/358097107.html
4. Литвинов Д., Крикунов А. Формирование общественного мнения через сети, как способ влияния на политические решения / Д. Литвинов, А. Крикунов. URL:// <http://www.catu.su/>

analytics/358-formirovanie-obwestvennogo-mnenija-cherez-socialnye-seti-kak-sposob-vlijanija-na-politicheskie-reshenija

5. Правительство Сирии ушло в отставку. URL://<http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20110329170034.shtml>

6. Президент Сирии назначил нового премьер-министра. URL://<http://lenta.ru/news/2011/04/03/minister>

7. Социальная сеть. URL://<http://seopult.ru/library>

8. Тренды в социальных медиа и цифровом мире. URL://<http://www.strategy.com.ua/Articles/Content?Id=1650&type=Forprint>

9. Шарипов У. З. Битва за Сирию // Обозреватель-Observer. 2012. № 10. С. 64–74.

10. The Syrian Revolution 2011. URL://<http://www.facebook.com/Syrian.Revolution>

11. Twitter, Facebook and YouTube's role in Arab Spring (Middle East uprisings) URL://<http://socialcapital.wordpress.com/2011/01/26/twitter-facebook-and-youtubes-role-in-tunisia-uprising>

12. World Internet Users and Population Stats. URL://<http://internetworldstats.com/stats.htm>

Public Affairs как технология сетевое взаимодействие транснационального бизнеса с заинтересованными стейкхолдерами*

Романова Людмила Андреевна

Магистр 2 курса
Санкт-Петербургский
Государственный Университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

Наступление двадцать первого века принесло осознанную необходимость бизнеса выстраивать эффективные взаимоотношения с международными участниками политики по разнонаправленным вопросам. Способность управлять рисками в условиях растущей сложности, динамизма и неопределенности современной окружающей среды стало первоочередной проблемой для современного менеджмента. Процесс глобализации и усложнение современного общества способствовало возникновению Public Affairs, как инструмента адаптации в условиях ограниченной стабильности международной системы. Глобальной среде присущи черты сетевой матрицы, включающей разнообразное число стейкхолдеров с которыми организации необходимо вступать в отношения. Поэтому развитие международных корпоративных связей и рост транснациональных организаций обусловило появление ПА, как метода борьбы с рисками во внешней среде.

Под Public Affairs понимается «обобщенный термин, отсылающий к тому, как фирма развивает и внедряет свою предпринимательскую стратегию (т. е., какова ее цель?), к ее корпоративной публичной политике (с акцентом на публичной, социальной или контрагентской окружающей среде или на особых проблемах внутри этой среды), к ее стратегии публичных дел (здесь наибо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Сетевые практики в публичной политике как фактор совершенствования современного городского управления», проект № 14-33-01356

лее значим проблемный и кризис менеджмент) и к тому, как все эти процессы могут быть совмещены в рамках функции (департамента) публичных дел» [1; 17].

Public Affairs как направление менеджмента считается намного шире, чем Public Relations и Government Relations. Поскольку вбирает в себя работу по выстраиванию отношений организации абсолютно со всеми заинтересованными стейкхолдерами. Под заинтересованными стейкхолдерами подразумеваются законодатели, государственные служащие, акционеры, инвесторы, контрагенты, профессиональные ассоциации, политические партии, профсоюзы, общественные и отраслевые организации, средства массовой информации, а также отдельные лица или группы лиц, которые проявляют интерес к делам организации.

Стратегическая функция Public Affairs заключается в адаптации любых институциональных условий среды для совершенствования конкурентного преимущества организации. С самого начала своей деятельности организация накапливает различные ресурсы (финансовые, человеческие, информационные и пр.), которые далее образуют ее «символический капитал». Отметим, что данную категорию ввел французский социолог Пьер Бурдьё, который понимал под символическим капиталом «особый кредит доверия, который может выражаться в репутации, авторитете, имидже его носителя и делающий свободным любой акт социального обмена» [2; 102]. Исследуя деятельность транснациональных корпораций в глобальной среде «символический капитал» приобретает большое значение, поскольку его вес будет определять частоту и качество связей корпорации с остальными участниками сети. При этом действует зависимость, чем больше символический капитал организации, тем больше будет уровень доверия к ней.

Также стоит упомянуть теорию стейкхолдеров, которая оказывает помощь в определении отдельных лиц или групп лиц, чьи требования в первую очередь организация будет стремиться удовлетворить. Теория стейкхолдеров (stakeholder theory) получила свой импульс развития в 80-х годах, когда была опубликована работа американского исследователя Эдома Фримена «Стратегический менеджмент: концепция заинтересованных сторон». Согласно данной концепции успех и долгосрочные перспективы компании зависят от ее способности устанавливать и поддерживать связи внутри сети стейкхолдеров. Сама модель отношений между стейкхолдерами представляет собой сеть, где каждый

участник стремится установить как можно больше контактов, чтобы принимать участие в транзите ресурсов и иметь доступ к большему объему информации [3].

В Public Affairs как и в теории стейкхолдеров первостепенной задачей является установление и поддержание отношений со всеми участниками публичного пространства для формирования позитивного имиджа и минимизации издержек деятельности организации. Из-за большого количества объектов, имеющих потенциальный интерес к деятельности организации, Public Affairs включает в себя несколько профильных менеджеральных направлений: Public Relations — выстраивание гармоничных отношений между корпорацией и обществом, Government Relations — взаимодействием с органами государственной власти, Social Corporate Relations — работа в области корпоративно-социальной ответственности, взаимодействием с инвесторами — Investor Relations, Media Relations — работа со СМИ [4].

Управление публичными делами в контексте международной деятельности является довольно сложной задачей. Транснациональные корпорации состоят из множества отдельных организаций, действующих в глобальной среде. Они представляют собой сеть филиалов, которые функционируют в различных национальных институциональных условиях. Престон отметил, что данная сложность управления включает в себя ряд международных связей среди торговых и инвестиционных отношений, управленческих и политических связей. В этом смысле применение Public Affairs стала своеобразным лекарством, способствующим адаптации организации в иных институциональных условиях, где ей приходится работать.

Сложность управления публичными делами состоит в том, что современное управление корпорацией в условиях глобального пространства подвержено большому количеству рисков (фискальный обрыв крупных мировых экономик, кризис современной демократии, социальная напряженность и политические волнения). Поэтому Public Affairs, как функция организации, направлена на выявление рисков публичной среды, чтобы обеспечивать комфортные условия для жизнеспособности организации.

Public Affairs становится все больше и больше стратегическим инструментом управления для компаний, групп интересов и правительственных организаций, чтобы минимизировать издержки повсеместно. Также оно приобретает все большую зна-

чимость при поиске оптимального решения с учетом требований всех заинтересованных сторон. Системные вызовы в виде коррупции, наличия теневого рынка, отсутствия действенной бизнес-этики и нехватки общепризнанных общественных стандартов только стимулирует развитие Public Affairs как научно обоснованного знания.

Список литературы

1. Carroll A. Business and Society: Ethics and Stakeholder Management. 4d edn. Cincinnati: Southwestern, 1996. P. 3. цит. по: GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством. Уч. пособие. Под ред. Л. В. Сморгунюв и Л. Н. Тимофеевой. М., 2012.
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Петров М. А. Теория заинтересованных сторон: пути практического применения / М. А. Петров // Вестник СПбГУ. Сер. 8. 2004. №2 (16). С. 51–68.
4. Phil Harris and Craig S. Fleisher. The Handbook of Public Affairs. 2005.

Информация о терактах в социальной сети «ВКонтакте»: специфика контента и функционального назначения

Бобрышова Александра Сергеевна

Магистрант
Российский университет дружбы
народов
Филологический факультет
г. Москва

Сравнительно-сопоставительное исследование информации о терактах в Ставрополе (26 мая 2010 года), Москве (24 января 2011 года), Волгограде (29 и 30 декабря 2013 г.), появившейся в неофициальных группах в социальной сети «ВКонтакте», показало, что пользователи оперативно и активно откликаются на чрезвычайные ситуации подобного рода. В группах выкладываются новости, фото или видео или просто даются ссылки на СМИ. Основное назначение постов на первом этапе — это информирование о происшедшем событии.

Как правило, такие посты сопровождаются значительным количеством комментариев с эмоциональной окрашенностью, позволяющих их авторам выразить отношение к случившемуся. Этому же способствуют создаваемые темы и опросы.

Представляется также оперативная справочная информация (списки пострадавших, сведения о сдаче крови).

Сопоставление тем в период названных терактов показало, что во всех случаях актуальными были темы «Кто виноват?» и «Что делать?». Отдельно проходила тема скорби и сочувствия жертвам теракта. Показательно, что с течением времени поиск виновного пользователями все чаще сводится к обсуждению межнациональных проблем.

На примере проанализированных медиасобытий можно сделать вывод о том, что социальная сеть «ВКонтакте» использует приемы конвергентной журналистики, сочетая текстовую, фото- и видеoinформацию. В то же время результаты исследования свидетельствуют о некоторых изменениях контента: московский теракт сопровождался большим количеством де-

мотиваторов, чего не было в предыдущем случае, в то же время при обсуждении волгоградских терактов выкладывали GIF (Graphics Interchange Format) — анимированные графические изображения.

В целом, социальная сеть в период терактов является площадкой для гражданских журналистов, позволяя пользователям узнавать об общественно значимых событиях не только из официальных источников и из СМИ, но и из открытых групп и публичных страниц «ВКонтакте». Не менее значимой является предоставляемая пользователям возможность излагать свою точку зрения на происходящие события, тем самым отражая и формируя общественное мнение.

Таким образом, социальная сеть «ВКонтакте» в период чрезвычайных ситуаций выполняет разные функции — информирования о событиях, публицистической коммуникации, справочно-консультационную и др.

Актуальные проблемы организации политического интернет – вещания в России: анализ политического интернет – телевидения в России и США

Дегтерева Екатерина Дмитриевна

Студентка
Московский государственный уни-
верситет им. М. В. Ломоносова
Факультет журналистики
г. Москва

Использование интернет – телевидения политическими партиями связано с признанием эффективности веб – технологий в коммуникативном процессе между государственными деятелями и избирателями.

Так, проведение предвыборной кампании в интернете обладает рядом преимуществ над классическим телевидением. Во-первых, тексты и видео-файлы в Сети могут существовать неограниченное количество времени. Во-вторых, в Интернете удастся избежать ужесточения финансового контроля над предвыборной рекламой, которое преобладает на телевидении. Кроме того, использование интернет – телевидения в политической сфере предоставляет необходимый плюрализм мнений, за счет отсутствия цезуры в интернете, тем самым выгодно отличается от традиционного ТВ-вещания [1]

В рамках нашего исследования, за политическое интернет – телевидение, мы приняли интернет – каналы партий и общественно – политических организаций в России и США.

Геополитический выбор нашего исследования связан с историческим первенством возникновения интернет – телевидения в США, как самостоятельной единицы, так и его активным использованием в политической сфере.

Интернет – каналы всех партий США базируются на видеохостинге YouTube. В России для создания интернет-каналов партий часто используются самостоятельные сайты, например, у КПРФ (КПРФ-ТВ) [4], ЛДПР(ЛДПР-ТВ) [5], партии «Яблоко» (Яблоко-TV) [6]

Однако, даже отдельный сервер в России, уступает интернет — каналам США на YouTube качеством организации информации. В большинстве случаев, видеоматериалы Российских партий в интернете не отвечают требованиям телевизионной журналистики: отсутствует жанровое своеобразие, нарушен принцип организации видеоматериала и закадрового текста, игнорируются правила проведения телесъемки.

Руководители информационно — исследовательского центра «Панорама» Владимир Прибыловский и Александр Верховский в эфире радио «Свобода» отметили негативную тенденцию в развитии политического интернет — вещания в России, связанную с тем, что оно не отражает действительной расстановки политических сил в стране. Если в США две лидирующие партии: Демократическая во главе с Б. Обамой и Республиканская активно борются за внимание избирателей с помощью интернет — телевидения, то действующая партия «Единая Россия», во главе с председателем Д. Медведевым выражают формальную заинтересованность в его существовании, а наибольшую активность проявляют оппозиционные партии. Таким образом, снижается имиджевая составляющая успешного развития политического интернет — телевидения в России.[3]

Специализированные политические интернет — каналы представлены в США большим многообразием. Смотреть их можно в режиме онлайн без подписки или оплаты просмотра. Помимо классических интернет — каналов существуют комбинированные. Канал TVW [7], признанный аналитиками лучшим по содержанию, вещает как на традиционном ТВ, так и в сети, используя на этих площадках абсолютно разный контент.

В США существуют интернет-каналы, которые вещают непосредственно из правительственных организаций. Например, «The White house» [8] осуществляет трансляцию из Белого дома. Подобная практика находит поддержку у президента Б. Обамы, который ведет рубрику «Ваш Еженедельный Адрес». Каждое субботнее утро он обращается к аудитории с комментарием об актуальном событии недели.

Интернет — каналы правительственных организаций США активно представлены на окружном уровне. Телеканал палаты Мичигана «House TV» [9] транслирует в прямом эфире все заседания, а записанные передачи выходят в эфир в неотредактированном виде.

На сайте Государственной думы России, так же как и на сайте конгресса США, осуществляется прямая трансляция в рамках

интернет-канала «Парламентское ТВ». Существует рубрика председателя Государственной Думы С. Е. Нарышкина и передача о работе парламента «Парламентский час». Но организация вещания лишена журналистского профессионализма и телевизионного креатива. [10]

Общественная палата РФ открыла свой интернет — канал OPRF.TV на отдельном ресурсе. В рамках нашего исследования, за счет постоянного обновления контента и жанрового своеобразия, он может быть признан лучшим интернет-каналом, в сфере политического интернет — вещания в России. Но и здесь не обошлось без недостатков. Закадровый текст начитывается монотонным голосом, за счет чего информация подается сухо. А так же отсутствует деление материала на категории, что увеличивает количество затраченного времени на его просмотр.[11]

Таким образом, развитие политического интернет — телевидения в России замедляется за счет: 1) формальной заинтересованности правящей партии и президента в становлении политического интернет — вещания в России. Они могут набрать необходимое количество голосов без того, чтобы задействовать интернет — вещание. Подобный фактор снижает его имидж и общественную значимость; 2) нежелания зрителя платить производителю программы или IP-вещателю за просмотр. Если доступ к каналам становится платным, то только очень узкая аудитория пользуется интернет — каналом. Таким образом, производитель целиком зависит от рекламы на странице или в программе. Для развития объективно независимых политических интернет-каналов, необходимы финансовые средства, которые не будут предоставлять спонсоры, способные влиять на политику интернет — канала в будущем;[2] 3) непрофессионализма в организации работы политических интернет-каналов; 4) неправильной подачи информации. Для того чтобы интернет — телевидение смогло привлечь аудиторию традиционного ТВ, необходимо правильно организовывать новостные сюжеты, а аналитические — пользуясь всевозможными креативными формами, но максимально структурировано, в целях сохранения времени зрителя.

Список литературы

1. Абрамова Д. С. Политическая коммуникация в свете развития инновационных интернет технологий // Гуманитарные научные исследования. Январь. 2013. № 1.

2. Грамматин А. Б. Интернет — телевидение выигрывает войну за внимание // Научно-культурологический журнал Relga. 2010. № 8.

3. Радио «Свобода». Режим доступа: URL//<http://www.svoboda.org/content/transcript/24203771.html>

4. КИРФ-ТВ. URL//<http://www.kprf.tv>

5. ЛДПР-ТВ. URL//<http://www.ldpr.tv>

6. Яблоко-ТВ. URL//<http://www.yabloko.ru/content/tv>

7. Интернет — канал «TVW». URL//<http://www.tvw.org>

8. Интернет — канал «The White house». URL//<http://www.whitehouse.gov>

9. Интернет — канал «House TV». URL//<http://house.michigan.gov/htv.asp>

10. «Парламентское ТВ». URL//<http://www.duma.gov.ru/#parlament-tv>

11. OPRF.TV. URL//<http://www.oprf.ru/ru/press/conference/>

Разжигание коммуникационных конфликтов в сети Интернет как средство ведения информационных войн

Ермоленко Снежана Николаевна

Студентка 6 курса
СПбГУКИТ
Факультет массовых коммуникаций
г. Санкт-Петербург

Непременным условием разжигания информационной войны является коммуникационный конфликт. Он необходим главным образом потому, что на ровном месте войну не разжечь. Изначально должен быть повод. Конфликт. Если его нет, его провоцируют (создают искусственно). А дальше заинтересованные лица просто подбрасывают дрова в костер разгоревшейся войны, чтобы она не утихла.

Коммуникация в Сети имеет свою специфику. Основная проблема кроется в невозможности тотально контролировать и пресекать распространение деструктивной и попросту ложной информации. Если на телевидении, радио и в прессе информация проходит определенную фильтрацию, то с интернетом дело обстоит несколько иначе. Там можно получить практически любую информацию в свободном доступе, достоверность которой зачастую вызывает серьезные сомнения, а в некоторых случаях и вовсе тянет на серьезный срок. Информационные потоки в сети поддаются контролю с большим трудом. На смену одному заблокированному ресурсу приходит другой. И так до бесконечности.

Бытует мнение, что на войне все средства хороши. В этом плане информационная война от обычной мало чем отличается. В данном случае одним из средств ведения такой войны служит распространение дезинформации. Здесь вам и подтасовка фактов, и откровенная ложь, замешанная на правде (для пущей убедительности), и конструирование образа некоего общего "врага". К слову, общим врагом, в зависимости от ситуации, может выступать какой угодно человек или группа людей, главное, чтобы народ сплотился и некие заинтересованные лица, оседлав волну народного гнева, двинулись в нужном им направлении.

Ставка делается на человеческие эмоции. Известно, что человек, которого удалось вывести из себя, спровоцировать на определенную реакцию, оценивает ситуацию значительно менее трезво, чем в спокойном состоянии. Взывать к здравому смыслу становится все трудней, его критичность снижается, потому дальнейшая информация, которую ему преподносят, принимается на веру без вопросов и сомнений. Из этого можно смело сделать вывод, что апелляция к эмоциям — один из самых эффективных методов ведения информационных войн. Зачем это нужно? Об этом речь пойдет далее.

Подобные действия служат средством разжигания серьезных коммуникационных конфликтов. Это сложная, но крайне интересная тема, которая заслуживает отдельного изучения и обсуждения. Для начала следует привести определение термина «коммуникационные конфликты».

Итак, коммуникационный конфликт — это предельный случай обострения социально-коммуникативных противоречий, который находит свое выражение во множестве форм борьбы между субъектами коммуникации, которая направлена на достижение социальных, духовных, экономических и политических целей, когда сознанию не удается устанавливать каналы связи для интегративного потока информации[1]. Обычно выделяют микроуровень и макроуровень.

На микроуровне происходят противоречия между небольшими группами людей, т. е. это конфликты между коллегами, внутри семьи, между классами внутри того или иного государства и т. д.

На макроуровне происходят конфликты между народами, религиозными течениями, регионами и государствами. Это масштабные явления и события, в которые вовлечены большие группы людей, отстаивающие свою точку зрения и нежелающие принимать точку зрения противника.

Конфликты на макроуровне опасны тем, что могут повлечь развертывание мировой войны, выходящей далеко за пределы войны информационной. Что до последней, то в качестве примера коммуникационного конфликта макроуровня можно привести ситуацию, складывающуюся, в последнее время, между Россией и Украиной. Нет никаких сомнений, что эти два народа методично сталкиваются лбами. Достаточно зайти на любой интернет-ресурс, посвященный событиям в Украине, и ознакомиться с мнением идеологических противников. Становится ясно, что одним осве-

щением текущих событий дело не ограничивается. Что ж, если войны разжигают, значит, это кому-нибудь нужно... Или, как гласит крылатое латинское выражение, «Qui prodest» (Ищи, кому выгодно).

Исследования, посвященные проблематике коммуникационных конфликтов позволяют выделить несколько типичных групп проявления коммуникационной конфликтности в области информационного пространства:

- конфликт интерпретаций сообщения;
- конфликт коммуникационного восприятия сообщения;
- коммуникационно-лингвистический конфликт;
- конфликт коммуникационных элит[2].

На последнем хотелось бы заострить внимание, т.к. это может существенно облегчить понимание сущности информационных войн и мотивации их инициаторов. Для начала дадим развернутое определение. Коммуникационные элиты — это группы лиц, располагающие стратегическими ресурсами в виде информации, способной трансформировать информационное общество, и обладание которой является решающим фактором успеха в том или ином начинании. В данном случае речь идет о борьбе за власть и сферы влияния.

Конкуренция между коммуникационными элитами — закономерный итог глобализации и информатизации мира. Их конфликт обусловлен интересами политических элит государств и позиций, которые последние занимают в зависимости от текущей ситуации в мире. Таким образом, коммуникационные элиты определяют стратегии развития информационной сферы. Глобальная информатизация общества делает эту новую власть практически неподконтрольной. И главным инструментом в их деятельности, безусловно, является интернет, где основной площадкой ведения информационных войн выступают социальные сети. Если речь о России, то преимущественно социальная сеть «ВКонтакте». Объясняется это просто:

- наличие многомиллионной аудитории пользователей позволяет доносить необходимую информацию огромному количеству людей в самые сжатые сроки;

- относительная анонимность позволяет распространять дезинформацию безбоязненно и зачастую совершенно безнаказанно;

- количество аккаунтов, которые можно создать, ограничивается только количеством активных сим-карт.

Последнее удобно тем, что посредством «штампования» поддельных страниц, появляется возможность создания видимости единодушия и активной массовой поддержки или неодобрения того или иного сообщения.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что сетевые коммуникационные конфликты в информационных войнах зачастую обусловлены непосредственным вмешательством заинтересованных лиц. Не смотря на то, что по своей природе все конфликты бывают как конструктивными, так и деструктивными, рядовые участники информационных войн могут извлечь из них лишь иллюзорную выгоду, тогда как в реальном выигрыше всегда остаются только инициаторы, остающиеся в тени. К сожалению, единственным стопроцентно действенным способом уберечься от поражения в информационной войне, является неучастие в ней. Но для этого нужно сохранять спокойствие, самообладание и критичность, работающую в режиме нон-стоп. Этим мало кто может похвастать, вследствие чего многие люди невольно оказываются втянутыми в информационную войну. Массовый отказ от участия в информационных войнах, на данном этапе, видится маловероятным, т.к. пусть это явление и не новое, но изучено достаточно слабо, поэтому противостоять ему весьма проблематично.

Список литературы

1. Стеклова Н. А. Коммуникационные конфликты в обществе риска: социально-философский анализ. Саратов. 2012. С. 11
2. Стеклова Н. А. Коммуникационные конфликты в обществе риска: социально-философский анализ. Саратов. 2012. С. 35
3. Бертон Дж. В. Конфликт и коммуникации: Использование контролируемой коммуникации в международных отношениях, Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. — М.: Гардарики, 2002. С. 353–361.
4. Богомолова М. Н. Коммуникационный конфликт как явление действительности // Современные научные исследования и инновации. Сентябрь. 2012. № 9.

Анализ информационного освещения украинских протестов 2013–2013 гг. в социальных сетях

Кульназарова Анастасия

Аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
Гуманитарный факультет
Кафедра социально-политических наук
г. Санкт-Петербург

Современные протестные движения характеризуются широким использованием их участниками социальных сетей. Не стали исключением и политический кризис в Украине 2013–14 гг., ставший объектом информационной войны. Интернет и социальные сети — один из фронтов этой войны, причем далеко не второстепенный. Социальные сети по причине их доступности, простоты подачи информации и широкому охвату аудитории разных возрастов и категорий, способны оказывать мощное влияние на общественное сознание. Технологии, применяемые с целью подобного влияния необходимо исследовать по двум основным причинам: для их нейтрализации и для использования успешного опыта противника в собственных целях. Для исследования технологий информационного воздействия в социальных сетях в качестве примера выбрана самая популярная в России и Украине платформа «ВКонтакте», и сообщества в ней, касающиеся протестов на Украине.

Методика анализа заключается в следующих этапах.

1. Отбор сообществ: осуществляется на основе трех базовых критериев:

— Тематика: определяется при помощи набора ключевых слов («Евромайдан», «Правий сектор», протесты, революция, Украина; Антимайдан, Юго-Восток, Россия и Украина; и т. д.); иными словами, предварительно необходимо составить семантическое ядро на русском и украинском языках, после чего осуществляется поиск сообществ по заданной тематике.

— Количество участников: в данном исследовании контрольным числом выбрано количество участников более 10 000 чел.

Выбор обусловлен тем, что при меньшем количестве, как правило, в сообществе много поддельных страниц, низкая активность, и реальный охват аудитории оказывается незначительным. Кроме того, масштаб исследования не позволяет охватить мелкие сообщества по причине их большого количества.

— Активность обновлений: минимальным значением выбраны ежедневные обновления, от трех раз в сутки; активность такого уровня позволяет предположить, что транслируемые сообщения будут замечены пользователями.

2. Мониторинг динамики количества участников и их активности: прирост числа участников отслеживается с заданной частотой (один раз в неделю\месяц, в зависимости от задач исследования). При этом при помощи специальных программных продуктов ведется учет недействующих аккаунтов, что позволяет оценить реальный размер аудитории сообщества.

Активность участников отслеживается по максимальным значениям количества комментариев (если имеется возможность комментирования во всех анализируемых сообществах), репостов и «лайков». Этот анализ позволит выявить, какой тип контента получает наибольшее одобрение и распространение среди пользователей.

Также анализируется частота обновления новостной ленты (количество сообщений в минуту\час\день). Активность самого сообщества оценивается по интегральному показателю: прирост числа участников, максимальное число «лайков», «репостов», частота обновлений за определенный период. Степень влиятельности сообщества — по охвату аудитории и ее активности.

3. Демографический анализ: исследование поло-возрастного состава аудитории при сопоставлении с остальными данными исследования позволяет углубить и уточнить полученные выводы.

4. Анализ контента. При проведении масштабного исследования требуется проводить полноценный контент — анализ. На предварительном этапе исследования предлагается проведение экспресс — анализа контента, основанного на том, что выявляются содержательные категории контента и оценивается частота встречаемости тех или иных категорий. Например, это могут быть такие категории, как «контент, высмеивающий противника», «контент, содержащий изображения детей» и т. д.

Предложенная методика может быть использована как универсальная для прикладных сравнительных исследований соци-

альных сетей; она позволяет сравнивать эффективность коммуникативных стратегий в социальных сетях, привлекательность и степень воздействия контента на аудиторию. Методика была апробирована в январе — феврале 2014 г. На данный момент исследование затруднено тем, что доступ ко многим сообществам на территории Российской Федерации заблокирован решением Роскомнадзора №01КМ-7376 от 02.03.2014.

Представим некоторые результаты, полученные по итогам анализа, проведенного до указанной блокировки:

Сообщества, поддерживающие протест (vk.com/):

1. «Революция.Правый сектор». URL://http://live_ukr . Участников на 31.01.2014: 125 042 (прирост количества подписчиков составляет в среднем 2000 человек в день). Максимальное число «лайков»: 38 850. Частота обновлений (пост/минуту): 1/5.

2. «Правый сектор». URL://http://public62043361 Участников на 31.01.2014: 164 682 (прирост количества подписчиков составляет в среднем 2500 человек в день). Максимальное число «лайков»: 5 977. Частота обновлений (пост/минуту): 1/20.

3. «Евромайдан». URL://http://euromaidan.ukrain Участников на 31.01.2014: 16 820. Максимальное число «лайков»:86. Частота обновлений (пост/минуту): 1/20.

4. «Евромайдан». URL://http://euromaid. Участников на 31.01.2014: 13812. Максимальное число «лайков»:75. Частота обновлений (пост/минуту): 1/20.

5. «Евромайдан! Революція». URL://http://msukraine. Участников на 31.01.2014: 12148. Максимальное число «лайков»:42. Частота обновлений (пост/минуту): 1/20.

6. «Моя Україна| Інфоцентр| Правий Сектор». URL://http://iamuk. Участников на 31.01.2014: 17946. Максимальное число «лайков»: 205. Частота обновлений (пост/минуту): 1/5.

7. «Моя Україна| Інфоцентр». URL://http://iamuk. Участников на 31.01.2014: 17946. Максимальное число «лайков»: 205. Частота обновлений (пост/минуту): 1/5.

Паблики и группы, направленные на поддержку власти:

1. «Россия, Украина, Белорусь: Патриоты VS Євромайдан». URL://http://antidaun2. Участников на 31.01.2014: 22805. Максимальное число «лайков»: 287. Частота обновлений (пост/минуту): 1/5.

2. «Украина против ЕС». URL://http://club61763774. Участников на 31.01.2014: 10517. Максимальное число «лайков»: 433. Частота обновлений (пост/минуту): 1/10.

3. «НОД в Украине. АнтиМайдан». URL://http://nod_ukraine. Участников на 31.01.2014: 101673. Максимальное число «лайков»: 91. Частота обновлений (пост/минуту): 1/30.

В группах численностью менее 10 000 обнаружено множество «фейковых» участников (в среднем — каждый пятый аккаунт), как в провластных, так и в протестных группах. В крупных сообществах число фейков ниже (менее 10 %). Исключение составляет, например, сообщество «НОД в Украине», где процент реальных участников составляет 68 %.

Состав групп, поддерживающих власть: мужчины — 67 %, женщины — 33 %. До 25 лет — 51 %; от 26 до 40 лет — 34 %; старше 40 лет — 15 %. Состав протестных групп: мужчины — 49 %, женщины — 51 %. До 25 лет — 74 %. От 26 до 40 лет — 19 %. Старше 40 лет — 7 %. Таким образом, молодежная аудитория в большей степени подвержена информационному воздействию, нежели люди средних лет и старше.

Транслируемые сообщения протестных украинских сообществ носят ярко выраженный пропагандистский, а не информативный характер. Осуществляется информационное воздействие на эмоциональную сферу психики, а не на рациональную. Отличительные черты информационного воздействия:

— Периодическое повторение одних и тех же сообщений (как при помощи репостинга, так и повторение публикации внутри одной группы);

— Использование поэтических форм, «романтизация» протеста;

— Отсутствие ссылок на источники статистических и других данных;

— Высмеивание и унижение противника;

— Обращение к архетипу мужественности (конструирование образа протестующего как героя-защитника).

Использование подобных технологий можно оценить как достаточно эффективное, особенно с учетом преобладания молодежной аудитории, в большей степени подверженной влиянию эмоций.

В то же время контент пророссийски настроенных сообществ имеет такие отличительные черты:

— Обращение к исторической памяти;

— Создание образа врага в лице западной Украины, США и ЕС;

— Акцент на общем прошлом (Советский Союз, участие во Второй Мировой войне);

— Основная ценность — сильное государство, единство славянских народов.

Если судить об эффективности информационного воздействия только по самым крупным сообществам, то результаты таковы: для протестных украинских сообществ: количество подписчиков за месяц увеличилось на 140 %; самое крупное сообщество (по состоянию на 1.03.) насчитывает 532 313 человек; для пророссийских сообществ: количество подписчиков за месяц увеличилось на 88 %, самое крупное сообщество насчитывает 203 308 чел. (по состоянию на 1.03.).

Учитывая значимость информационного противостояния, а также то, что освещение событий носит черты, характерные для информационной войны, социальные сети как коммуникационный инструмент влияния на общественное сознание с очевидной эффективностью используются оппозиционно настроенными группами интересов и практически не используются для освещения противоположных мнений и фактов, противоречащих оппозиционным установкам и лозунгам. Для повышения эффективности информационного противостояния в сети Интернет следует анализировать успешный опыт оппонентов и внедрять его в собственную практику.

Социальность и медиа: развитие сетевого общества в современном мире

Мухаметшина Галия Закиевна

Аспирантка
Ульяновского государственного
университета
Факультет культуры и искусства
г. Ульяновск

Деятельность сетевых СМИ, по мере невероятно быстрого распространения сети Интернет, все больше оказывает исключительное влияние на жизнь общества в целом, на социально-психологический и нравственный облик каждого из членов этого общества, его политическое мировоззрение. Сегодня, когда качество информационных технологий и их использования все в большей степени определяют характер общественной жизни, вопрос о взаимоотношении с таким относительно новым видом СМИ, как «сетевые», о степени свободы интернет СМИ от общественности, власти и государства (особенно государства, претендующего на демократический статус) приобретает особое значение. Средства массовой информации, взятые как целое и являясь важной составной частью массовой коммуникации, несут в себе различные социально-политические роли, те или иные из которых — в зависимости от определенного числа типичных социально-политических ситуаций — приобретают особую общественную значимость.

Несмотря на то, что социальные сети существовали всегда, проблема сетей и сетевого общества все больше волнует социальную науку. Наиболее полно о данном феномене сети раскрывает М. Кастельс. Свои размышления о сетевом обществе Кастельс встраивает в более широкий контекст технологической революции и теории информационного общества.

Кастельс констатирует факт трансформации социальности в современном обществе. Социолог использует определение сообщества Б. Велмана, включающее в себя понятие сети: «Сообщества — это сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» [1, с. 57].

Если прежде основу всякого человеческого сообщества составляла привязанность человека к месту жительства и работы, то трендом последнего столетия является ослабление этой привязанности и переход к более слабым экстерриториальным социальным связям. Люди утрачивают связи с локальными сообществами не только в силу новых коммуникационных возможностей, но и в силу того, что они реализуют личные потребности, опираясь на эти новые возможности. Этот принцип построения сообществ М. Кастельс называет сетевым индивидуализмом, «персонализируемым сообществом» [2, с. 155].

Растущие оперативность, мобильность и гибкость, затронувшие все сферы жизнедеятельности человека, делают естественным переход к сетевым, т. е. более многообразным и «дальним», технологически невозможным еще вчера, формам организации различных сфер человеческой активности. В экономике это — сетевое предприятие, в политике — интерактивная, более чуткая к волеизъявлению граждан политическая система, в культуре — единая мировая информационная сеть Интернет и глобальные масс-медиа.

В основе всяких сетей лежит коммуникация индивидов. О каких бы организационных структурах, информационных системах ни шла речь, на выходе стоит индивид. Изменения и наиболее очевидные проявления социальности надо искать в изменениях жизни индивида. Речь идет не только о психологической трансформации, которую пришлось пережить индивиду в последние десятилетия. Обычный человек сегодня днем и ночью привязан к трубке мобильного телефона. В своем повседневном общении он, как правило, окутан сетью деловых контактов. Социальные связи операционализируются, становятся все более безличностными и мимолетными. Скоротечность — тоже условие мобильности. Контакт должен легко возникать и быстро завершаться. Для этого прекрасно служат сообщения по электронной почте, короткие SMS-сообщения, односложные деловые ответы по мобильному телефону. Человек становится генератором сообщений. Чтобы быть включенным в жизнь сетевого общества, он должен занимать правильное место среди потоков сообщений и выстраивать сложные коммуникативно-деятельностные конфигурации. Как правило, он мобилен, он образован, он житель мегаполиса, ему приходится много перемещаться, решать много разноплановых задач, перерабатывать большие объемы информации, порою — ценой колоссальных физических и психологических перегрузок.

В современном обществе сеть можно создать на основе любого инструмента социального действия, способного иметь форму сообщения и информационного потока. Теория групп интересов должна учитывать, что интересы отныне легко артикулируются посредством информационных каналов. Идеология, религия, творчество, образование — все сферы, обслуживающие культуру, — вынуждены менять форматы распространения, переходя от статичных книжных форм коммуникации к мобильным информационно-коммуникационным формам.

Теория массмедиа исходит из того, что ее ключевым параметром становится не тиражируемость, а широта информационного канала: даже малозначимый, информационный контент становится доступен в любой точке информационного континуума, однако нужно обеспечить его доминирование и значимость в многообразии информационных шумов.

О природе власти в сетевом обществе говорят редко, хотя осуществление власти не что иное, как сообщение. Государственная власть является не чем иным, как сетью коммуникаций. Сетевое общество, мультиплицируя и разнообразя информационные потоки в политической сфере, неизбежно демократизирует устоявшийся порядок отправления власти. Наиболее показательный пример — формирование сетей негосударственных организаций (НГО), опоясывающих мир подобно транснациональным сетям корпораций. Их сети олицетворяют становление единой ценностной структуры мира в общественной сфере, т. е. служат проявлениями формирующейся «мировой общественности». Далеко не все из сетей служат глобализации; напротив, есть сети групп, которые борются против глобализации. Само многообразие позиций и интересов, представительство которых усиливается мощностью сетевых информационных потоков, формирует новый, особый род политики интенсивных коммуникаций, которую Ю. Хабермас назвал «делиберативной» политикой [3, с. 94].

Ключевым, хотя далеко не единственным механизмом формирования сетей является Интернет. Это и широкие экспертные сети, и сетевые бизнес-проекты (Google, Ebay, Yahoo, электронные биржи), и он-лайн конференции, которые объединили по интересам миллионы людей. Никаким традиционным институтам не под силу формирование столь широких и многообразных сетевых сообществ. Интернет породил новый тип «социальных сетей», которые смогли придать черты устойчивой коммуникации поистине эфемерным, случайным человеческим контактам — фо-

румам, Интернет-конференциям, блогам и т. д. Интернет по праву называют «сетью сетей».

По мере того, как количество людей, пользующихся услугами сети Интернет, растёт, также повышается и важность, весомость сетевых СМИ. Людей всё больше привлекает то, что интернет СМИ обладают большей степенью независимости, в отличие от классических видов масс-медиа: телевидения и печатных изданий. К тому же подкупает удобство и скорость предоставления информации: любой пользователь, тратя минимум времени и энергии имеет возможность узнать всё, что его интересует, не выходя из комнаты.

Что касается социологических исследований, то по мере роста проникновения Глобальной Сети мнение россиян об Интернете улучшается, тем не менее, каждый четвертый усматривает в Сети больше вреда, чем пользы. Доля пользователей Интернета в России продолжает расти: к апрелю 2013 года их стало уже 66 % (в сентябре 2012 года — 60 %), причем особенно заметно увеличивается группа активных — ежедневных пользователей (с 36 до 41 % за год). Ежедневно выходят в Сеть прежде всего 18–24 летние (76 %), высокообразованные граждане (59 %).

За последнее десятилетие уверенность в том, что развитие Глобальной Сети идет на пользу обществу, заметно окрепла: если в 2002 году так считали 43 %, то сегодня — уже 54 %. Это мнение характерно прежде всего, для тех, кто им ежедневно пользуется (75 %). Этой же позиции придерживаются чаще остальных 18–24-летние (72 %), высокообразованные граждане (64 %), столичные жители (63 %).

Основной аргумент тех, кто видит больше плюсов в развитии Интернета — оперативный доступ к информации (71 %). Также респонденты, придерживающиеся этой позиции, склонны указывать на возможность общения и знакомств (21 %). В числе прочих доводов — удобство осуществления платежей, заказов (7 %), доступ к развлечениям — фильмам, музыке, играм и так далее (2 %) [4].

Но в то же время телевидение по-прежнему остается популярным источником получения информации о событиях в стране. Так, из Сети предпочитают узнавать новости 23 % опрошенных, по телевидению — 60 %. Остальные виды СМИ востребованы куда меньше: так, из газет узнают новости 7 % опрошенных, Радио предпочитают в качестве главного источника информации 5 % [5].

Таким образом, мы видим, что, скорее всего, «традиционные» СМИ в ближайшее время не прекратят своё существование, однако по мере того, как интернет будет становиться главным источником не только информации, но и развлечений и общения для молодого поколения, сетевые СМИ будут всё больше набирать оборот и в дальнейшем, возможно, вытеснят такой вид «традиционных» СМИ, как радио и/или печатные издания, которые в свою очередь перейдут в сетевой формат. Об отмирании телевидения говорить пока не приходится, а лишь вероятнее всего его интеграции в сетевое пространство.

Однако мир СМИ, несомненно, меняется. Вместе с тем, нет сомнений, что Интернет будущего предоставит миру СМИ много новых возможностей. Власть в нем переходит из рук людей, выпускающих новости, будь то журналисты или блоггеры, к людям, которые их потребляют. У граждан теперь гораздо более широкий выбор, и они образуют группы по всему спектру возможных вариантов. И дело не в том, что гражданский диалог становится лучше или хуже, а в том, что он становится другим.

Список литературы:

1. Велман Б. Физическое Место и Кибер Место, Международный журнал Городского и Регионального Исследования. 2001. №4. С. 57.

2. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. М., 2004. С. 155.

3. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Практис, 2007. С. 94

4. Исследование ВЦИОМ: проникновение интернета в Россию и его последствия, 2013 год. URL://<http://gtmarket.ru/news/2013/05/21/5948>

5. «Онлайн и офлайн: откуда получают информацию россияне». URL://<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114345>

Интернет как инструмент политической коммуникации

Никитина Татьяна Юрьевна

Магистрантка
Национальный Исследовательский
Университет
Высшая Школа Экономики
Факультет медиа коммуникаций
г. Москва
E-mail: tatyana.nikitina@gmail.com

Описывая в книге «Московский дневник» реалии московской жизни декабря 1926-конца января 1927 Вальтер Бенъямин заметил: «Эта осторожность — наиболее очевидное проявление насквозь политизированной жизни»[1]. Невозможность выражать себя независимо и свободно, без оглядки на авторитарный режим власти, блокирует свободу выбора и слова, креативность и способность критически мыслить, что рано или поздно приводит к необратимым процессам, как на личностном, так и социально-политическом уровне.

Распространение и относительная доступность интернета в России, а как следствие — расширение онлайн аудитории, определяют его важную роль на сцене социально — политической жизни страны. Россия теперь — самый большой интернет рынок в Европе, с самым высоким рейтингом онлайн пенетрации среди стран БРИК(Бразилия, Россия, Индия и Китай), наиболее включенная в социальные сети среди всех других стран в мире, с огромной и сложной блогосферой, которая взаимосвязывает больше различных политических полюсов, чем в США[6]. В то же время Россия остается весьма авторитарным государством, в котором политические партии и первичные организации вынуждены играть маленькую роль[8]. В свою очередь, возможности интернета и социальных медиа с точки зрения альтернативной площадки для «массовой само-коммуникации» [5], пространства для дискурса, а также управления и интенсификации социально-политических процессов не вызывают сомнений и представляют большую платформу для междисциплинарного изучения.

Такие явления как популярность Пиратской партии, место Фэйсбука и Твиттера в недавних событиях в арабском мире, потенциал для электронного правительства, гражданская журна-

листика, кампания Кони–2012, по мнению исследовательницы из Лондонской Школы Экономики и Политических наук Сабини Селчоу, ясно отражают растущую роль информационно-коммуникационных технологий как в жизни обычных людей, так и с точки зрения политических процессов. [10]

С одной стороны ученые ставят перед собой задачу исследовать может ли интернет улучшить стиль и уровень политического участия; с другой- есть предположение и надежда, что он может выступать в роли публичной сферы по Хабермасу, то есть — как открытое и доступное пространство для дебатов и дискурса о социальных нуждах[10]. Сетевому гражданскому обществу, согласно Хабермасу, необходимо обладать такими характеристиками как «спонтанность» и «открытость», то есть способностью к «установлению широких, многомерных связей коммуникации» и «свободному формированию, текучести, постоянному изменению структуры»[3]. В литературе о гражданском обществе, дискуссия ведется вокруг точки зрения о том, что акторы гражданского общества такие как Оссиру Абай пытаются влиять на социальный, политический и экономический дискурс и нарратив с изменением курса на коммуникативное действие. Коммуникативное действие основано на логике коммуникативной рациональности, где обоснованное решения достигаются с помощью рационально-критической диалектической аргументации, лежащей в основе предположения, что такая обоснованная коммуникация создает социальный прогресс [7]. Согласно этому анализу, мы наблюдаем двойственную концептуализацию интернета, где он видится как инструмент, новый медиум, который используется политиками для совершения тех или иных действий, и как пространство, в котором совершаются какие-то принципиально новые вещи [10].

По мнению исследовательницы Оутс С. такие события как небольшие протесты, состоявшиеся в России, включавшие вопросы здравоохранения, а также проблемы детей с ограниченными возможностями демонстрируют, что россияне начали транслировать индивидуальное недовольство в растущую политическую грамотность[8].

Оутс С. выделяет ключевые компоненты того, как интернет может стимулировать политические действия. Эти 5 ключевых моментов в отношении между онлайн сферой и обществом:

- контент;
- коммьюнити;

- каталисты;
- контроль;
- кооперация [8].

Очевидно, что интернет расширяет и перспективы для политической социализации, выводя ее в онлайн пространство, которое открывает новые возможности для включения индивидов в политическую активность.[4] Большинство пользователей интернета не являются активистами и не интересуются политической или социальными изменениями. И все же, неосознанно, они становятся субъектами серьезных парадигматических изменений в российском обществе [2]. Вместе с тем многие обитатели киберпространства разрабатывают в сети и с помощью сети различные творческие проекты и это вселяет надежду на будущее [9]. Это и есть те ростки перемен, которые необходимо возвращать, так как нам необходима политика интернета, ориентированная на креативность и социальное воображение.

Литература

1. Беньямин В. Московский дневник. Фонд развития и поддержки искусства «Айрис» / IRIS Art Foundation, 2012.
2. Сидоренко А. Блогеры и государство, цифровой дуализм в России.
3. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995.
4. Шестопал Е. Б. Политическая психология. Аспект Пресс, 2012.
5. Castells, Manuel (2009) Communication Power. Oxford University Press.
6. Judah B., Fragile Empire: How Russia Fell In and Out of Love With Vladimir Putin, Yale University Press, 2013.
7. Habermas J. Structural Transformation of the Public Sphere: an Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press, 1991.
8. Oates S. Revolution Stalled. Oxford University press, New York, 2012.
9. Palfry Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives. Basic Books; First Trade Paper Edition edition, 2010.
10. Selchow S. URL://<http://www.opendemocracy.net/henrietta-l-moore-sabine-selchow/thinking-about-politics-and-internet-time-to-update-our-perspective>

Сетевая модель организации политической науки в России

Осипова Алена Васильевна

Студентка 2 курса
Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

В федеральном государственном стандарте высшего профессионального образования, утвержденным министерством образования и науки РФ от 21 декабря 2009 года по направлению «политология» выражена концепция, дающая представление о том, в каком направлении следует развивать и совершенствовать российскую политическую науку [1]. В этом документе содержатся указания на область профессиональной деятельности политологов, общие требования к специалистам данного профиля и соответствующим институтам, задействованным в их производстве, а также цели и задачи политологического образования.

Поскольку система высшего образования является неотъемлемой частью науки, так как она создает соответствующую среду для формирования интеллектуалов и ученых, мы обращаемся непосредственно к проблеме организации политологического образования и науки: какие условия необходимо создать для их развития?

Образования и наука — процессы которые, несомненно, нуждаются в таком рациональном и эффективном способе организации, который мог бы максимально соответствовать условиям современности. Документ, упомянутый нами выше, следует рассматривать как один из таких «индикаторов современности», поскольку он исходит от политического института (Министерства Образования и Науки), который заинтересован в развитии подведомственных сфер общественной жизни и обладает компетенцией принятия государственных решений, то есть, например, правом поощрения приоритетных направлений науки и образования.

В федеральном образовательном стандарте по направлению «политология» подчеркивается, что научная деятельность в данной области связана с исследованиями и проектами, информацией и коммуникацией, образованием и организацией.

Из этого следует, что политическая наука в России может быть представлена совокупностью специализированных институтов, которые имеют возможность взаимного обмена ресурсами (знаниями, информацией, участниками), сотрудничества в рамках проектов и исследований. Эта система должна быть максимально открытой и динамичной, поскольку заинтересована во взаимодействии со «внешней средой» — с людьми, с социальными, государственными и частными организациями и выходе в публичный дискурс. Внутри этой организованной и слаженной системы институтов, объединенных общей целью развития самобытной политической науки и образования в государстве, нет места иерархии и жесткому вертикальному управлению, поскольку это противоречит самому принципу научной деятельности и тому, что каждый институт в этой системе, по сути, «занимается своим делом» и имеет собственную специфику; нет места здесь также и рыночной конкуренции, поскольку политическая наука имеет риск стать дисперсной, что приведет к затруднениям в ведении масштабных проектов и исследований, в обмене ресурсами.

Модель организации политической науки и политологического образования в нашем государстве уже в 80–90х годах представляет собой сеть специализированных институтов, которые располагаются в различных территориальных областях и регионах: Совет Ассоциации Политических наук, исследовательские и экспертные центры, первые университетские факультеты и кафедры в СПбГУ и МГУ, специализированные диссертационные советы (первые из них создаются в начале 1990 года в институте общественных наук при ЦК КПСС и при уральском отделении Академии Наук СССР), а также редакционные коллегии тематических печатных изданий.

Мировые процессы глобализации и демократизации государств, переход к информационному обществу и соответствующим экономическим системам закономерно привели к тому, что в настоящее время мы наблюдаем многообразие научных институтов и ассоциаций, специализирующихся на фундаментальных политических науках и прикладных исследованиях. Эти независимые объединения внутри исследуемой академической сети, кроме того, следует рассматривать как важную часть гражданского общества, поскольку они активно взаимодействуют с социально-политическими институтами и выполняют своеобразную просветительную функцию, способствуя повышению уровня

гражданско-правовой культуры и политической осведомленности населения.

Самой крупным институтом политологии является РАПН (включает приблизительно 1000 членов организации), при которой также функционирует Молодежное Отделение ассоциации [2]. Однако, при том, что это сообщество является самым крупным объединением ученых-политологов, будет неверным утверждать, будто оно «управляет» или «руководит» деятельностью других специализированных институтов. РАПН прежде всего выполняет консолидирующую и координационную функции, реализует ряд проектов и способствует развитию межкаademicеских научно-исследовательских контактов. РАПН обладает мощным информационным ресурсом и высоким статусом среди многообразия организаций, включенных в структуру сети российской политической науки.

Как происходит обмен ресурсами в академических сетях? Путем проведения конференций, форумов, школ и прочих мероприятий. В университетах, в рамках Болонского процесса, существует практика студенческого и педагогического обучения «по обмену». К сожалению, в настоящее время в России слабо развиты программы обмена между отечественными ВУ-Зами. Вероятно, именно поэтому еще рано говорить о «само-бытной» политической науке в нашей стране. Между тем, еще рано говорить о развитой коммуникации с зарубежными политологическими школами и центрами, в том числе и применительно к странам бывшего Советского Союза. Например, в 2002 году была предпринята попытка создать Евразийскую Сеть Политических Исследований (ЕСПИ), которая призвана объединить ученых-политологов и институты политической науки постсоветского пространства. Однако такие проекты являются редкостью и на практике часто не соответствуют первоначальным замыслам.

Следующей проблемой внутри сети российской политической науки является существенный разрыв между «теорией» и «практикой» и очевидный «перевес» в сторону институтов, занимающихся прикладными исследованиями, при низком уровне развития фундаментальной науки, при том, что, как известно, политология — есть гармоничное сочетание и развитие двух этих составляющих. Этот недостаток можно решить с помощью сети, путем равномерного распределения ресурсов, создания условий для работы «теоретиков» и нала-

живания внутренних связей между учеными, занимающимися прикладными исследованиями и учеными, которые специализируются на разработке методологии и теории. Рассматриваемая нами академическая сеть не является равномерной и по территориальному признаку. В настоящее время в России несколько крупных политологических центров — ведущими по-прежнему являются Москва и Санкт-Петербург — в ряде регионов же наука и образование в этой области развиваются крайне медленно. При том, что Россия действительно нуждается в региональных научных и образовательных институтах, занимающихся изучением политики.

Поскольку политическая наука является постнеклассической, то нуждается во взаимодействии с научными центрами и исследователями из области смежных дисциплин, то есть в сетевом обмене ресурсами не только с собственно политологическими институтами. Таким образом возрастает возможность ведения междисциплинарных исследований и проектов, которые в настоящее время являются крайне востребованными.

Методы сетевой организации политической науки и образования в России помогают также при решении проблемы поиска «заказчиков», в роли которых могут выступать как и государственные учреждения и разнообразные некоммерческие организации, так и частные предприятия. Их следует рассматривать как участников сети, которые могут свободно в нее интегрироваться или также свободно из нее выходить.

Таким образом, политическую науку в России и политологическое образование можно рассматривать с точки зрения открытой и динамической сети, в которую включено огромное количество акторов: научно-исследовательские центры и объединения, образовательные учреждения, властные институты, институты гражданского общества, информационные агентства и др. Когда мы говорим, что политическая наука в России развивается, мы имеем в виду, что качественно и количественно в положительную сторону меняются ее институты, максимизируются ресурсы, увеличивается скорость внутреннего и внешнего взаимодействия и обмена. Подобный комплексный подход к организации позволяет наиболее рационально и эффективно решать проблемы, с которыми сталкивается российская политическая наука, существующая не в «вакууме» и не ради себя самой, но в обществе и для него.

Список литературы

1. Министерство образования и науки РФ // Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030200 Политология // приказ от 21 декабря 2009 года № 768.

2. Политическая наука в России: профессионализация, международная интеграция, выведение на уровень мировых стандартов: URL://<http://rapn.ru/in.php?part=12&gr=1615&d=3970>

3. Пляйс Я. А. Политическая наука в России: прошлое и настоящее. Томск, 2007.

4. Сморгун Л. В. Сетевой подход к политике и управлению. ПОЛИС: Политические исследования, 2001.

5. Динелло Н. От плана к клану: социальные сети и гражданское общество: URL://<http://www.prof.msu.ru/publ/book3/din.htm#s>

Политические особенности суточной, недельной и месячной аудитории Интернета по данным опроса петербуржцев

Суслов Сергей Игоревич

Аспирант, 1 курс
Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

Мы живем в эпоху, характеризующуюся становлением информационного общества во всей многообразной реальности. Основу этого общества образуем информативность и доступ к информационным коммуникативным технологиям, которые объединяют социальные технологии, Интернет и физический мир в единое взаимосвязанное пространство.

По данным исследования ФОМ «Интернет в России: динамика проникновения. Осень 2013», численность месячной аудитории (выходящие в Интернет хотя бы раз в месяц) составила 66,5 млн. чел., недельной — 63,2 млн чел., суточной — 53,2 млн чел. Годовой прирост интернет — пользователей, выходящих в сеть хотя бы раз за месяц, составил 9 %, а для суточной аудитории данный показатель равен 14 % [Интернет в России... URL://http://fom.ru/SMI-i-internet/11288].

По данным Центра эмпирических политических исследований (ЦЭПИ) СПбГУ в исследовании «Медиократия», октябрь 2013 г., доля петербуржцев, которая пользовалась Интернетом хотя бы раз в месяц, составила 75,5 %, раз в неделю — 72,8 %, а размер суточной аудитории составил 64,3 % [Интернет в России... URL://http://fom.ru/SMI-i-internet/11288]. Результаты, в целом, схожи с результатами исследования ФОМа.

Казалось бы, увеличение количества подключенных пользователей к сети способствует ликвидации цифрового разрыва (digital divide) как феномена, но в ходе анализа результатов, мы выяснили, что между суточной, недельной и месячной аудиториями существуют качественные различия в их гражданской и политической активности, что способствует переосмыслению феномена цифрового разрыва между разными группами граждан, обладающих доступом к цифровым технологиям, ввиду качественных различий в установках и поведении граждан.

Вы пользовались интернетом хотя бы раз за последние:

	Частота	%	Валидный %	Накопленный %
Валидные Сутки	740	64,3	64,3	64,3
Неделю	97	8,4	8,4	72,8
Месяц	34	3,0	3,0	75,7
Полгода	17	1,5	1,5	77,2
Год	4	,3	,3	77,6
Интернетом вообще не пользуюсь	253	22,0	22,0	99,6
Затрудняюсь ответить	5	,4	,4	100,0
Итого	1150	100,0	100,0	

Рис 1. Пользователи Интернета. Расчеты автора.

Была выявлена сильная корреляция между респондентами, которые ежедневно пользуются Интернетом и респондентами, которые проявляли гражданскую и политическую активность в сети. Использовалась таблица сопряженности и анализа статистики χ^2 , которая исследовала переменные «суточная аудитория» и «высказываться по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах»; «посещать сайты партий, общественных организаций, известных политических лидеров»; «перечислять деньги в благотворительные фонды, на конкретные акции»; «участвовать в различных голосованиях по политическим вопросам»; «размещать информацию о конкретных общественных проблемах».

Для выявления взаимозависимости между политическими взглядами и принадлежностью к суточной, недельной или месячной аудитории Интернета используется таблица сопряженности и анализа статистики χ^2 , которые исследуют переменную «политические убеждения» и «частота использования Интернета». Таким образом, респонденты, ежедневно пользующиеся Интернетом, имеют корреляцию с консерваторами, слабую корреляцию с либералами, сильную обратную корреляцию с коммунистами. Респонденты из недельной аудитории имеют корреляцию с гражданами, имеющими смешанные политические взгляды. Граждане, которые вообще не пользуются Интернетом, имеют очень сильную корреляцию с ком-

мунистами и обратную корреляцию с консерваторами, либералами и приверженцами смешанных политических взглядов.

Для выявления взаимозависимости между политическими взглядами и гражданской и политической активностью в Интернете используется таблица сопряженности и анализа статистики χ^2 , которые исследуют переменную «политические убеждения» и переменные, характеризующие политическую и гражданскую активность: «высказываться по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах»; «посещать сайты партий, общественных организаций, известных политических лидеров»; «перечислять деньги в благотворительные фонды, на конкретные акции»; «участвовать в различных голосованиях по политическим вопросам»; «размещать информацию о конкретных общественных проблемах».

Таким образом, либералы оказались самыми активными Интернет-пользователями. Либералы имеют корреляцию с высказываниям по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах, посещениями сайтов партий, общественных организаций, известных политических лидеров, участием в различных голосованиях по политическим вопросам и размещением информации о конкретных общественных проблемах. Приверженцы смешанных политических взглядов имеют корреляцию с высказываниям по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах, участием в различных голосованиях по политическим вопросам. Консерваторы же имеют корреляцию с перечислением денег в благотворительные фонды и на конкретные акции.

Таким образом, приведенные немногочисленные взаимозависимости позволили нам понять некоторые качественные различия между суточной, недельной и месячной аудиториями Интернета, корреляцией политической активности в сети с разными политическими предпочтениями. Действительно, между суточной и несуточной аудиторией Интернета существует политический цифровой разрыв, который проявляется как в политической активности в сети, так и в политических установках — в большей степени активными политическими Интернет-пользователями являются консерваторы, либералы и приверженцы смешанных политических взглядов, чем коммунисты, которые предпочитают Интернетом вообще не пользоваться.

	Скажите, пожалуйста, к каким политическим взглядам ваши убеждения наиболее близки?							Итого			
	Коммунистическим	Консервативным	Либеральным	Социал- демократическим	Смешанным	Другим	Не имею поли- тических убеждений		Затрудняюсь ответить		
Вы пользовались интернетом хотя бы раз за последние:	Сутки	Частота Стандартиз. остаток	59 -2,8	74 1,6	100 1,5	92 -,4	100 -,4	87 -,7	173 -,4	55 -1,7	740
	Неделю	Частота Стандартиз. остаток	8 -,9	6 -,7	8 -1,0	14 -,4	19 1,8	14 1,1	17 -1,1	11 -,7	97
Месяц	Частота Стандартиз. остаток	2 -1,0	2 -,5	5 -,5	5 -,3	7 1,2	2 -,9	7 -,2	4 -,5	34	
	Пол года	Частота Стандартиз. остаток	3 -,8	1 -,3	2 -,0	2 -,1	1 -,8	1 -,6	4 -,1	3 1,1	17
Год	Частота Стандартиз. остаток	0 -,7	1 1,2	0 -,7	0 -,7	0 -,7	0 -,7	0 -,7	2 1,2	1 1,0	4
	Интернетом вообще не пользуюсь	Частота Стандартиз. остаток	59 5,6	11 -2,2	19 -1,9	36 -,6	22 -1,9	20 -1,4	57 -,0	29 1,1	253
Затрудняюсь ответить	Частота Стандартиз. остаток	0 -,8	0 -,6	0 -,8	0 -,8	0 -,8	0 -,8	1 -,6	0 -1,1	4 5,2	5
	Частота	131	95	134	149	149	149	125	260	107	1150

Рис 2. Корреляция активности с принадлежностью к суточной аудитории. Расчеты автора

раздел второй

Сети в выработке и формировании общественного мнения

Образ А. Г. Лукашенко в представлении пользователей сети Интернет

Ведерникова Мария Игоревна

Студентка 5 курса
Московский государственный уни-
верситет им. М. В. Ломоносова
г. Москва

Сегодня основным каналом, по которому политику легче всего получить обратную связь от народа, является Интернет. Демотиваторы, картинки и анекдоты про политических деятелей занимают огромный процент от контента, который размещается в социальных сетях (одноклассники, facebook, вконтакте и другие, пользующиеся меньшей популярностью) и блогах (ЖЖ, твиттер и т. д.), а также на различных сайтах и площадках сети. В принципе, сегодня пользователям интернета привычнее просматривать картинки, нежели читать текст. Именно поэтому можно говорить о том, что мемы и демотиваторы — это те же самые анекдоты, только в новом формате.

Основными источниками для нашего исследования послужили как известные работы ученых кафедры социологии и пси-

хологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова[2], ряда зарубежных исследователей прошлого века, так и современные иностранные статьи по данной тематике, опубликованные в научных журналах и сборниках. Кроме того, источниками материала послужили фотографии и тексты речей А. Г. Лукашенко, а так же обращения граждан к нему, демотиваторы, мемы и карикатуры.

Формирование образа политического лидера — это определённая технология, и, как и любая технология, она имеет в своей основе определенные социально-психологические свойства, законы, тенденции. Определённый образ транслируется с помощью СМИ и Интернета, и именно глобальная сеть позволяет получить ответную реакцию от населения.

Как будет воспринят образ политика, зависит от многих факторов. Не последнюю роль здесь играет и то, какие механизмы восприятия будут задействованы у реципиента. Основные механизмы, которые мы рассмотрим в данном исследовании — это механизм стереотипизации, механизм категоризации, механизм идентификации и механизм атрибуции.

Для обыкновенного человека, который не имеет возможности лично общаться с политиком высокого ранга, образ как бы заменяет живого человека и воспринимается именно образ. Приведём здесь цитату из книги У. Липпманна «Общественное мнение»: «Нам говорят о мире до того, как мы его увидим. Мы представляем себе многие вещи до того, как мы их познаем на опыте. На уровне обыденного сознания подобными критериями становятся наиболее характерные, броские, лежащие “на поверхности” черты объекта, явления и т. п. Сознание человека неизменно стремится упрощать эти критерии, с тем, чтобы расширить рамки категории, в которые можно вместить как можно больше явлений[3]».

Несмотря на то, атрибуция является очень важным механизмом восприятия, нельзя утверждать, что это основной механизм восприятия. Скорее, он играет роль дополняющего фактора. Приписывание необходимо тогда, когда нет полной информации о политическом объекте. Отдельной особенностью восприятия политического лидера является то, что результатом этого восприятия является конкретный образ, который, чаще всего, формируется целенаправленно.

Подробно рассмотрев понятия «образ» и «имидж», мы пришли к выводу, что ошибочно будет использовать их в иссле-

довании, как синонимы. Образ формируется спонтанно, имидж же — та часть образа, которая формируется целенаправленно с определенными атрибутивными характеристиками, своими положительными и отрицательными сторонами; образ — результат обыкновенного восприятия, а имидж формируется кем-то в каких-то целях. В нашем исследовании более уместно употребление слова «образ».

В Интернет-пространстве образ транслируется через сайты, блоги и социальные сети. Глобальная сеть — это ещё не до конца изученная, но очень удобная и перспективная площадка с огромным количеством инструментов для формирования определенного политического образа.

Интернет отличается тем, что многие политики через свои личные сайты, аккаунты и страницы в социальных сетях становятся вроде бы ближе к народу и дистанция между обычным пользователем сети и известным политиком (да и вообще, любым известным или влиятельным лицом) сокращается. Однако, зачастую, это только иллюзия. Читая новостную ленту известного политика в любой популярной социальной сети, например, фейсбуке, у пользователя складывается определённое впечатление и создаётся образ этого политика. Но не все пользователи догадываются, что этот образ был создан искусственно опытными имиджмейкерами, а каждый пост в социальной сети и факт в биографии — лишь очередной шаг в заранее сконструированном имидже.

Ещё Никколо Макиавелли в своём труде «Государь» писал, что «государю нет необходимости обладать добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими, ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим[1]». С тех пор, несмотря на огромный технический прогресс, ситуация практически не изменилась. Известного политика многие знают по его выступлениям, рассказам о нём и статьям в СМИ, но немногие знают лично. И даже появление Интернета и социальных сетей не решило эту проблему. Люди получают информацию не из первых уст. Одно и то же сообщение, в зависимости от цели коммуникатора, может иметь совершенно разную тональность, а порой — и разный смысл. Имеет значение, как то или иное СМИ преподносит информацию реципиентам — об этом писал М. МакЛюэн в своём исследовании, проведённом ещё в 70-х годах прошлого века.

Огромную роль играет социокультурный и историко-политический контекст, в рамках которого происходит формирование политического образа и его дальнейшее восприятие индивидами и массами. Значение имеет как общий контекст, сложившейся политической культуры, так и конкретные события, происходящие в стране и мире, существенно влияют на восприятие образа политического лидера. На сегодняшний день в Белоруссии наблюдается огромный контраст между тем, как оценивает и преподносит населению политическую ситуацию в стране руководство и официальные СМИ, и как эту политику видят зарубежные политики и политологи. В основном, недовольство европейских и американских политиков и правозащитников вызывает отсутствие свободы слова в СМИ, нарушение прав человека, запрет митингов и заключение под стражу оппозиционных лидеров.

Жесты доминирования встречаются у белорусского президента довольно часто. Он показывает свою власть и доминантность не только на совещаниях и заседаниях, но и в жизни. Самый распространённый властный жест А. Г. Лукашенко — ладонь, повернутая вниз. Даже на фото со своим сыном, которое сделано в неформальной обстановке, мы можем наблюдать, как А. Г. Лукашенко неосознанно довлечет над ребёнком.

Кроме жестов доминантности, часто у белорусского президента встречаются и жесты агрессивности и враждебного отношения. Обычно, такие жесты у него появляются во время выступления, когда он сообщает о сорванных планах и показателях или неудачах, и говорит о том, кто в этом виноват, демонстрируя свою нетерпимость к халатности и недобросовестному отношению к порученному делу.

Довольно часто А. Г. Лукашенко невербально демонстрирует несогласие и закрытость, слушая выступления должностных лиц или министров, как бы отгораживая себя от них. Это ещё один пример построения образа доброго царя, в который он верит так, что подтверждает его даже невербальной коммуникацией. Часто А. Г. Лукашенко пытается казаться дружелюбным и улыбаться, но его жесты выдают отгороженность, а лицо остаётся напряжённым, улыбка кажется неестественной.

Стремление понравиться А. Г. Лукашенко пользователями сети Интернет воспринимается не всегда однозначно. С одной стороны, воспринимается с юмором и без агрессии, когда пользователи Интернета воспринимают его как президента, довольного

собой и своей страной. Но иногда данное выражение воспринимается как оторванность А. Г. Лукашенко от реальных проблем и желание решить их быстро, просто и не в пользу народа. Возможно, такая реакция связана и с тем, что белорусский президент известен своими прямыми и жёсткими высказываниями.

Демонстрация успехов и достижений, к которой А. Г. Лукашенко прибегает достаточно часто, причём достижения зачастую оказываются на бумаге и цифры не всегда соответствуют реальности, большинство пользователей воспринимается как хвастовство и обман. Некоторые демотиваторы отражают то, что пользователи не верят в достижения, а другие показывают, что белорусский народ считает себя обманутым. Причём, обман может быть разный. Часть пользователей воспринимает некоторые достижения как преувеличенные или несуществующие, другие пользователи считают их реальными, но достигнутыми за счёт самого народа. В любом из этих случаев, реакция пользователей негативная, а президент воспринимается как обманщик или тиран, эксплуатирующий народ.

Можно сделать вывод, что некоторые пользователи сети интернет понимают, какой образ А. Г. Лукашенко хочет создать, и высмеивают именно этот образ посредством карикатур, демотиваторов и мемов.

Список литературы

1. Макиавелли Н. Государь. М.: АСТ, 2009.
2. Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2008.
3. Lippmann W. Public opinion. New York: Harcourt, Brace, Jovanovitch. 1922.

Роль ресурсов сети интернет в мониторинге общественного мнения граждан региональными органами власти. Территориальный аспект

Истомина Кирилл Андреевич

Аспирант (соискатель ученой
степени кандидата наук)
Российский Государственный
Социальный Университет,
г. Москва.

Под мониторингом общественного мнения в Сети Интернет понимается отслеживание и анализ:

публикаций Интернет-СМИ и электронных вариантов печатных СМИ;

обсуждений в социальных сетях, как в группах, посвященных региону или отдельным муниципальным образованиям, так и на личных страницах граждан; на муниципальных, региональных или тематических форумах региона; в блогах жителей региона на различных платформах, в первую очередь, livejournal.com; в комментариях к статьям в региональных изданиях.

При проведении мониторинга необходимо также учитывать частоту использования конкретных информационных каналов для получения новостного контента населением, доверия к ним со стороны граждан. По данным опроса ФОМ, проведенного в 43 регионах РФ летом прошлого года, 85 % населения России получает новости посредством телевидения (в 2010 году 87 %), 24 % из новостных сайтов в Интернете (13 % в 2010 году), 21 %, 20 % и 19 % посредством радио, печатной прессы и личной коммуникации соответственно (19 %, 21 % и 22 % в 2010 году). При этом больше всего среди опрошенных Интернет-источникам среди других СМИ доверяют 7 % (рост на 3 % с 2010 года), телевидению 59 % (падение на 12 % с 2010 года), радио, печатной прессе и окружению 2 %, 4 % и 7 % соответственно (с 2010 года падение на 2 % у радио и рост на 1 % у печатной прессы и межличностной коммуникации). Таким образом, на протяжении последних лет наблюдается рост влияния Интерне-

та в информационном поле, а также падение значимости иных источников получения информации. К тому же, как показывает практика, население больше интереса проявляет к изданиям и источникам блогосферы, которые преимущественно размещают критические материалы относительно деятельности властей различного уровня, а также ситуации в регионе в целом, публикуют материалы в адаптированном к информационному каналу стиле — короткими сообщениями с использованием фотоматериалов, коллажей, разговорной лексики.

Вопрос об учете контента сети Интернет при оценке и анализе общественного мнения жителей российских регионов возвращает экспертов к территориальному измерению политики, так как система интернетизации российских регионов, которая в статье понимается как доля регулярно использующих Интернет граждан, пока остается неравномерной. В Ямало-Ненецком автономном округе интернетизация населения составляет 60 %. Это позволяет говорить о достаточно валидном канале получения информации о мнениях населения в регионе. В Ставропольском Крае охват населения Интернетом значительно ниже — 34,1 %, в республике Ингушетия и вовсе лишь 2,7 % населения пользуются Интернетом.

Ставропольский Край характеризуется концентрацией Интернет-СМИ и активности блогосферы на территориях Предгорного и Минераловодского районов, включая не входящие в них городские округа, образованные городами-курортами Пятигорск, Минеральные Воды, Железноводск, Лермонтов, Ессентуки и Кисловодск. Можно оценить объем целевой аудитории, на которую сегмент Интернета способен оказать влияние в регионе. Согласно статистическим данным, общая численность населения данной части Ставропольского Края оценивается приблизительно в 750 тысяч человек или порядка 27 % от населения края. В отдаленных от краевого центра районах, например, Ипатовский, Апанасьевский, Курский или Нефтекумский, активность находящихся на периферии Интернет-СМИ и блогосферы характеризуется низким показателем, интерес к ней населения практически полностью отсутствует. Таким образом, оценивая контент Интернет-обсуждений общественности Ставропольского сегмента Интернета можно делать выводы лишь о проблемном фоне района Кавказских минеральных вод, и только со скидкой на низкую интернетизацию населения — лишь около трети жителей региона постоянно или периодически используют Интернет.

Иной ситуацией характеризуется Ямало-Ненецкий автономный округ. В связи со сложной транспортной системой и другими объективными причинами в регионе не сформировано единой информационной повестки. Население при отсутствии широкого пула не аффилированных с органами власти СМИ, использует обсуждения на публичных площадках Интернета и новостные сайты Уральского федерального округа для получения информации о повестке своего муниципального образования. В таких условиях Интернет-обсуждения в регионе, при высокой интернетизации населения, можно признать достаточно репрезентативным источником для оценки существующего проблемного фона в конкретных муниципальных образованиях и слабым для оценки фона всего автономного округа в силу отсутствия единого информационного пространства.

Таким образом, сравнение двух регионов Российской Федерации — Ставропольского Края и Ямало-Ненецкого автономного округа — показывает разность особенностей, возможностей и роли Сети Интернет в отражении общественного мнения и использовании его в соответствующем мониторинге органами власти регионов.

Репрезентативность проблемного фона, отраженного в Интернете, и острота публичных общественных дискуссий, помимо доли интернетизации, сильно зависит также от характера системы отношений по линии власть-население, сложившейся в регионе. Так в регионах с централизованной системой власти, монополизацией общественно-политической жизни со стороны региональных и федеральных властей острота и критичность дискуссий купируется как практиками самоцензуры населения, так и позицией владельцев информационных ресурсов Интернета. Таким образом, при оценке достоверности и полноты отражения общественных оценок в Сети Интернет необходимо учитывать боязнь санкций за критичную в отношении органов власти и различных социальных групп оценку ситуации, проявляющуюся в позиции и населения и, порой, администрации самих ресурсов. Для минимизации ее органы власти и законодатели должны менять и толковать нормы Интернет-права в постоянном режиме, а там, где это необходимо, их исключать. Медлительность, некоторое несовершенство, противоречивость этого процесса есть нормальные проявления функционирования демократического общества. И это не должно вызывать опасения.

Сеть Интернет в рамках мониторинга общественного мнения Правительством Ямало-Ненецкого автономного округа для информирования высшего руководства региона используется в следующих продуктах и направлениях:

Ежедневные дайджесты федеральных, региональных и муниципальных СМИ, в т.ч. Интернета, включающие самые заметные сообщения об общественно-политической и социально-экономической жизни автономного округа, наиболее массовые обсуждения в блогах и социальных медиа в Сети, с использованием автоматических систем мониторинга Медиалогия, Яндекс-новости, Google-новости, ручной выборки наиболее значимого контента.

На основании мониторинга еженедельные аналитические отчеты о состоянии общественно-политической ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе с оценкой тенденций, наиболее значимых происшествий и проблемного фона, волнующего население.

Оперативные аналитические записки по наиболее резонансным поводам, связанным с проявлениями этно-религиозной розни, несогласованными массовыми мероприятиями, чрезвычайными происшествиями, требующими неотложного информирования.

Взаимодействие с правоохранительными органами — оперативные сообщения со стороны органов власти региона о зафиксированных фактах нарушения законодательства в Сети Интернет, в том числе призывах и сообщениях, разжигающих межнациональную или межконфессиональную рознь, информации о готовящихся или произошедших правонарушениях.

Данная система позволяет использовать ресурсы и возможности Интернета для оперативного мониторинга ситуации в регионе, развития горизонтального взаимодействия между ведомствами, обеспечения более полного учета мнения жителей автономного округа в разработке управленческих решений органов власти, формировании целей и приоритетов государственной и муниципальной политики.

Список литературы

1. Исследование «ФОМнибус» июнь-июль 2013 г. ФОМ и Центр Исследований Группы РИА Новости. URL: <http://www.research.ria.ru/audience/20130828/918615595.html>

2. Доля населения, регулярно или периодически пользующихся Интернетом. Рейтинг субъектов РФ по числу Интернет-пользователей. РИА-рейтинг от 18.01.2013 URL://http//www.riarating.ru/infografika/20130118/610533923.html

3. Данные Всероссийской переписи населения 2010 года. Росстат. URL://http//www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

4. Рассолов И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М.: Норма, 2009.

Специфика восприятия информационных потоков в сетях

Логинова Елена Игоревна

Студентка 6 курса
СПбГУКИТ
Факультета массовых
коммуникаций
г. Санкт-Петербург

По мнению Маршала Маклюэна, футуролога и социолога XX века, тип общества в значительной мере определяется господствующим в нем типом коммуникации, а человеческое восприятие — скоростью передачи информации. Диапазон информации является одним из критериев, определяющих массовое сознание. Все виды средств массовой коммуникации объединены в открытой информационной среде — Интернете, благодаря чему, познание мира теперь происходит не линейно или фрагментарно, а одновременно. Человек оказывается включенным во все происходящее.

Как любое технологическое достижение, возникновение информационных сетей открыло новые пути развития общества. Открытость и доступность информации позволяет узнать многообразие мнений, где собственное мировоззрение уже является плодом личных морально-этических оценок. При этом с увеличением информационных потоков возникла сложность формирования объективной точки зрения.

Виртуальная реальность не ограничена географическими рамками, поэтому способна объединить в «толпу» людей, которые физически разъединены, а в «толпе» человек мыслит «образами», и не склонен анализировать аргументацию, — это проблема.

Интернет — как средство формирования общественного мнения, также подразумевает воздействие на человека опосредованно через лидеров мнения. Каждый желает максимально приблизиться к лидеру, идентифицировать себя с ним. Возникновение интернета, с одной стороны, позволило сформировать информационное пространство, обеспечивающее представителям различных общественных групп возможность публично выражать свое мнение, сплачивать единомышленников общностью целей и убеждений, четко формулировать и представлять в об-

щественном мнении свои интересы. С другой стороны, интернет способствует созданию неконтролируемого потока информации. Возникает легкость распространения дезинформации, где новость становится поверхностной и ослабляет восприятие, нарушая концентрацию. Кроме того, тревожные новости подвергают человека состоянию хронического стресса, что подавляет мыслительный процесс. Человек при потреблении информации лишь имитирует эмоциональную вовлеченность в социальные проблемы, на самом деле за ней скрывается массовая апатия. Общество становится все более информированным и, одновременно, все более равнодушным к негативным явлениям. Согласно теории спирали молчания Э. Ноэлл-Нойманн, люди стараются скрывать свои взгляды и убеждения, если они противоречат мнению большинства. Свобода информации предъявляет нам новые требования морального выбора, когда это нередко означает противопоставление себя большинству.

Актуальна и проблема манипулирования аудиторией при помощи тенденциозной подачи информации, её прямого искажения или утаивания. Один и тот же информационный факт можно изложить диаметрально противоположными способами. К информации о факте всегда примешивается отношение к нему. Также дезинформация происходит потому, что точку зрения легко навязывать. По самым разным причинам, не может быть сообщения о факте «в чистом виде». Р. Липман делал особый акцент на роли подбора новостей в информационных выпусках для формирования представления аудитории об их важности.

Для компетентного и ответственного использования информационных потоков в Интернете необходимо сформировать критическое отношение к манипулированию. В последние годы вследствие смещения от информирования к коммуницированию, в массмедиа прочно внедрился интерактив как один из основных принципов работы любого информационного издания. Предвидеть отдаленные последствия событий позволяет соотношение текста новой публикации с прежними текстами близкой тематики. Но, к сожалению, в России грамотность населения в области массовых коммуникаций достаточно низка, а возможности их использования в манипулятивных целях высоки.

Сегодня в России, как и во многих других странах, происходит «медиатизация» политики, «фрагментация» политического сознания, политика приобретает черты бессмысленного шоу, еще одним продуктом массового потребления. В условиях России

заметна и иная тенденция, которую можно назвать политизация медиа. Выражается это, прежде всего в том, что реальная политика подменяется замещающими целями. Массовый протест становится столь же бессмысленным, сколь и бесполезным.

Основные формы информационной «работы» :

вброс в СМИ и блогосферу заведомо ложных сообщений, которые, даже опровергаясь впоследствии, успевают произвести нужный пропагандистский или контрпропагандистский эффект;

умалчивание о компромате, убирая эту тему из «повестки дня».

Распространение пропагандистского ролика с помощью Youtube, копирование с помощью социальных сетей.

Список литературы

1. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / Пер. И. О. Тюриной. М.: Академический Проект: Фонд «Мир» , 2005.

2. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.

3. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

4. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

5. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

6. Рунет: Сотворенные кумиры / Юлия Идлис. М.: Альпина нон-фикшн, 2010.

7. Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Том XVII. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Влияние социальных сетей на сознание молодежи

Папко А. А. — автор
проф. Марусева И. В. — науч. рук.

Студент
СПбГУКиТ
Факультет медиакоммуникаций
г. Санкт-Петербург

Современное общество — это общество информационных технологий. Интернет охватил все аспекты нашей жизни. Интернет-магазины позволяют совершать покупки, не выходя из дома, онлайн трансляции дают возможность просматривать телепередачи, кинофильмы, новости и пр. Поиск работы, общение переходят в виртуальный мир.

Социальные сети стали в современных условиях мощными инструментом влияния на молодое поколение. Такие классические институты социализации как семья, школа ушли на второй план. Иллюзорный, виртуальный мир становится все более привлекательным для молодежи. Он не только предоставляет возможность рассказать о своих чувствах, переживаниях, но и дает возможность доступа к личной информации других людей. Погружаясь в него, они даже не задумываются о том, что есть вероятность формирования «зависимости от виртуальности». Убегая от реальных проблем в виртуальный мир, молодые люди, не осознавая это, начинают воспринимать его как часть реального.

Проблема исследования: Негативное влияние социальных сетей на сознание молодежи

Объект исследования: Студенты в возрасте до 23 лет.

Предмет исследования: Исследование причин зависимости от социальных сетей среди молодежи.

Цель исследования: Выявление негативного влияния социальных сетей на молодёжь и формулировка предложений по упразднению данной проблемы.

Задачи исследования:

Изучить мнение молодёжи о социальных сетях.

Выяснить, что влияет на возникновение интернет зависимости.

Выявить с какой целью молодое поколение использует интернет

Выяснить положительные и негативные стороны интернет общения.

Определить какие потребности пользователей удовлетворяются в сети.

Для чего молодежь использует сеть Интернет?

Был проведен опрос студентов СПбГУКиТ. Количество респондентов 40 человек. Молодым людям задавался вопрос: «для чего Вы используете сеть интернет?» по результатам которого было определено, что «социальные сети» используют 92 % опрошенных, «поиск информации для учебы (работы)» — 25 %, «игры онлайн» — 39 %, «поиск информации о событиях в стране, мире» — 17 %, «поиск информации об отдыхе» — 29 %, «о спорте» — 35 %, «скачивают музыку, фильмы, игры и т. д.» — 78 %, «без цели» («бродят по сайтам без цели») — 8 %. Наименьшее число респондентов интересуется данными о научных конференциях, конкурсах и пр. Только 6 % ответили, что читают в сети подобную информацию. Подводя итог, можно заключить, что интернет ресурс используется студентами для получения информации о развлечениях, для общения в социальных сетях, для поиска работы, и в наименьшей степени для научных и образовательных целей.

Именно молодёжь является наиболее активными пользователями социальных сетей, отдавая предпочтение виртуальному общению, а не реальному. Как показывают исследования, в России социальную сеть «В контакте» ежедневно посещают 30 млн. пользователей, «Одноклассники» — 22 млн., в сетевой портал «Facebook» заходят 13 млн. человек [2]. Зарегистрированными в социальных сетях среди респондентов оказалось 92 %, а 6 % — не зарегистрированы потому, что «на данный момент не имеют постоянного доступа к сети Интернет», 2 % отказались от пребывания в виртуальном пространстве. Молодёжь отдаёт предпочтение таким социальным сетям, как «Вконтакте» — 78 %, «Одноклассники» — 65 %, «Мой мир» — 53 %, «Facebook» — 43 %. Многие опрошенные студенты сообщили, что имеют даже несколько профилей в различных социальных сетях.

Наиболее часто социальными сетями пользуются дома 75 % опрошенных студентов, но при этом 35 % — выходят в социальную сеть на занятиях, а 27 % в транспорте по дороге домой, 25 % на рабочем месте.

Причины, по которым студенты тратят свое время в социальных сетях, респонденты отмечают следующим. Большая часть опрошенных (84 %) ответили, что посещают социальные сети с целью общения с друзьями, но при этом отметили, что никаких серьезных

вопросов в основном не обсуждается. Среди обсуждаемых тем: «взаимоотношения между людьми» — 81 %, «взаимоотношения между полами» — 76 %, «модные тенденции» — 39 %, «проблемы в вузе, на работе» — 45 %, «политические и социальные проблемы в обществе» обсуждают 29 %, «экономические проблемы» — 19 %. Для 33 % молодых людей привлекательными являются приложения в социальных сетях. Для 14 % социальная сеть — это способ познакомиться с новыми людьми. Большинство студентов (87 %) отметили, что наиболее положительная сторона социальных сетей, это возможность просматривать фотографии, слушать музыку, смотреть видео и фильмы, а также следить за жизнью других пользователей.

Как молодежь оценивает роль социальных сетей в своей жизни?

56 % опрошенных студентов ответили, что «социальные сети дают им возможность общения в сети», 19 % — «социальные сети дают возможность самореализации и самовыражения», 15 % опрошенных студентов отдадут предпочтение социальным сетям, потому что «в социальных сетях общение между людьми строит куда проще, чем в реальной жизни».

Опрос выявил и некоторые противоречия в сознании молодёжи. Перечисляя все возможные положительные стороны социальных сетей, 43 % опрошенных также считают их всеобщим злом, зависимостью, наркотиком, источником деградации человеческого сознания и пр. Не придерживаются того же мнения — 56 %, а 11 % затрудняются ответить на этот вопрос. 38 % респондентов отметили, что социальные сети влияют на поступки в реальной жизни (44 % считают что не влияют, 18 % затрудняются с ответом). На вопрос о том, «заменяет ли виртуальное общение реальное», 83 % опрошенных ответили, что «виртуальное общение не заменяет реальное», а 17 % ответили, «что развитие информационных технологий приведет к преобладанию виртуального общения».

Опасен ли виртуальный мир для молодёжи?

Безусловно, можно отметить, что виртуальный мир интересен. Он дает возможность, дистанционно следить за событиями личной жизни других людей, помогает спрятаться от проблем реальности, информирует о модных тенденциях молодежи и многое др. Но, по моему мнению, колоссальная проблема заключается в том, что молодёжь становится полностью зависимой от интернета и социальных сетей. Это и зависимость от онлайн — игр, электронных покупок, от социальных сетей.

Наиболее распространенной можно считать, по-моему, зависимость от онлайн — общения. К сожалению, на данный момент

многие молодые люди уже не представляют свою жизнь без него. Общаясь посредством онлайн – переписки, молодежь забывает про личное общение. С течением времени развивается патологическая необходимость постоянного пребывания в социальных сетях. Эта зависимость сопоставима с наркоманией, алкоголизмом и пр. Если последнее губит здоровье, то интернет губит драгоценное время молодых людей, а из него, как мы знаем, состоит жизнь. Что же приводит молодежь к такой зависимости? Психологи утверждают, что большую роль играет наличие в современном обществе так называемой проблемы, как «одиночество в толпе»: человек, пребывая в социуме, все равно остается одинок, поэтому проводит большую часть времени наедине с интернетом, и это, соответственно, не может не отражаться на особенности поведения личности [1]. Интернет-зависимость является, по своей сути, уходом от проблем реальности. Неуверенность в себе, проблемы коммуникации, неудовлетворенность собственной жизнью, заниженная самооценка, а также комплексы толкают молодежь в виртуальный мир, который заполняет образовавшиеся пустоты в сознании, появившиеся под давлением перечисленных факторов. Проведенное исследование подтверждает мнение исследователей современной коммуникаций Бодрияра (семиотика Бодрияра), Ф. де Соссюра, что в обществе потребителей информация упраздняет знания[3].

Подводя итог, можно заключить, что данная проблема, указывает на необходимость принятия мер в рамках проводимой государственной молодежной политики в России, направленной на совершенствование деятельности организаций досуга молодежи. Возможно, необходимо организовать интернет-контент, направленный на культурное и нравственное образование молодежи. Также возможно проведение социальной рекламы, как способ воздействия на данную проблему.

Список литературы

1. В паутине социальных сетей. URL://<http://www.inetomaniya.ru/psixologiya-problemy/v-pautine-socialnyx-setej>
2. Шумакова Е. В. Воспитательное пространство социальных сетей интернета // Профессиональное образование. Столица. 2011. № 6. С. 39–40.
3. Гнатюк О. Л. Основы теории коммуникаций// Учебное пособие. 2010.

Интернет как канал политической социализации молодежи

Соколова Алена Андреевна

Бакалавр, 4 курс
ГБОУ ВПО МГПУ ИПССО
Направление «Социология»,
г. Москва

Интернет-пространство входит в жизнь граждан и постепенно становится одним из способов политической коммуникации. В активный период демократизации и снятия цензора, сеть становится отражением политического сознания людей, так как человек, не скованный рамками закона, начинает признаваться именно в том, что на самом деле считает о политике своей страны, не опасаясь быть наказанным или загнанным в угол за неудобное мнение. Интернет снимает ограничения, и данный эффект называется на мировосприятии личности: появляется «эффект свободы от обязательств». Мы хотим увидеть, насколько Интернет-поле влияет на реальное видение политической картины мира молодежи, или же его влияние не выходит за границы виртуального пространства.

Трансформация политической системы на постсоветском пространстве обозначила новые реалии, среди которых выделяются многообразие политических процессов: плюрализация политических интересов, развитие институтов гражданского общества и усиление дифференциации. Одновременно с этим существенным образом изменилась система политической социализации. В советском Союзе политическая грамотность являлась одним из ключевых элементов воспитательной системы в целом. В настоящее время фактически отсутствует целенаправленное воздействие со стороны агентов социализации, прежде всего, на подрастающее поколение в направлении формирования гражданской позиции и политического самосознания.

Современная молодежь испытывает колоссальное воздействие различных источников СМИ. Молодые люди становятся более мобильными, коммуникабельными, и, благодаря развитию современных электронных технологий имеют возможность расширить границы взаимодействия, обращаясь к средствам Интернет. Виртуальное пространство всё больше доминирует в систе-

ме связи современной молодежи. Вместе с тем, представляются малоизученным допросы влияния виртуального пространства на политическую социализацию молодежи.

Вопросами социализации и исследованиями ценностных ориентаций молодежи занимались такие ученые как, Ж. Т. Тощенко, М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги, А. Л. Андреев, З. Фрейд, Э. Дюркгейм и другие. Изучением Интернета как средства массовой коммуникации посвящены работы В. П. Коломиеца, Д. В. Иванова, М. М. Назарова, М. Кастельса, М. Маклюэна и других.

Основная цель данного исследования — дать характеристику Интернета как канала политической социализации в среде молодежи. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

На основании теоретического анализа определить сущность политической социализации.

На основе вторичного анализа данных выявить роль Интернета в социальном пространстве современной молодежи.

Определить особенности Интернета как средства массовой коммуникации.

На основании собственного эмпирического исследования определить:

- Характер деятельности молодежи в среде Интернет;
- Политизированности медиа-среды виртуального пространства;
- Характер деятельности молодежи относительно политической деятельности в среде Интернет;
- Оценку политической ситуации в современной России молодежью, активно использующей Интернет;
- Уровень политической активности современной молодежи в реальной жизни.

Основная гипотеза: степень политической активности молодежи одинаково проявляется как в виртуальном пространстве, так и в реальной жизни.

Нами было проведено исследование среди молодых пользователей Интернет. Объем выборки — 162 человека. Тип выборки — стихийная, неслучайная. Выбор данной стратегии при формировании выборочной совокупности обуславливался следующими обстоятельствами:

Отсутствие списка генеральной совокупности и четких представлений о ней, что затрудняло методологическую организацию вероятностных типов выборок.

Интернет является одним из видов средств массовой коммуникации, при исследовании которых чаще всего используется стихийный тип выборки.

Наиболее удобный способ отбора респондентов в виртуальном пространстве.

Некоторые полученные данные позволяют увидеть, что виртуальное пространство представляется в достаточной степени политизированным. В большинстве случаев респонденты отмечают присутствие политического медиа-контента в Интернете.

Данное положение делает возможным использование Интернета в качестве канала политической социализации молодежи. Однако, фактическое формирование политического мировоззрения и политической активности сталкиваются с рядом препятствий, основными из которых являются:

Восприятие виртуального пространства молодежью как, прежде всего, зона свободного общения, что порождает недоверие к официальным источникам политической информации.

Приоритетность общения в виртуальном пространстве со сверстниками и друзьями, что снижает вероятность использования политической тематики в силу особенностей ценностных приоритетов современной молодежи.

Общая аполитичность молодежи

Данные обстоятельства приводят к невысокой политической активности молодежи в среде Интернет. Молодежь, как социально-политическая категория склонна к негативной оценке деятельности органов государственной власти, но, вместе с тем, в данной среде наблюдается низкий потенциал протестных настроений. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что степень политической активности молодежи в одинаковой степени проявляется как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве.

Особенностью молодежной среды, активно использующей Интернет, является гомогенность относительно реакции на политические события в стране. Социально-демографические характеристики в виртуальном пространстве не играют значимой роли в политической социализации. В результате проведенного эмпирического исследования не удалось определить статистически значимые кластеры, ориентированные на активность или пассивность политической деятельности.

В достаточной степени политическая активность молодежи детерминирована участием (или неучастием) в общественных организациях и политических объединениях.

Таким образом, виртуальное пространство, представляя собой альтернативную форму «бесцензурной» коммуникации в значительной степени является отражением реальной политической деятельности молодежи. Для усиления воздействия Интернета как канала политической социализации важно уделять внимание формированию общественно-политических организаций молодежи, в том числе в виртуальном пространстве. Данные нашего исследования показывают, что присутствует тенденция влияния виртуальных политических сообществ на реальную политическую деятельность молодежи. Новые избирательные технологии и политическая пропаганда в обязательной степени должны учитывать данное влияние и использовать интернет как площадку, основным методом воздействия которой на политическую активность молодежи должно стать формирование виртуальных социальных сетей и политических групп.

Роль социальных иллюзий в формировании общественного мнения

Юсупова А. М.

Аспирант
Уральского федерального
университета им. Б. Н. Ельцина
Факультет журналистики
г. Екатеринбург

В современном обществе журналистика выполняет целый ряд функций. В числе важнейших из них можно назвать ориентационную функцию. В стремительно развивающемся мире, для которого характерна многомерность информационных потоков, настоящий калейдоскоп оперативных сообщений человеку нужен ориентир, который помогает ему осмысливать происходящее. Таким ориентиром становятся средства массовой информации, которые индивид выбирает в качестве достоверных и авторитетных.

Поток сообщений избранных СМИ подспудно и, возможно, совершенно неожиданно для журналистов, меняет мнения и поведение человека, порождает совершенно новые формы социальных практик. И как следствие в информационном пространстве возникает совершенно иная реальность, медиареальность [3].

По определению Шестериной, «медиареальность — это некий мир, детально прорисованная, динамичная самостоятельно развивающаяся структура на основе модели мира, которую создают СМИ» [8, с. 23]

В отличие от картины мира, модель мира — это своеобразный набор сведений, в соответствии с которым человек действует и принимает решения. [8, с. 33]. И одним из способов формирования модели мира становится актуализация и создание социальных иллюзий.

Согласно одному из определений, социальные иллюзии — это системы неадекватных представлений общества о себе самом, о своих гражданах, их взаимоотношениях друг с другом, о субъектах других обществ и культур, основанные на фантастических представлениях и верованиях, на завышенных или заниженных оценках собственного статуса и роли в истории. [2]

Социальные иллюзии могут формироваться стихийно, а могут быть результатом целенаправленной работы. Но в любом

случае они прочно вплетены в систему архетипических представлений, национальных мифов и стереотипов, что и обеспечивает их мощнейший манипулятивный потенциал.

То, какую роль социальные иллюзии играют в формировании общественного мнения, легко проследить на материале сообщений зарубежных СМИ, посвященных крупнейшему спортивному событию в России — Олимпийским играм в Сочи.

Довольно часто в западных СМИ звучит мысль о том, что Олимпиада — некий политический Рубикон для президента РФ Владимира Путина. Иными словами, это мероприятие в глазах западного сообщества носит не только спортивный, но и в равной степени политический характер: Россия предстает как страна, пытающаяся настойчиво и агрессивно, в том числе с помощью Игр, вернуть себе статус мирового политического лидера.

«После пришествия во власть в 2000 году Путин видит себя далеким наследником Петра Великого. Игры в Сочи стали для него примерно тем же, чем было для царя строительство Санкт-Петербурга. <...> Просвещенный деспот Петр Великий стремился открыть Россию для Запада, построив новую столицу как можно ближе к нему. Заполучивший в свои руки почти полную власть Владимир Путин ставит перед собой куда более скромные цели: он хочет закрепить свое положение, проведя Игры, которые должны стать вызовом климату, географии и геополитике». [6]

«В Сочи россияне запустили один из масштабных строительных проектов, которые являются неотъемлемой чертой их истории. Цари с нуля построили столицу Санкт-Петербург на балтийских болотах, Одессу на Черном море и Владивосток на Тихоокеанском побережье. <Сочи> слишком большой, новый, дорогой, коррумпированный и непрочный! С точки зрения Запада все эти упреки, без сомнения, полностью обоснованы. [5]

Аллюзия к историческому прошлому России, к ее имперским притязаниям актуализирует представление о Путине как о новом «императоре», в определенном ключе характеризует методы его работы.

При этом Сочи предстают как место, крайне небезопасное как для спортсменов, так и для болельщиков. Накануне Игр прогремели теракты в Волгограде. Это задало тон популярным высказываниям.

«России придется денно и нощно работать над тем, чтобы защитить спортсменов и зрителей. В свою очередь, это может создать такую ситуацию, когда другие регионы, такие как Север-

ный Кавказ, и крупные города типа Москвы и Санкт-Петербурга окажутся незащищенными от террористов, боевиков и организованной преступности» [4].

«Олимпиада стартует 7 февраля на черноморском побережье у подножий Кавказа, где повстанцы мечтают создать исламское государство» [1].

Возникает стойкое ощущение, что несмотря на все меры предосторожности, огромное количество привлеченной техники и людей, Сочи обязательно запомнятся каким-либо чрезвычайным происшествием.

Кроме того, иностранцам в Сочи нужно быть готовым к ущемлению прав человека: начиная он неприкосновенности частной жизни, заканчивая законом о запрете гей-пропаганды.

«После холодной войны за Россией закрепилась репутация государства, вторгающегося в частную жизнь. Но с приближением сочинской Олимпиады страна-хозяйка, похоже, вознамерилась завоевать золото по слежке» [7].

«Солберг следует отправиться в Сочи, одевшись в блестящее розовое платье и взяв с собой радужный флаг, символ гомосексуализма <...>. Если мы на самом деле серьезно относимся к международным спортивным соревнованиям, мы должны, к сожалению, смириться с тем, что достаточно «плохие» страны будут их организовывать и участвовать в них» [9].

Таким образом, социальные иллюзии оказывают огромное влияние на формирование общественного мнения. Массовое сознание легко воспринимает социальные иллюзии, поскольку они без лишних усилий вписываются в модель мира, не требуют доказательств, основаны на глубинных архетипах и стереотипах. Однако, говоря о манипулятивном потенциале социальных иллюзий, важно заметить: они имеют не только деструктивный характер. Социальные иллюзии могут выступать мощным средством мобилизации общества в периоды политических и экономических кризисов.

Список литературы

1. «Дороговизна Олимпиады в Сочи – «дурной пример» («Reuters», Великобритания)» / ИноСМИ. URL://http://inosmi.ru/world/20140111/216415545.html

2. Кемеров В. Философская энциклопедия / В. Кемеров // Национальная философская энциклопедия. URL://http://terme.ru/dictionary/183

3. Пронин Е. И. Психологические проблемы современной журналистики / Е. И. Пронин // Проблемы медиапсихологии / сост. Пронина Е. Е. М.: МГУ, 2001

4. «Сочи-2014: проблемы безопасности («Stratfor», США)» / ИноСМИ. URL://<http://inosmi.ru/russia/20140110/216396693.html>

5. «Сочи: главное — не участие, а организация («Le Temps», Швейцария)» / ИноСМИ. URL://<http://inosmi.ru/russia/20140123/216806589.html>

6. «Сочинская Олимпиада определит будущее России в мире («Les Echos», Франция)» / ИноСМИ. URL://<http://inosmi.ru/russia/20140128/216940401.html>

7. «Российская система безопасности на Олимпиаде в Сочи устанавливает новые стандарты слежки («CBC», Канада)» / ИноСМИ. URL://<http://inosmi.ru/russia/20140114/216497998.html>

8. Шестерина А. М. Психология журналистики / А. М. Шестерина. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010.

9. «Эрна Солберг, нужно ехать в Сочи! («Aftenposten», Норвегия)» / ИноСМИ. URL://<http://inosmi.ru/world/20140117/216603729.html>

Социальные сети как способ самопозиционирования российских политиков

Яланоти Николай Иванович

Студент
Поволжский институт управления
имени П. А. Столыпина,
Факультет политико-правового
управления,
г. Саратов
E-mail: gyta_kolia@mail.ru

Одним из актуальных вопросов в настоящее время становится деятельность социальных сетей и использование их политиками для самопозиционирования или для более эффективного взаимодействия с гражданами [1]. Почти половина трафика посещений интернета приходится на такие социальные сети, как: ВКонтакте, Блоги и Twitter. Данная тенденция роста сохраняется. И это не удивительно, так как социальные сети выполняют важнейшую функцию для социума — коммуникативную, интерактивную [5]. Использование социальных сетей для политиков — это уникальная возможность продвижения своих интересов и прямого общения с гражданами, что улучшает имидж и делает народно-го избранника популярным [6].

Позиционирование — понятие, пришедшее в повседневную речь и профессиональную политическую лексику из экономики, точнее, теории маркетинга. В широком смысле позиционирование — это искусство формирования образа политика в воображении целевой аудитории таким образом, чтобы она как можно более выгодно отличалась от образов конкурентов, для чего используются различные ее характеристики, как реальные, так и воображаемые [2].

В ходе работы рассматривалась и сравнивалась особенность создания «сетевого образа» двух политиков: Д. А. Медведева и В. В. Жириновского, в социальных сетях ВКонтакте и Блоги: Блоги@mail.ru, LiveJournal. Чтобы достичь поставленной цели, и дать конструктивный ответ, при анализе аккаунтов придерживался определенных критериев. Во-первых, это целевая аудитория. Тут важно, на какой контингент направлены действия политика, это может быть как молодежь, так и пожилое население. В целе-

вой аудитории должно быть что-то общее: возраст, хобби, социальное положение, профессиональная деятельность, уровень образования и т. д., что-то, что заставит их поддерживать именно этого политика.

Во-вторых, необходимо отразить, чем этот политик отличается от конкурента. Здесь важно себя позиционировать не как лучший, а как другой. Позиционирование нацелено на то, чтобы вложить в сознание аудитории идею отличия своего образа от конкурирующего политика.

В-третьих, это непосредственно дать объяснение кто ты. Раскрыть направление своей деятельности, отразить свои взгляды и мнение по определенному шаблону, не меняя свой стиль.

Сравнительный анализ способа позиционирования двух политиков В. В. Жириновского и Д. А. Медведева показал, что их образы в социальных сетях определенным образом отличаются. Владимир Вольфович создал аккаунты во многом для привлечения широкого внимания аудитории пользователей данных сетей к деятельности партии ЛДПР. Владимир Вольфович выступает в роли эксцентричного скандального политика. Максимум приближен к народу и готов всегда к общению с ним. Представляет себя как «средний», «простой» гражданин. Вся деятельность Владимира Жириновского в социальных сетях направлена на привлечение аудитории через себя к партии ЛДПР [4]. Странники Жириновского в основном молодое население, которое с удовольствием поддерживает политика в социальных сетях.

Совсем по-другому себя позиционирует Премьер-министр РФ. Дмитрий Анатолиевич выступает в роли сильного политика, который все время в работе, направлен к решению своих задач. Медведев не ведет никакую агитацию, а наоборот умело показывает свой настойчивый характер в выполнении своих обязательств. Хотя и состоит в партии «Единой России», от выкладывания информации, указывающий на этот факт, видимо, отказывается. Политик позиционирует только себя, никак не делая акцент на партию [3]. Аудитория, на которую направлено внимание Медведева не простые люди, а сегмент интеллектуальных граждан, имеющие определенные жизненные позиции и политические взгляды. Также больше внимания уделено представителям «среднего класса» и совсем немного молодежи.

Необходимо констатировать, что без должной организации работ в интернет — пространстве сегодня не проводится ни одна масштабная современная политическая кампания, которая пре-

тендует на какой либо успех. Становится более важным прозрачность деятельности политических акторов, через формирование эффективных и доверительных отношений с целевыми аудиториями, на которых направлены действия политических субъектов. Таким образом, пришел к выводу, что использование социальных сетей в политической среде является продуктивной технологией самопозиционирования. Способность привлекать на себя внимание через социальные сети, делиться мыслями с аудиторией, дает политику популярность и доверие со стороны гражданского общества.

Список литературы

1. Коломиец В. П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе / В. П. Коломиец // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 58–66.

2. Котлер Ф. Маркетинг-менеджмент. Под ред. Ю. Н. Каптуревского / Пер. с англ. Т. Виноградова, Д. Раевская, Л. Царук. СПб.: Питер Ком, 2004.

3. Аккаунт Дмитрия Медведева в социальной сети ВКонтакте URL://<http://vk.com/dm>.

4. Владимир Жириновский ВКонтакте // Официальный сайт ЛДПР URL://<http://www.ldpr.ru/events/society/9647/> (25 июня 2010 г.)

5. Официальный новостной сайт «Информационная лента новостей» URL://<http://lenta.ru/news/2008/07/17/medvedev>. (дата обращения 25.05.2011)

6. Официальный новостной сайт «Информационное агентство» URL://<http://www.iarex.ru/news/21038.html>

раздел третий

Сетевые отношения и сетевое сотрудничество: государство, бизнес, НКО

Сетевые стратегии малого и среднего бизнеса в современной России

Бабешко И. Е.

Студент
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

Исследователями отмечаются процессы трансформации в процессах взаимодействия агентов публичной политики в современной Российской Федерации. С усложнением сфер деятельности, попадающих под государственное регулирование, у принимающих решения органов появляется потребность во включении в выработку политики общественных агентов, носителей специфических знаний и информации.

Наиболее значительным по своим масштабам и социально-экономическим последствиям является взаимодействие государства и бизнеса. При этом, следует отметить, что в современной России сложилось стройное равновесие в отношении взаимодействий государства и интересов крупного

бизнеса, которое в целом не подпадает под категорию сетевого, плюралистического управления. Формы представительства интересов крупных корпораций отличаются отсутствием публичности в процессе производства решений, иерархичностью связей и наличием практикам «захвата государства». В то же время важнейшей проблемой является формированием новых эффективных форм диалога власти и представителей малого и среднего предпринимательства. Данная часть экономической структуры общества приобретает в современных условиях особую социально-политическую значимость: малый и средний бизнес являются центральным агентом в процессах развития инновационных форм производства, занимают значительную часть в ВВП и создании трудовой занятости населения государства. Средний класс и предпринимательство также является той группой населения, которая вынуждена «напрямую» сталкиваться с государственным регулированием и его последствиями, группой, способной на организацию новых форм гражданской активности и инноваций во всех сферах общественной деятельности.

Мы утверждаем, что в современной России сложились специфические, характерные для развивающейся рыночной экономики и предпринимательской культуры, условия деятельности малого и среднего бизнеса. Исследователи отмечают значительную роль государственной бюрократии и административных барьеров, проблему излишнего регулирования и произвольной активности правоохранительных органов в сфере экономических преступлений, особых региональных режимов управления экономической активностью, что оказывает непосредственное влияние на возможности развития цивилизованного института предпринимательства.

Сетевые формы организации субъектов малого и среднего предпринимательства находятся на начальном этапе развития. Ключевыми задачами таких форм самоорганизации является формирование устойчивых форм взаимодействия в процессе выработки государственных решений, организация правовой защиты субъектов предпринимательства от внешних воздействий, накопление коллективных знаний и повышения уровня взаимного доверия для увеличения способности к мобилизации.

Автором выделяются и обосновываются основные возможные стратегии сетевого взаимодействия субъектов пред-

принимательства, а именно утверждается наличие разлома между стратегией интеграции, которая подразумевает адаптацию к имеющимся неэффективным практикам регулирования и незаконной деятельности, и стратегией продвижения концепции развития цивилизованных форм ведения бизнеса.

Государственно-частное партнерство как сетевое взаимодействие

Кобзистая Виктория Владимировна

Студент
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

Вопрос взаимодействия государства и частного сектора всегда актуален в странах с рыночной экономикой. Разумное сочетание рыночных механизмов с государственным регулированием представляется наиболее действенным с точки зрения устойчивости экономической системы, динамичного развития страны, роста ее конкурентоспособности, улучшения благосостояния жителей. Формой взаимоотношения государства и бизнеса как союзников, занимающих свои ниши в экономической системе, является государственно-частное партнерство (ГЧП).

Государственно-частное партнерство рассматривается как механизм привлечения ресурсов частного сектора для государственных и муниципальных нужд, а также реализации конкретных проектов в широком спектре сфер деятельности [2]. Существует несколько подходов к пониманию термина «частно-государственное партнерство», один из которых рассматривает ГЧП как особый способ объединения ресурсов государства и бизнеса. Расширяя этот подход, исследователи обратили внимание на потенциальный предмет партнерских отношений, который в большинстве случаев имеет социальную направленность и является первостепенным аспектом исследуемого понятия [3].

Недостаток бюджетных средств на развитие социально значимых сфер экономики, трудности с планомерным повышением налогов для пополнения бюджета, рост недовольства населения в связи с качеством предоставляемых государством услуг обуславливает необходимость поиска альтернативных механизмов финансирования. Целесообразность реализации проектов ГЧП состоит в том, что в ряде секторов считается недопустимым создание свободной конкуренции, несмотря на неспособность государства эффективно функционировать в некоторых сферах. Поэтому происходит совмещение недостаточных для реализации

того или иного проекта государственных ресурсов с ресурсами частного бизнеса [4].

Системообразующим фактором в отношениях на принципах частно-государственного партнерства является сотрудничество, которое подразумевает наличие равноправных партнеров. Признаками такого взаимодействия являются:

Наличие четких целей и строго определенных государственный интерес;

Объединение вкладов сторон для достижения общих целей;

Распределение между сторонами расходов и рисков, участие в использовании и анализе результатов;

Оформление взаимоотношений сторон партнерства в официальных юридических документах [5].

Государство рассматривает частный сектор как источник дополнительных ресурсов, снижающих нагрузку на бюджет, более гибкую и результативную систему управления, повышающих эффективность расходов, часть из которых являются государственными. Администрации всех уровней стремятся к максимизации выгод из знания рынка и использовании практики — ориентированных деловых компетенций частных партнеров, что позволяет, основываясь на принципах ГЧП, не допускать рост аппарата, а иногда и сокращать его численность, одновременно повышая качество его работы. Более глобальной целью участия государства в таком партнерстве является реализация проектов, направленных на повышение экономического потенциала региона, создание новых рабочих мест, решение социальных и иных задач, определенных на политическом и административном уровнях [6]. Такими задачами могут являться: развитие телекоммуникаций, объектов социальной сферы, всех видов транспорта, инфраструктуры.

Процесс принятия и реализации управленческих решений в бизнес структурах наиболее гибок, что приносит обоюдную выгоду партнерам. Также государство получает выгоды от увеличения налоговых поступлений, помощи в решении социально значимых вопросов. Бизнес при этом ориентирован на поддержку за счет административных, материальных и финансовых возможностей государства, государство выступает в качестве стабильного и ответственного партнера. Кроме того, участие в проектах ГЧП обеспечивает частным партнерам увеличение и поддержку уровня прибыли, снижение уровня своих рисков и увеличение доли рынка [6].

Партнерство может осуществляться как на краткосрочной, так и на долгосрочной основе, в зависимости от целей, направленности и масштаба решаемых задач. Модели осуществления государственно-частного партнерства могут быть представлены в форме контрактов на выполнение работ, оказание общественных услуг и контрактов технической помощи, контрактов на обслуживание и управление объектом государственной собственности, договоров аренды и временной передачи прав, концессионных соглашений разных типов, акционирования и долевого участия частного капитала в государственных предприятиях. Существует также и организационный механизм реализации ГЧП: проведение консультаций и переговоров по вопросам взаимодействия, совместный контроль за принятыми сторонами соглашениями [3].

Особое внимание следует обратить на вопрос вовлеченности обеих сторон в процесс реализации проекта и доступности его результатов. При разработке проекта необходимо учитывать сложившуюся специфику для соблюдения баланса между государственным вкладом и вкладом частного сектора. Сетевой анализ позволяет рассмотреть сетевые отношения групп, лиц, представителей органов власти, выявить доминирующие позиции в процессе принятия и реализации коллективных решений [1]. При ГЧП государство получает возможность заняться осуществлением функций по контролю, регулированию и соблюдению общественных интересов. За государством в любом случае остаются основные рычаги влияния, ГЧП не предполагает доминирование одного субъекта над другим. Сохраняя контрольные функции, государство оставляет хозяйственную деятельность своему частному партнеру. Мировая практика показывает, что эффективной формой ГЧП является проведение совместных проектов в наукоемких отраслях, а также совершенствование производственной инфраструктуры.

Список литературы

1. Сетевой анализ публичной политики: учебник / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РГ-Пресс, 2013.
2. Государственно-частное партнерство. Теория и практика: учебное пособие / В. Г. Варнавский, А. В. Клименко, В. А. Королев. М., 2009.

3. Поровская А. Я. Теоретические основы частно-государственного партнерства на современном этапе развития экономики России / Сер.: Экономика. 2008.

4. Пьянкова К. В., Косвинцев Н. Н. Государственно-частное партнерство: преимущества и недостатки для государства и бизнеса / Вестник пермского университета / Сер.: Экономика. 2010.

5. Набиев Р. А., Мельников А. В. Совершенствование взаимодействия власти и бизнеса в рамках государственно-частного партнерства / Вестник АГТУ / Сер.: Экономика. 2010.

6. Орлов М. Р. Некоторые проблемы институционализации государственно-частного партнерства / Информационно-управляющие системы. 2010. №5.

Реализация социальной ответственности бизнеса в сетевом обществе: модель венчурной филантропии

Лысенкова Наталья Евгеньевна

Магистрантка 1 курса
Санкт-Петербургского
государственного университета
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

Возрождение интереса к практикам реализации социальной ответственности бизнеса в России приходится на начало 2000-х годов. Понимание ответственности предпринимателя перед социумом в России имеет глубокие корни, как то дореволюционные практики меценатства или существование советской модели моногорода, когда предприятие фактически обеспечивало жизнедеятельность населенного пункта, в том числе в его социальном и культурном аспектах. Возрождение интереса к практикам реализации социальной ответственности бизнеса связано с несколькими причинами:

- окончание периода «первичного накопления капитала» и одновременная неудовлетворенность социума итогами приватизации;
- усиление государства как института, и, как следствие, изменение модели взаимодействия власти и бизнеса;

активное внедрение России и российского бизнеса в процесс глобализации, возникновение новых требований, предъявляемых к бизнесу, в том числе репутационных требований.

На данном этапе можно выделить 3 основных модели реализации социальной ответственности бизнеса:

- традиционная благотворительность, предполагающая непосредственную передачу ресурсов от донора к реципиенту на безвозмездной или льготной основе для решения социально значимых задач;

- стратегическая благотворительность, предполагающая увязку благотворительной деятельности со стратегическими целями компании;

- социальное инвестирование, то есть проведение целенаправленной долгосрочной политики компании в местных со-

обществах, направленной на решение общественно значимых задач, и предполагающее взаимную выгоду между бизнесом, сообществом и государством [1]. Одним из новейших видов социального инвестирования является так называемая венчурная филантропия. Она основана на интеграции благотворительной деятельности и таких принципов венчурного предпринимательства, как то творческий, инновационный подход к решению задач и партнерские отношения со стейкхолдерами.

Венчурная благотворительность как реализация социальной ответственности бизнеса часто связана с имплементацией технологии краудсорсинга, краудфандинга и проектного метода. Внедрение вышеперечисленных технологий происходит сейчас не только в коммерческом и некоммерческом секторах, но и в государственном секторе. В некоммерческом секторе в качестве примера можно привести многочисленные городские гражданские инициативы, основанные на краудсорсинге и краудфандинге («Заливает.ру», «Красивый Петербург», «Городские проекты», «РазДельный сбор» и т. п.). В государственном секторе новые технологии работы население особенно активно используются в молодежной политике (всевозможные «Ярмарки инициатив» и молодежные форумы, предполагающие выдвижение, защиту и реализацию собственного проекта молодыми людьми при консультационной и финансовой помощи государства).

При осуществлении венчурной благотворительности также активно используются вышеперечисленные новые технологии, так как они наиболее полно отвечают требованиям инновационности и нестандартности при решении социальных проблем. Вместо прямого финансирования решения какой-либо социальной задачи, создается механизм для решения различных задач усилиями социума при финансовой поддержке бизнеса (иногда совместно с государством). Приведем несколько примеров венчурной филантропии в России.

Фонд «Наше будущее», основанный президентом и совладельцем «Лукойла» В. Ю. Алекперова. Директор фонда - Наталия Зверева. Цель деятельности фонда — выявление социальных предпринимателей, оказание им финансовой, консультационной, информационной помощи, формирование позитивного имиджа социального предпринимателя, распространение идеи социального предпринимательства, интеграция зарубежных и российских партнеров их государственного, частного и некоммерческого сектора для развития социального предпринимательства на

территории России. Социальное предпринимательство - это новаторская деятельность, изначально направленная на решение или смягчение социальных проблем общества на условиях самооплаемости и устойчивости. [2] Таким образом, осуществляется не прямое финансирование тех или иных социальных проектов, но стимулирование и поддержка граждан, желающих принять участие в решении определенных социальных проблем.

ОАО «Северсталь», помимо многочисленных традиционных и стратегических благотворительных практик, реализует также программу «Агентство городского развития», — проект, направленный на выработку механизмов и инструментов развития социального потенциала регионов присутствия, предпринимательской инициативы. Программы проекта предполагают поддержку начинающих и действующих предпринимателей на разных этапах функционирования бизнеса.

Фонд «Династия», основанный бывшим владельцем и ныне почетным президентом компании «Вымпелком» Дмитрием Зиминим. Основная цель деятельности фонда - популяризация науки, поиск и поддержка талантливых молодых ученых России. Ряд проектов. Ряд научных и образовательных проектов Фонда можно отнести к венчурной благотворительности

Благотворительный фонд Владимира Потанина. В рамках деятельности этого фонда активно применяются новейшие технологии венчурной филантропии. Например, пилотный проект «Целевые капиталы: стратегии роста» 2012–2014 гг., направленный на продвижение в России модели фондов целевого капитала, содействие внедрению эффективных фандрайзинговых технологий, стимулирование участия граждан в создании модели устойчивого финансирования некоммерческих организаций. К благотворительным программам, актуализирующим проектный метод, причисляется и Стипендиальная программа Фонда. Стипендиатам предоставляется возможность разработки собственного социально значимого проекта (в команде) и получение гранта на его реализацию.

Вышеперечисленные примеры не исчерпывают список благотворительных венчурных практик в России, но наглядно демонстрируют их постепенную популяризацию. Причинами для этого, с нашей точки зрения, служат поступательные изменения в характере межсекторного взаимодействия, переход общества от иерархической модели к сетевой (когда участники сети равноправны, заинтересованы во взаимодействии и обладают опреде-

ленными ресурсами; при этом вертикальные связи органично дополняются горизонтальными). Хотя актуальные исследования показывают, что в основном при реализации социальной ответственности бизнеса в России используются модели 1 и 2 (традиционная и стратегическая благотворительность) [3], практики социального инвестирования и, в частности, венчурной филантропии, становятся частью российской повседневной реальности.

Список литературы

1. Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний. Ивченко С. В., Либоракина М. И., Сиваева Т. С. 2004.

2. Фонд региональный социальных программ «Наше будущее». URL:// <http://www.nb-fund.ru/about-us/>

3. Социальная ответственность бизнеса на постсоветском пространстве Е. Я. Виттенберг. 2011.

Взаимодействие государства и бизнеса на региональном уровне в ситуации дефицита высококвалифицированных медицинских кадров

Погорелова С. А.

Магистрант, 2 курс
Московский
государственный университет
Программа «Управление
и экономика здравоохранения,
НИУ ВШЭ
г. Москва

На сегодняшний день в Российской Федерации модернизация системы здравоохранения является одним из важнейших государственных приоритетов. Инвестиции в эту сферу рассматриваются как долгосрочные вложения, в том числе и в человеческий капитал, качество которого будет напрямую определять конкурентоспособность России в мире и уровень её национальной безопасности. В связи с этим во многих государственных программах всех уровней главной задачей декларируется повышение качества оказываемых медицинских услуг населению и формирование системы устойчивого развития здравоохранения как высокотехнологичной отрасли.

Известно, что модернизация системы здравоохранения, равно как и любой другой социальной системы, требует новых подходов к государственному управлению, которые соответствовали бы новым требованиям общества.

Сегодня основными направлениями развития системы здравоохранения в России является его технологическая модернизация, внедрение новых стандартов медицинской помощи, а также повышение уровня квалификации медицинских работников. При этом повышение квалификации медицинских кадров является ключевой задачей. Дело в том, что процесс технологической модернизации в здравоохранении подразумевает закупку нового высокотехнологичного оборудования. Работа на таком оборудовании представляет собой достаточно сложный процесс и требует специальной подготовки, точно также как и новые стандарты оказания медицинской помощи, требуют новых знаний у медицинского персонала.

Если взять во внимание все те задачи, которые нужно решить для модернизации системы здравоохранения, становится понятно, что для их реализации и достижения главной цели нужно, чтобы в процессе участвовало множество акторов, в частности государство и бизнес. Формы и степень взаимодействия государства и бизнеса могут быть различны в зависимости от методов государственного управления, а также от задач, которые необходимо решить совместными усилиями.

Сегодня, благодаря реализации Государственной программы РФ

«Развитие здравоохранения»[1] российская система здравоохранения перестала быть бедной с точки зрения технического оснащения, но появилась новая проблема — на медицинском оборудовании некому работать из-за отсутствия кадров. Поэтому не случайно, что сегодня плановые проверки Прокуратуры РФ выявляют все новые и новые факты простоя дорогостоящего медицинского оборудования, поставленного в региональные больницы в рамках данной программы. Примеров подобных ситуаций можно привести достаточно много. Так, рядовая проверка вскрыла факты длительного не использования медицинского оборудования в одной из центральных районных больниц в Республике Карелия. Прокуратура установила, что в рамках реализации программы модернизации здравоохранения в начале 2013 года в больницу поступили передвижной лечебно-диагностический комплекс и колонофиброскоп для эндоскопии на общую сумму свыше 3 млн рублей. Однако обследования на них не проводились. Причина — отсутствие врачей-специалистов. Виновное должностное лицо, а им посчитали главврача больницы, привлекли к дисциплинарной ответственности. [2]

Подобные проблемы, возникающие из-за дефицита высококвалифицированных кадров можно найти практически в каждом регионе. Однако даже имеющие специалисты, которые работают в системе здравоохранения, сегодня не отвечают современным требованиям этой сферы.

Вот как комментирует ситуацию главный врач одной из нижегородских больниц, пожелавший остаться неизвестным: «Врачей нет, они уходят в частные клиники, а тем, кто вместо них приходит, надо выдавать бейджик: «Осторожно — специалист!», — такой нынче уровень знаний у выпускников медицинских вузов». [3] Важно отметить, что рассматриваемая проблема, безусловно, касается не только государственных и

муниципальных медицинских учреждений, но и всецело затрагивает частные медицинские центры. Сегодня большую часть сотрудников многих частных клиник составляют молодые специалисты, имеющие пока недостаточные профессиональные навыки и компетенции.

Сегодня повышение квалификации и устранение дефицита медицинских кадров относится к компетенции регионов. Поэтому необходимо искать возможные инструменты и принимать меры для решения сложившихся проблем на региональном уровне. Безусловно, необходимо интегрировать глобальные тенденции развития образования в систему медицинского образования РФ, пересмотреть дизайн учебных планов и программ, создать систему непрерывного профессионального образования. Но нужно понимать, что действительно качественное обучение практическим навыкам и обучение высококвалифицированного специалиста должно производиться только на настоящем современном высокотехнологичном оборудовании, которого нет в ни в медицинских ВУЗах, ни зачастую в государственных медицинских учреждениях, служащих клинической базой для того или иного учебного заведения, по причине его дороговизны.

Одним из эффективных решений в данной ситуации может явиться государственно-частное партнерство как одна из форм политической сети, где бизнес, являясь источником дополнительных финансовых ресурсов, готов сотрудничать с государственными учреждениями для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях.

Так, в Нижнем Новгороде уже с 2008 года работает первый уникальный частный медицинский центр «Александрия». Этот медицинский центр был создан совместно с ГОУ ВПО «Нижегородская государственная медицинская академия» при финансовой поддержке Группы Компаний «РОСТ». Этот проект является примером взаимовыгодного сотрудничества государства и бизнеса в сфере здравоохранения, где объединяются усилия государственной медицинской академии и коммерческой структуры. «Клиническая база, выдающиеся нижегородские ученые, практикующие специалисты, собственный центр научных исследований позволяют медицинскому центру «Александрия» обеспечивать высочайший, уровень медицинских услуг населению. Сотрудниками клиники являются преподаватели медицинской академии, 65 % состава — кандидаты и доктора медицинских наук. Медицинский центр подобного рода является уникальным не только

для Нижнего Новгорода, но и для России в целом». [4] Иными словами, подобное сотрудничество позволяет решить две проблемы: медицинский университет получает клиническую базу для отработки практических навыков студентов со всем необходимым оборудованием, с другой стороны — частная клиника получает высокопрофессиональных специалистов, обладающих достаточными профессиональными компетенциями и готовых работать на новом высокотехнологичном оборудовании.

Нужно отметить, что для реализации подобных проектов, как в сфере здравоохранения, так и в любой другой, в регионе помимо необходимой нормативно-правовой базы должен быть и соответствующий бизнес-климат, основанный на доверии между бизнесом и властью, который на данный момент установлен далеко не во всех субъектах РФ. Изменение ожиданий у представителей бизнеса сможет произойти только тогда, когда улучшение деловой среды станет общим делом предпринимателей и властей. Пока органы государственной власти самостоятельно определяют приоритеты, утверждают планы, индикаторы и целевые показатели, представители бизнеса не будут заинтересованы в реализации этих программ. Поэтому сегодня очень важно установить такой формат взаимодействия, когда будет создано достаточное количество инструментов для реального участия предпринимателей в решении социальных проблем.

Кроме того, следует отметить эффективность создания ассоциаций частных медицинских клиник, работающих на территории одного региона. В Нижнем Новгороде такая ассоциация была создана в 2012 году по инициативе самих представителей частных клиник. Безусловно, только объединив усилия можно достигать реализации масштабных проектов, защищать свои интересы и решать общие проблемы. Так, 14 марта 2014 в Нижнем Новгороде было подписано Соглашение о сотрудничестве между Ассоциацией нижегородских частных медицинских центров и государственным бюджетным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Нижегородская медицинская академия» по вопросам подготовки высококвалифицированных специалистов, проведения научных исследований, организации практики, а также по иным вопросам, представляющим взаимный интерес. [5] Соглашение только что вступило в силу, поэтому пока рано говорить о конкретных результатах, однако, даже сам факт двустороннего внимания к вопросу можно рассматривать как позитивный момент.

Таким образом, взаимодействие бизнеса и власти на региональном уровне через государственно-частное партнерство, как одну из форм сетевого взаимодействия, может служить достаточно эффективным инструментом решения острых проблем федерального масштаба. Сегодня представители бизнеса, объединившись в ассоциации, а также население, объединившись в НКО, могут взаимодействовать между собой, взаимодействовать с государственными органами власти, вовлекаться в процесс принятия политических решений в абсолютно любых, в том числе и в социальных сферах, тем самым позитивно влиять на развитие общества. Причем в рамках сетевого взаимодействия, решение поставленных задач, достижение целей происходит в условиях доверия участников друг к другу, с получением выгод каждой стороной.

Список литературы

1. Государственная программа развития здравоохранения Российской Федерации URL://<http://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/30/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii>
2. Информационный портал Республики Карелия. URL://<http://www/karelinform.ru/news/incident/43919/>
3. Официальный сайт Интернет-газеты «Правда ПФО» // URL://<http://pravdapfo.ru>
4. Официальный сайт медицинской клиники «Александрия». URL://<http://clma.nnov.ru>
5. Официальный сайт Ассоциации нижегородских частных медицинских центров. URL://<http://amcnn.ru>

раздел четвертый

Сети в управлении и принятии политических решений

Теория игр и моделирование сетевых взаимодействий в публичной политике

Бельскова Анастасия Николаевна

Студентка
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

I

В настоящее время одним из наиболее актуальных направлений в исследовании политических процессов в публичной политике является теория политических сетей. Сами политические сети можно определить как «набор относительно стабильных взаимоотношений по природе неиерархических и взаимозависимых, связывающих многообразие акторов, которые разделяют относительно политики общие интересы и которые обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей». [12] Таким образом, политическая сеть является наилучшим аналитическим инструментом для анализа взаимодействия большого числа акторов, связанных общностью цели и интересов.

Политические сети могут формироваться в различных сферах политики, но все они представляют собой комплекс структурных взаимоотношений между политическими институтами государства и общества. [9] Участниками политической сети являются активные и сознательные акторы, которые вырабатывают политические решения и одновременно осуществляют их реализацию. Таким образом, сюда включаются политические партии, НКО, общественные организации, группы интересов, и т. д. Необходимо так же подчеркнуть, что все акторы действуют исходя из общих интересов и, зачастую, стремятся к кооперативным моделям взаимодействия. Еще одно из важнейших условий существования акторов в политических сетях — их равенство, т. е. отсутствие какой-либо иерархии.

Несмотря на стройность сетевой теории, возникает вопрос о моделировании процессов в публичной политике и выработке стратегий решений конфликтных ситуаций. Теория политических сетей не имеет устоявшихся инструментов для подобного анализа и именно поэтому возможно создание нового междисциплинарного подхода к изучению публичной политики: совмещение концепции сетей с кооперативными играми, которые являются разделом теории игр.

Такой подход может позволить теории политических сетей выйти за рамки теории среднего уровня и учитывать гораздо большее число факторов, оказывающих влияние на устойчивость и эффективность сети, в том числе и внешние факторы. Так же, благодаря математической междисциплинарной модели появляется возможность моделировать процессы, происходящие внутри сети, и на основе этого вырабатывать стратегии по внутригрупповым взаимодействиям большого числа как государственных, так и не государственных акторов, связанных общими целями и интересами, для максимизации выгоды и решения конфликтов. В итоге, междисциплинарная модель может применяться для прогнозирования будущих взаимодействий акторов в зависимости от наличия у них детерминирующих характеристик и ресурсов.

Однако в России теория игр практически не применяется для серьезных политологических исследований и в основном используется как инструмент экономического анализа.

II

Теория игр рассматривается как «раздел теории управления, в котором исследуются задачи о существовании и находжде-

нии оптимального управления в условиях конфликта (в условиях столкновения сторон, каждая из которых стремится воздействовать на развитие конфликта в своих интересах)».

Кооперативные (коалиционные) игры характеризуются тем, что принимающие решение игроки объединены в фиксированные коалиции, причем члены одной коалиции могут свободно обмениваться информацией и принимать полностью согласованные решения. Так же игроки могут вступать в коалицию и договариваться о совместных действиях. [3] Точно такой же принцип существует и в политических сетях, что позволяет объединить эти два подхода к анализу политического процесса в одну модель. И действительно, политические сети так же основаны на доверии, причем основные акторы стремятся выработать согласованное решение, для получения общей выгоды.

В теории игр множество игроков обозначается через переменную N . Типичный игрок обозначается символом i . Далее, для каждого $i \in N$ задается множество стратегий S_i ; типичная стратегия — s_i . Профиль стратегий — это набор по стратегии для каждого игрока, т. е. $s_N = (s_1, s_2, \dots, s_n)$. Наконец, для каждого игрока указывается функция его выигрыша $U_i : S_N \rightarrow R$. [2] Значение коалиции C будет обозначаться как $v(C)$ или $v\{a_1, a_2, \dots\}$, где a_1, a_2 , члены коалиции C .

Неформально, каждый игрок выбирает некоторую стратегию $s_i \in S_i$; когда это сделают все, становится ясен его выигрыш $U_i(S_N)$. Каждый игрок стремится максимизировать свой выигрыш, но основная трудность заключается в том, что этот выигрыш зависит не только от его действий, но и от действия (стратегий) других игроков. И каждый игрок должен (или может) учитывать это в своем поведении.

Результатом является элегантная, хотя и довольно абстрактная модель принятия решений, которые редко отражает действительность во всей своей полноте. Тем не менее, реальная ценность кооперативной теории игр связано именно с ее абстракцией, так как она позволяет политологам выйти за рамки контекста отдельных случаев и открыть для себя общие основополагающие механизмы принятия решений.

Алгоритм построения модели корпоративно-сетевого исследования состоит из следующих пунктов:

- Определение ключевых стейкхолдеров;
- Сбор информации об акторах, оценка их интересов;
- Первоначальная оценка ресурсов основных акторов;

– Эмпирические исследования акторов (метод глубинного интервью, анкетирование);

– Выявление характеристик игроков, влияющие на их взаимоотношения;

– Построение математической модели координационных взаимодействий в публичной политике;

– Выработка стратегии эффективного решения конфликта между игроками, определения наиболее выгодного способа взаимодействий акторов и прогнозирования их будущих взаимоотношений.

Основные факторы, которые должны учитываться в корпоративно-сетевой модели исследования изображены на рисунке 1.1.

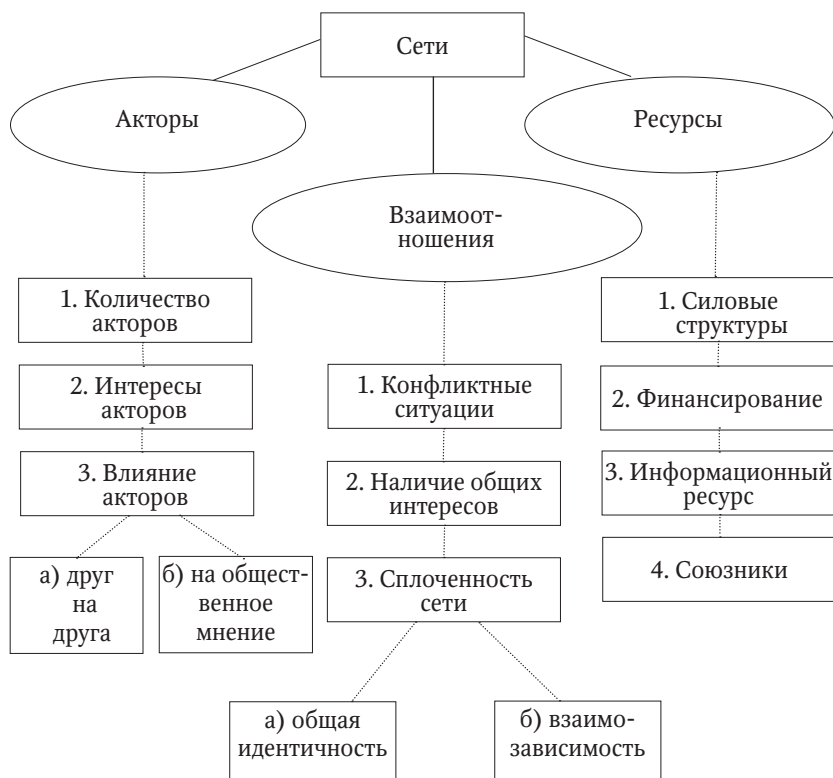

Рис 1.1.

В заключении, необходимо отметить, что трансформация коммуникационных процессов и развитие информационно-

коммуникационных технологий в современной публичной политике приводят к возникновению предпосылок появления сетевого политического управления: ускорения и упрощения механизмов производства и воспроизводства информации, привлечения негосударственных акторов к выработке и реализации политических решений, многовекторности политических интересов различных акторов и в то же время стремления их находить точки соприкосновения и вместе решать актуальные задачи. [10] Теоретико-игровой подход к сетевым исследованиям позволяет не только рассмотреть ситуацию с разных сторон, но так же выработать Парето-оптимальные стратегии, которые будут удовлетворять участников коммуникативного процесса и позволят государству и негосударственным акторам выйти на новый уровень взаимоотношений, с учетом всех имеющихся ресурсов, интересов и возможных выигрышей.

Список литературы

1. Григорьева К. В. Бескоалиционные игры в нормальной форме. Ч. 1. СПб., 2007.
2. Дегтерев Д. А. «Введение в теорию игр для политологов и международныхников». М.: «МГИМО-Университет», 2010.
3. Коковин С. Г. Лекции по теории игр и политологии. Ч. 1. Введение в теорию игр. 15 марта 2006 г.
4. Колокольцев В. Н., Малафеев О. «Математическое моделирование многоагентных систем конкуренции и кооперации. Теория игр для всех». Спб.: Лань, 2012.
5. Курочкин А. В. «Теория политических сетей: предпосылки становления и место в политической науке» // Вопросы теории и практики. 2011. №8–3. С. 117–120.
6. Нейман Дж., Моргенштерн О. «Теория игр и экономическое поведение». М.: Книга по Требованию, 2012.
7. Олейник А. Н. Институциональная экономика. Учебное методическое пособие. Тема 3. Теория игр и моделирование взаимодействий // Вопросы экономики. 1999. № 3. С. 138–151.
8. Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению /Л. В. Сморгунов // Полис. 2001. № 3.
9. Шерстобитов А. С. Коммуникативный подход к анализу политических сетей // Вестник СПбГУ. Серия № 6. 2010. С. 135–141.
10. Aumann R. J. Lectures on Game Theory. San Francisco: Westview Press, 1989.

11. Borzel T. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance // Journal of European Public Policy. 1998. Vol. 5. № 2.
12. Rhodes R. Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham. 1997.
13. Roger A. McCain Game Theory and Public Policy // Edward Elgar, 2010.

Коррупция в современной России: дисфункциональная система или феномен сетевой структуры общества?

Березуцкий Антон Андреевич

Аспирант
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии,
Санкт-Петербург
antonberezutskiy@gmail.com

Тема коррупции в российском публичном дискурсе одна из наиболее широко представленных и является предметом научных дискуссий, выступлений высшего руководства страны и бытовых разговоров. Представленные тезисы есть набросок к дальнейшему исследованию и содержат в себе попытку анализа специфики восприятия коррупции в массовом общественном сознании россиян и ряда принятых научных подходов к ее изучению, а также роли коррупции как замещающего неформального института структурирующего общественные взаимоотношения.

Международная организация Transparency International в своем индексе восприятия коррупции ставит Россию на 127 место (в 2013 г.) по соседству с Мали, Никарагуа, Пакистаном, Мадагаскаром, Гамбией и Азербайджаном [1]. Данная оценка подразумевает, что Россия сталкивается с угрозой коррупции на всех уровнях управления, от низовых местных этажей, до уровня федерального руководства. Согласно опросам проводимых международной аудиторской компанией PricewaterhouseCoopers 60 % российских компаний в своей деятельности регулярно сталкиваются с экономическими преступлениями, тогда как общемировой показатель равен 37 % [2]. Проблема коррупции входит в пятерку актуальных личных проблем россиян, уступая, однако, проблемам связанными с ЖКХ, инфляцией, уровнем жизни, здравоохранением и пенсионным обеспечением [3].

Формирование понятие коррупции в отечественном общественном и политическом дискурсе проходило в рамках двух типов — «мздоимства» и «лихоимства» [4]. Первый подразумевает дачу взятки ответственному лицу в целях выполнения им своих непосредственных служебных обязанностей. Делалось это с целью ускорения и оптимизации процесса, либо в качестве бла-

годарности. Второй тип более близкий по коннотации к современной «взятке» это уже непосредственное нарушение закона должностным лицом в целях извлечения личной выгоды [5]. В отличие от «лихоимства» первый тип не встречал жесткого общественного порицания, а скорее являлся способом ускорения и упрощения транзакций по линии государство-население. Оба типа ретранслировались на протяжении российской истории и отражены в общественных отношениях современной России. Согласно федеральному закону от 2008 года коррупция определена как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды» [6]. Данное определение носит государственно-центричный характер, что не в полной мере описывает исследуемый феномен, так как коррупция может присутствовать в сферах вне пределов непосредственных обязанностей уполномоченных лиц и служб, например в частном бизнесе, здравоохранении и иных общественных секторах. Коррупция также имеет место в сфере нематериальных взаиморасчетов на рынке символического капитала, например в системе высшего образования (исследования плагиата диссертаций высокопоставленных чиновников и политиков уже несколько последних лет находятся в сфере общественного внимания). Более широкие определения квалифицируют коррупцию как «использование служебного положения для получения неимущественных выгод (продвижение по службе и т.п.) или даже любых неправомерных преимуществ для себя или для другого лица», к которым, по мнению Э. Леонтьевой, можно отнести и такие явления как «непотизм, фаворитизм, блат, протекция, лоббизм» [7]. Все эти явления в той или иной форме и степени присутствуют в жизни любых обществ, однако, понятие «блат» является специфическим, применимым сугубо к российскому опыту. Блат как особенная разновидность неформальных взаимоотношений носит не монетарный характер («ты мне, я тебе») и не является одномоментной, зафиксированной во времени транзакцией. Ответная услуга за ранее оказанную может быть произведена по истечению некоего срока времени и затрагивать иные ресурсы. Таким образом, блат произрастает в протяженную во времени систему бартера, которая имеет аналоги в практике общественных отношений Китая и Польши, однако,

практически неизвестна в странах Запада [8]. Ее возникновение связано с необходимостью выстраивания горизонтальных связей в СССР в условиях жесткого дефицита и идеологического и партийного контроля, а в постсоветской России блат присутствует в таких сферах как продвижение по карьерной лестнице или система образования. По данным «Левада-Центра» в 2013 году 38 % опрошенных считало блат «в целом допустимым» явлением, а 12 % «вполне допустимым» [9]. Перечисленные выше типы общественных взаимоотношений теоретически могут быть отнесены к коррупционным, что усложняет их юридическую оценку и научный анализ.

Опросы показывают, что, по мнению российских граждан, причины коррупции заложены в самом устройстве нынешнего государства и общества, которое не способствует решению насущных проблем и задач (30 % опрошенных), несменяемости правящей элиты (18 %) и специфике «смутного времени», переходного этапа истории страны (18 %) [10]. Что характерно, более пятой части опрошенных видят в коррупции проявление черт национальной культуры, из чего в принципе можно вывести тезис о некоей заданности траектории общественного развития, особой «русской системы». Специальные исследования выявляют также ряд стереотипов и внутренних противоречий в общественном сознании относительно вопросов коррупции. В России одновременно высоки как сам уровень коррупции (в объективном и субъективном восприятии), так и уровень ее общественного порицания. Эти два пересекающихся множества означают, что люди участвующие в коррупционных транзакциях часто склонны не считать их таковыми, руководствуясь принципом «коррупция — это то, чем занимаюсь не я» [11]. Другая специфическая особенность это терпимость к некоторым «легким» видам коррупции [12]. Также необходимо учитывать то, что значительное число недовольно не столько наличием коррупции как таковой, сколько сложившимися механизмами и пропорциями перераспределения общественных и материальных благ [13]. Характерно, что по итогам опросов 2013 года наиболее коррумпированными группами предстают госслужащие, полицейские и сотрудники судов [14], то есть непосредственные агенты государственной власти, формально занятые реализацией институтов (перераспределение, регулирование и безопасность). В диалоге власть-общество каждая из сторон видит в противоположной инициатора коррупции. По оценкам

некоторых специалистов девять из десяти россиян считают, что коррупция произрастает «сверху» и бороться с ней не в интересах власти [15].

Существующие научные подходы предлагают две ситуации сосуществования формальных и неформальных институтов в рамках отдельно взятых систем. Коррупция может являть собой пример неформального института, который чаще всего возникает как субститут формальных институтов (в случае неэффективности последних), либо как вспомогательный ресурс (в случае эффективности работы формальных правил), в ситуации когда оба типа институтов «заточены» под некую общую и единую цель, скажем расширение предпринимательской активности населения. Если и когда цели и задачи в основании двух типов институтов расходятся, неформальные институты вступают в конфликт с формальными, в случае неэффективности последних [16]. В современной западной политической науке коррупция понимается как препятствие для построения эффективной транспарентной политической системы, основанной на механизмах демократии и относительно равного доступа к активному политическому участию [17], в экономической же системе являясь тормозом развития и источником издержек. Существует, однако, иная точка зрения на феномен коррупции в российском обществе. Для социолога Симона Кордонского, коррупция есть доказательство существования гражданского общества, его реакция на давление со стороны государства, сопротивление непродуманным реформам и попыткам загнать себя в рамки. Российская коррупция по Кордонскому есть «система действий членов гражданского общества, позволяющая им добиваться своих целей вопреки государственным нормам, правилам и законам и использующая чиновников – работников государственного аппарата для удовлетворения своих потребностей» [18]. Этот процесс симметричен, чиновники в обычной жизни являются такими же членами гражданского общества со своими личными интересами, для реализации которых они используют свое служебное положение. Как и многие другие общественные феномены, коррупция не возникает и репродуцируется *ipso facto*. В нетранспарентных политических системах коррупция может служить не только средством «для личного обогащения, но и для контроля над бюрократией и обеспечения лояльности значимых в политическом отношении групп» [19].

Список литературы

1. Russia Places 127th in World Transparency Rankings // The Moscow Times, 2013 // URL://<http://www.themoscowtimes.com/news/article/russia-places-127th-in-world-transparency-rankings/490786.html>
2. Ostroukh A. Russia leads in economic crime, PwC says. URL://<http://blogs.wsj.com/emergingeuropa/2014/02/20/russia-leads-in-economic-crime-pwc-says>
3. ВЦИОМ, Начало 2014 года: проблемный фон в России. URL://<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114712>
4. Мизерий А. И. История борьбы с коррупцией в России. М., 1998. С. 186.
5. Калягин Г. В. Взятки S-образного вида. URL://http://www.gazeta.ru/comments/2013/12/09_x_5795777.shtml
6. Федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года. URL://<http://www.rg.ru/2008/12/30/korrupcia-fz-dok.html>
7. Леонтьева Э. О. Восприятие коррупции в стереотипах массового сознания россиян. Полития № 1 (56). 2010. С. 46.
8. Ledeneva A. V. Practices of exchange and networking in Russia / Soziale Welt, 48, Jahrg., H. 2, 1997, p. 154.
9. «Левада-Центр» Россияне о бытовой коррупции. URL://<http://www.levada.ru/16-08-2013/rossiyane-o-bytovoii-korruptsii>
10. «Левада-Центр» Причины взяточничества. URL://<http://www.levada.ru/17-07-2013/prichiny-vzyatochnichestva>
11. Олимпиева И. Б., Паченков О. В. Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. СПб., Алетейя, 2007. С. 92.
12. Леонтьева Э. О. Восприятие коррупции в стереотипах массового сознания россиян. Полития № 1 (56). 2010. С. 48.
13. Хестанов Р. З. Государство без коррупции — это русское чудо // Эксперт, № 46 (828), 2012. URL://<http://expert.ru/expert/2012/46/gosudarstvo-bez-korruptsii--eto-russkoe-chudo/>
14. Перцев А. Взятки гладки // Газета.ru, 2013. URL://http://www.gazeta.ru/politics/2013/07/09_a_5417701.shtml
15. Гудков Л. Д. Люди воспринимают коррупционные скандалы, как признак полного разложения власти. Интервью. URL://<http://www.levada.ru/25-02-2013/lev-gudkov-lyudivospriimayut-korruptsionnye-skandaly-kak-priznak-polnogo-razlozheniya-v>

16. Helmke G., Levitsky S. Informal institutions and comparative politics: a research agenda / *Perspective on Politics*. Vol. 2. № 4. 2004. P. 728.

17. Нисневич Ю. А. Уровень коррупции как индикатор качества реализации политических и государственных порядков полиархической демократии // *Полития*. 2012. № 1. С. 192.

18. Кордонский С. Г. Государство, гражданское общество и коррупция. URL://<http://polit.ru/article/2006/04/23/kordonsky>

19. Лазарев Е. А. Коррупция и политическая стабильность: институциональная перспектива / *Полития*. № 1 (60). 2011. С. 67.

Открытое государственное управление и социальные сети: проблемы взаимодействия на современном этапе

Мартемьянова Златаслава Сергеевна

Студент
Южно-Российский институт управления
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Факультет управления
г. Ростов-на-Дону

В условиях активного развития социальных сетей особую актуальность приобретают вопросы взаимодействия органов власти и участников сетевого сообщества. «Открытое правительство», или открытое государственное управление — система принципов и механизмов организации деятельности органов власти, основанная на признании того, что информационные технологии и новые средства коммуникации в значительной мере усложнили социальные процессы и требуют внедрения современных технологий взаимодействия институтов государства и общества. [1]

Интенсивность информационных обменов в обществе требует от системы госуправления значительно большей открытости в целях повышения качества жизни, обеспечения устойчивого развития и конкурентоспособности страны. Представляется, что социальные, экономические и политические вызовы многообразны и возникают на самых различных уровнях. Социальные сети и входящие в них эксперты, активные граждане способны диагностировать их появление оперативнее и эффективнее, чем традиционная система госуправления; а также — находить и предлагать принципиально новые, оптимальные решения сложившихся проблем, прогнозировать итоги проведения тех или иных реформ. Государство может использовать эти возможности экспертного сетевого сообщества, расширяя формы участия, привлекая граждан к вопросам управления для обеспечения стабильности, а также повышения качества государственного управления.

Подотчетность, информационная прозрачность и понятность деятельности органов власти формирует доверие граждан к системе госуправления в целом, так как в современном обще-

стве информация становится важнейшим ресурсом. В том числе, ресурсом органов государственной власти. Практика показывает, что она может быть «обменяна» на повышение качества жизни и поддержку общества, на доверие инвесторов и экономический рост, на экспертные знания, на легитимность и эффективность системы управления

В условиях развития информационного общества формирование системы открытого государственного управления является приоритетным направлением в сфере государственного управления. Акторы сетевого пространства должны получать данные о деятельности органов государственной власти из доступных и достоверных источников. Построение системы открытого государственного управления основано, прежде всего, на политической воле правящей элиты. Так одной из приоритетных задач в рамках модернизация является реализация публичных функций органов государственной власти. [2]

В мае 2012 года Президент Российской Федерации В. В. Путин обозначил целевые показатели социально-экономического развития Российской Федерации. Их достижение зависит от качества государственного управления. Поэтому Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» предусмотрен целый ряд показателей, касающихся открытости системы управления; доступности и качества государственных услуг; развития кадрового потенциала государственной гражданской службы; вовлечения граждан в обсуждение, принятие и контроль исполнения государственных решений. [3]

Данные целевые показатели и меры по их обеспечению обозначают современный вектор совершенствования государственной системы в стране ради устойчивого социально-экономического развития.

В современных условиях развитие системы государственного управления и повышение его эффективности строится на основе широкомасштабного использования новейших информационных и коммуникационных технологий, предлагающих целый комплекс инструментов для повышения качества государственного управления, обеспечения прозрачности принимаемых решений и облегчения доступа населения и институтов гражданского общества к электронным базам данных министерств и правительственных ведомств. Неэффективность механизмов переда-

чи информации, подготовки и принятия решений — это один из главных вызовов для государственного управления современной России.

Ответом на этот вызов призвана стать национальная программа "Открытое правительство". Указом Президента РФ №150 от 08 февраля 2012 г. была сформирована рабочая группа по подготовке предложений по формированию в РФ системы "Открытое правительство". Постановлением Правительства РФ от 26 сентября 2012 г. был утверждён состав Правительственной комиссии по координации деятельности "Открытого правительства".[4]

Наряду с осуществлением собственных планов в области использования новейших ИКТ, формированием новой управленческой культуры перед нашей страной стоит вопрос о целесообразности участия в международной инициативе Партнёрство "Открытое правительство" (Open Government Partnership — OGP), авторами и пропагандистами которого выступают, в первую очередь, США и Великобритания. Тем более что международный опыт демонстрирует неоднозначность подходов отдельных стран к данной инициативе.

Инициатива создания новой международной организации «Партнёрство в области открытого правительства» зародилась в процессе "мозгового штурма" на конференции в Вашингтоне в январе 2011 г., в ходе которого группа из представителей восьми государств и ряда неправительственных организаций сформировала Оргкомитет во главе с США и Бразилией, который начал разрабатывать архитектуру данного проекта. В июле 2011 г. в Вашингтоне госсекретарь США Х. Клинтон официально представила международную инициативу Open Government Partnership. В начале сентября 2011 г. была опубликована Декларация об открытом государственном управлении (Open Government Declaration) включает в себя следующие задачи:

1. Улучшение работы государственных органов
2. Усиление подотчётности государственных органов
3. Повышение эффективности управления государственными ресурсами
4. Создание более безопасного общества
5. Улучшение корпоративной отчётности [5].

На сегодняшний день первая проблема на пути открытого правительства лежит на поверхности, а именно — плохая информированность общества о деятельности открытого прави-

тельства. Не все граждане информированы что такое «открытое правительство» и для чего оно существует, а главное как можно взаимодействовать. «Открытое правительство» выглядит больше как информационный портал, ведь исполнительная власть и до этого выкладывала свои действия в интернет. Необходимо, чтобы эта система имела ответный характер и в ответ получала не только возможные жалобы, но чтобы государство и граждане приходили к общему знаменателю в итоге своей интеграции. Основная задача — вовлечь участников социальных сетей в работу «Открытого правительства».

Во-вторых, неготовность власти работать открыто. Эту тему так же затрагивали на конференции Общероссийского народного фронта, где В. В. Путин, отвечая на вопросы журналистов, пояснил: "По поводу "открытого правительства": пока еще наши коллеги не привыкли работать так открыто, как об этом говорится. Будем считать, что это тоже проблема роста» [6].

Открытое правительство в России только набирает свои обороты. Для того, чтобы данное новшество законодательной власти прижилось и активно использовалось участниками социальных сетей, было эффективным, должно пройти адаптационное количество времени.

Выявленные проблемы, лишь доказательство того, что система имеет свои плюсы, а ее идея изначально носит концептуальный характер в развитии открытого общения власти с участниками социальных сетей.

Таким образом должны выполняться следующие условия для повышения эффективности взаимодействия государственной власти и сетевых сообществ:

- облегчение взаимодействия общества и власти через публикацию открытых данных;
- повышение качества и доступности государственных услуг;
- содействие развитию социальных сетей с учетом государственных инициатив через формирование электронных площадок для обсуждения;
- поиск и нахождение принципиально новых решений для возникающих социальных и экономических вопросов через вовлечение в выработку и принятие таких решений граждан, экспертов и институтов гражданского общества;
- продвижение технологий и инноваций, в первую очередь в социальной сфере и государственном управлении.

Список литературы

1. URL://<http://большоеправительство.рф/opengov>
2. Попова Е. А. «Открытое государственное управление и краудсорсинг как технологии модернизации»//Горизонты экономики. Научно-аналитический журнал № 6. 2013.
3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». URL://<http://www.consultant.ru>
4. Указ Президента РФ №150 от 08 февраля 2012 «О рабочей группе по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы «Открытое правительство». URL://<http://www.consultant.ru>
5. Open Government Partnership. URL://<http://www.opengovpartnership.org/countries>
6. «Конференция Общероссийского народного фронта» URL://<http://kremlin.ru/news/19787>

Особенности сетевого взаимодействия в процессе создания программ стратегического развития

Неверова Анастасия Владимировна

Аспирант
Санкт-Петербургский государственный
университет
г. Санкт-Петербург

По вопросу определения понятия «политическая сеть» между исследователями нет острых споров. В целом ясно, что это понятие может быть сформировано путем определения участников, составляющих сеть, и характер отношений между ними. Мы придерживаемся следующего определения: «Политическая сеть представляет собой набор относительно стабильных взаимоотношений по природе неиерархических и взаимозависимых, связывающих многообразие акторов, которые разделяют относительно политики общие интересы и которые обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей» [2].

Таким образом, наиболее важными составляющими сети являются акторы и взаимоотношения между ними. В широком смысле под сетью может пониматься и взаимодействие как между государством и обществом, так и между отдельными государственными институтами [1]. Примером такого взаимодействия может послужить процесс разработки и реализации программ стратегического развития.

Созданием документов стратегического развития занимаются не только государственные органы. Зачастую участие в их создании принимают и коммерческие структуры, и представители «третьего сектора». Они формируют так называемые «дорожные карты» (road maps), концепции и стратегии развития. Как правило, аналитические центры привлекаются и во время реализации тех или иных стратегических программ, а также после их окончания для оценивания результатов.

Так, например, фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад» в 2012-2013 годах разработал «Концепцию социально-экономического развития Ленинградской области

на период до 2025 года» [3]. Целью проекта стало определение приоритетных направлений развития Ленинградской области с учетом актуальной социально-экономической ситуации, разработка стратегических проектов, направленных на стимулирование социально-экономического развития и инвестиционной деятельности в регионе, а также механизмов реализации концепции в отдельных отраслях.

Примером, когда программный документ создаётся в результате взаимодействия трёх сторон (государство, аналитические организации, общество), является проект по созданию стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года [5]. Любой желающий может отправить через специальную форму на сайте свои пожелания к развитию данной стратегии. Как сказано на сайте проекта, возможными приоритетами социально-экономического развития Санкт-Петербурга могут быть:

- строительство жилья;
- развитие общественного транспорта;
- создание парковочного пространства;
- обеспечение местами в детских садах;
- повышение надежности систем теплоснабжения;
- обеспечение безопасности на дорогах [5].

Инструментом достижения поставленных целей и приоритетов станет вся система государственного планирования социально-экономического развития Санкт-Петербурга, в том числе государственные программы развития территорий и отраслей, программы социально-экономического развития на среднесрочные периоды, долгосрочные и ведомственные целевые программы.

Говоря о целевых программах, следует отметить, что их разработка и реализация также может быть рассмотрена в качестве политической сети, где в качестве акторов выступают отдельные государственные ведомства. Так, согласно ст. 13 федерального конституционного закона от 17.12.97 №2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», все обязанности по созданию и реализации федеральных целевых программ возложены на исполнительный орган государства — Правительство РФ [6]. Однако на практике основную работу, в которую входит разработка программы от идеи до способов ее претворения в жизнь, выполняют федеральные агентства и службы (т. е. ведомства). В эту деятельность входит разработка проектов нормативно-правовых актов,

связывающих должностные лица с кругом их обязанностей в участии в федеральных целевых программах (далее ФЦП); создание документов по вопросам программ и прочие организационные процедуры по реализации ФЦП.

В таком случае политическая сеть представляет собой цепь взаимодействий между ведомствами. Например, Министерство образования и науки РФ подготавливает пакет документов, определяющий последовательность мероприятий по организации и реализации определенной целевой программы. Равным образом Министерство регионального развития РФ совместно с Министерством строительства и ЖКХ (Росстроем) разрабатывают проект ФЦП «Жилище», целью которого является решение проблем в жилищной сфере [4]. Федеральное казначейство также разрабатывает ФЦП, целью которой является введение электронного документооборота с распорядителями и получателями средств федерального бюджета. Далее программа рассматривается в Министерстве финансов РФ и потом, наряду с другими бюджетными целевыми программами различных федеральных органов власти, участвует в конкурсном распределении бюджетных ассигнований.

Таким образом, сетевое взаимодействие в сфере создания документов стратегического развития строится следующим образом: в результате запроса общества государственный аппарат в лице глав регионов или государства формирует повестку стратегического развития, которая может заключаться в ключевых программных документах: стратегиях, концепциях и пр. Согласно этим документам формируются программы развития. К их числу относятся и целевые программы — как федеральные, так и региональные.

Преимущество такого метода экономической политики, как целевые программы, состоят, во-первых, в повышении прозрачности и усилении контроля за расходованием бюджетных средств, и как следствие — снижения коррупции в органах государственной власти (что наиболее актуально в политических реалиях современной России), во-вторых — в укреплении сетевого взаимодействия между органами государственной власти, т.к. решение единой задачи, чётко сформулированной и в ограниченные сроки, требует слаженной совместной работы и координации деятельности государственного аппарата, как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Преимущество данного метода со стороны населения страны состоит, во-первых, в получении обратной связи от государ-

ственной власти, т.к.в конечном счёте, программы реализуются для улучшения социально-экономических условий жизни граждан, во-вторых — в решении проблем, которое может быть осуществлено только с помощью государства [7]. Реализуемые таким образом программы становятся важным элементом сетевого взаимодействия между государством и обществом.

Список литературы

1. Викторова З. С. Сетевой подход как методология исследования процесса принятия государственных решений. Дисс. на соискание ... канд. пол. н. М., 2009.

2. Государственная политика и управление. Учебник. Ч. 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления. М.: РОССПЭН, 2006.

3. Концепция социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года. URL://<http://www.csr-nw.ru/development/89/90/411>

4. Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011–2015 годы».

5. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года. URL://<http://spbstrategy2030.ru>

6. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 №2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

7. Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. № 7. P. 102.

Стратегии управления социальным капиталом личности и ее положение в виртуальной социальной сети

Титов Сергей Михайлович

Студент
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет психологии
г. Санкт-Петербург

В рамках исследований Почебут Л. Г. и коллег были обнаружены и классифицированы стратегии управления социальным капиталом[1]:

- Разумный альтруизм;
- Взаимный обмен;
- Межличностный прагматизм;
- Ресурсый монополизм.

Они определили их как предситуативный механизм регуляции социального поведения. Все четыре стратегии имеют ценностную основу и могут быть разделены на просоциальные и эгоцентрические. Так же, они различаются направленностью на накопление или использование социального капитала. Отдельно стоит заметить, что нельзя описать поведение личности через одну стратегию, оно всегда характеризуется их совместным профилем[2].

Мы поставили перед собой задачу найти следы использования этих стратегий в среде виртуальных социальных сетей, таких как facebook.com, vkontakte.ru, twwiter.com.

Данные пользователей таких сетей позволяют нам представить их социальный капитал в виде графа где узлами являются контакты испытуемого, а ребра графа — связи между пользователями [3]. Предполагается, что структура такого графа у пользователя виртуальной социальной сети сильно связана с использованием стратегий управления социальным капиталом.

Работая с со стратегиями накопления социального капитала, мы выдвигаем ряд гипотез, которые описывают их характеристиками графа (количество пользователей, уровень кластеризации, уровень локальной промежуточности, направленность коммуникации пользователя).

В пилотном исследовании мы проводили исследование положения агента в социальной сети и сопоставляли эти результаты с данными экспертной и самостоятельной оценки стратегий управления социальным капиталом. Исследование проводилось на группе из 22 студентов принадлежащих одной социальной группе (студенческое научное общество), что позволило провести надежную и рандомизированную экспертную оценку стратегий.

Мы обнаружили значимую корреляция ($p < 0,05$) между количеством социальных групп и предпочтением к стратегии разумного альтруизма (коэффициент корреляции равен 0,507). Этот результат дает нам основание полагать, что в полном исследовании мы сможем подтвердить приведенные ниже гипотезы.

1) Стратегия разумного альтруизма будет характеризоваться большим количеством социальных контактов (количеством «друзей» Вконтакте) и большим количеством социальных групп, поскольку ценностной основой этой стратегии является ценность универсализма, принятия разнообразия[2]. В социальной сети разумного альтруиста многие контакты будут недавно приобретенными, возможно он сам часто будет выступать инициатором добавления этих новых контактов.

2) Стратегия ресурсного монополизма также будет характеризоваться большим количеством социальных контактов и большой плотностью связей между ними. У него, как и у разумного альтруиста будет большое количество новых контактов, инициатива добавления в друзья будет исходить из его окружения. Такое его положение связано с важностью для его окружения тех ресурсов, доступ к которым он может предоставить[2] (будь то другая социальная сеть, некие знания и т. д.).

3) Стратегия взаимного обмена будет характеризоваться средним количеством контактов с высокой плотностью, балансом инициативы в добавлении друзей, относительным постоянством в составе друзей. Это самая распространенная и нормативная стратегия, которая, как правило, занимает одно из первых мест в профиле стратегий каждого человека. [2]

4) Стратегия межличностного прагматизма будет характеризоваться средним количеством контактов с низкой плотностью, большим количеством удаленных «друзей», поскольку человек с такой стратегией может нарушать нормы взаимности и получать за это санкции. [2]

Список литературы

1. Pochebut L.G. Mararitsa L.V. Individual Strategies of Managing Social Capital: a New Look at the Psychology of Interpersonal Relationships *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 86 (2013) 557–562.

2. Почебут Л. Г., Свенцицкий А. Л., Марарица Л. В., Казанцева Т. В., Кузнецова И. В. Социальный капитал личности: Монография. М.: ИНФРА-М, 2014.

3. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004.

Социальный капитал в эпоху интернета: как меняется социальное взаимодействие?

Цанова Бачуки Зурабиевич

Студент, 3 курс
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

Социальный капитал можно определить вслед за П. Бурдьё как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами членством в группе [1]. Продолжая, можно сказать, что главным отличием социального капитала от других видов капитала является выработка специфического ресурса: знания о том, что другие акторы сетевой коммуникации разделяют одни и те же ценности, имеют общие интересы, готовы к сотрудничеству и полностью соблюдают правила игры [2, 127] — доверия.

Определенный уровень доверия может, например, снизить транзакционные издержки при заключении сделок на рынке между давно известными друг другу экономическими агентами. Так, А может не прибегать к услугам третьих лиц, чтобы проверить качество товара, который поставляет ему В потому, что на протяжении 5-6 лет В поставлял продукцию высокого качества, в то время как, А исполнял все свои платежные обязательства вовремя [см. 3]. В сфере политики социальный капитал играет также немаловажную роль на уровень ассоциации и диссоциации в обществе, что напрямую влияет на артикуляцию групповых интересов. Ключевая наша гипотеза: чем больше социального капитала, тем выше политическое участие.

Однако как глобальная сеть Интернет влияет на социальное взаимодействие и выработку доверия? В-первую очередь, интернет обеспечил сдвиг от пространственных границ как источника социального взаимодействия к пространственному сообществу как воплощению социальной организации [4, 152]. Теперь индивидуум может сам для себя выбрать сообщество, которое, так

или иначе, является наиболее близкой к его собственной идентичности. Следовательно, можно вслед за М. Кастельсом сказать о том, что на наших глазах формируется новая модель социального взаимодействия, в центре которой находится личность [4]. Интернет, таким образом, порождает социальную структуру сетевого индивидуализма, так как именно индивидуумы выбирают какую информацию потреблять и с кем общаться посредством сети. В этом смысле интернет способствует фрагментации по отдельным четко определенным интересам. В сфере политики это отражается появлением множества общественных движений, заявляющих о себе в интернете и посредством интернета, а сам интернет уже можно рассматривать как главный инструмент деятельности, информирования, вербовки, организации, доминирования и контрдоминирования [4, 164].

Подходя к вопросу о том, какое влияние оказывает сетевой индивидуализм на сохранение и воспроизводство социального капитала в обществе, сразу стоит отметить амбивалентный характер этого взаимоотношения. С одной стороны, интернет значительно расширяет пространство социальных интеракций, что позволяет находить большее количество акторов, разделяющих схожие ценности, и формировать большие сети доверия. Но, с другой стороны, подобные сети, смогут оказывать деструктивное воздействие на институты представительной демократии. Подобную идею высказал Б. Бимбер, выдвигая концепцию «ускоренного плюрализма», согласно которой интернет повысит уровень политического участия. При этом Бимбер делает два предположения: 1) интернет не сможет в корне изменить логику плюрализма; 2) интернет будет способствовать к разрушению барьеров для мобилизации и организации политических деятелей, активистов и остальных, а также повысит скорость политического потока [7].

Такой «плюрализм без правил», на мой взгляд, может являться источником кризиса легитимности демократических политических институтов, так как возникает противоречие между внутрисистемными институциональными возможностями обработки информации и реагированием на запросы общества, с одной стороны, и усложненном характере окружающей среды, социальная плотность которой возрастает в силу снятия пространственных ограничений, с другой.

Подобная ситуация может быть вслед за Э. Тоффлером названа как «мозаичная демократия» [5], в которой уже не консолидированные массы, а более партикулярные группы являются главным

атрибутом политики, но в отличие от масс, политическое участие которых носит временный и стихийный характер, группы перманентно продвигают свои интересы и оказывают давление на политические институты. В этом плане к интересному выводу подошел Американский политолог Ф. Закария, анализируя современную политическую систему США, приходит к неутешительному выводу: в ней теперь больше демократии, чем свободы [6]. Под этим тезисом он подразумевает становление более открытой для малых групп политической системы и переход реальной власти от традиционных институтов представительной демократии в руки группировок лоббистов, консультантов и специалистов по общественному мнению. Эта трансформация порождает новый вид политической элиты, которая ни перед кем не несет ответственности и подвержена меньшему контролю со стороны общества. И это уже не говоря о росте неинституционального, косвенного политического участия посредством общественных движений, которое направлено не на захват власти, а на изменения доминирующих в обществе культурных ценностей [9].

Таким образом, очевидным является то, что интернет создал широкую материальную основу для возникновения сетей доверия и производства социального капитала. Но, с другой стороны, институциональная структура представительной демократии может не справляться с возросшими социальными запросами, исходящих от разнообразных общественных движений и групп интересов, что порождает кризис легитимности и дисфункцию самой системы. Подводя итог, можно сказать, что каждая политическая система, в данном случае представительная демократия, имеет не только нижние лимиты политической активности, которая, в свою очередь, зависит от размеров социального капитала, как это отлично показал Р. Патнем на примере северных и южных областей Италии [7], но и верхние границы институциональных возможностей, что и объясняет кризис легитимности в интернет эпоху.

Список литературы

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. Т. 6. 2005. Май. № 3.
2. Сетевой анализ публичной политики. Учебник / Под ред. Сморгунова. М.: РГ-Пресс, 2013.
3. См. подробнее: Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность 2001. № 3.

4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе, обществе / М.: Кастельс; Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

5. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2004.

6. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.

7. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. Р. Патнем. М.: «Ad Marginem», 1996. Сер. «Библиотека МШПИ» (Вып. №3).

8. Bimber В. The Internet and Political Transformation: Populism, Community, and Accelerated Pluralism. Polity. Vol. 31. No. 1 (Autumn, 1998). P. 133–160.

9. См. подробнее Castells М. Communication Power. N.Y.: Oxford University Press Inc. 2009.

Социальные и общественные движения и сети

Стихийный и институциональный молодежный общественный контроль как тенденция современных интернет-сообществ

Жумабек Ынтымак Жумабекулы — курсант,
Грошева Любовь Игоревна — преподаватель

*Тюменское высшее военно-инженерное
командное училище (военный институт) им. маршала
инженерных войск А. И. Прошлякова,
Кафедра Гуманитарных и общенаучных дисциплин
г. Тюмень*

Общественный контроль в современном обществе играет значительную роль в отношении принятия локальных решений и осуществления контрольных функций по разнообразным социальным вопросам. В последнее время наряду с общепринятыми, традиционно сложившимися институтами появились новые тенденции возникновения временных локально ориентированных сообществ, имеющих глобальное распространение посредством интернет-технологий.

Феномен «правового бессилия», выражающийся в отсутствии непосредственных результатов деятельности является причиной достаточно низкого участия в общественном

контроле со стороны молодёжи. Средний уровень молодёжи, фактически осуществляющей участие в общественных организациях, в том числе, занимающихся контрольными функциями не превышает 10 %. [3] При этом данный показатель характерен для большинства населённых пунктов от Санкт-Петербурга до Хабаровска — вне зависимости от их населённости. По данным исследований, в регионах существует некоторый разрыв между декларируемым желанием участвовать в осуществлении общественного контроля (66 %) и низкой ориентации на безвозмездный характер деятельности (15,5 %) [3]. Однако, несмотря на имеющееся противоречие, общественный контроль посредством виртуальных сетей принял достаточно широкое распространение и отклик среди основной массы молодёжи.

Обращаясь к опыту зарубежных коллег, следует отметить, что привлекательность общественного контроля для молодёжи на Западе (как сетевого, так и в режиме непосредственного участия) состоит из четырёх фундаментальных компонент:

прозрачность государства — в отличие от отечественных порталов, где задача проявления активности лежит на населении, в данном случае прозрачность подразумевает усилия государства по донесению до конечного потребителя всей необходимой информации;

участие граждан — граждане приглашаются (а в отдельных случаях обязываются) к участию в принятии законодательных актов и решении бытовых проблем региона;

подотчётность — т. е. открытое размещение отчётов и статистики для всего населения без ограничений доступа к информации;

открытость — формирование площадок для обсуждений тех или иных вопросов, касающихся быта, досуга и иных проблем граждан. [1, с. 87]

Вслед за общемировыми тенденциями контроль общества за принятием решений на региональном уровне в России осуществляется в рамках двух базовых уровней.

Уровень непосредственного взаимодействия с гражданами — приём жалоб, голосование по вынесению конкретных решений, собрания по принятию региональных законопроектов.

Интернет-площадки — специализированные порталы по приёму обратной связи, которая реализуется посредством:

— индивидуальных сообщений;

- веб-конференций или веб-слушаний;
- форумов;
- интернет-голосований.

Ключевым фактором для развития общественного контроля стало развитие интернет-технологий, которые создали условия, позволяющие наиболее полно реализовать «право знать» для граждан. Именно на Интернет-уровне происходит поиск и формирование решений, направленных напрямую к тем, кто находится у власти в большинстве регионов страны.

Однако данный процесс выявил свою неоднозначность. Во-первых, прозрачность уменьшает впечатление компетентности власти, выставляя на обозрение всю нерациональность процесса принятия политических решений. Однако при этом отсутствии достаточной прозрачности воспринимается как недостаток честности, что тоже ведёт к уменьшению доверия со стороны молодежи. [2, с. 113]

Рассматривая систему виртуального общественного контроля в целом, возможно выделить следующие конструктивные и деструктивные группы, основанные на действующих на текущий момент примерах.

Неспециализированные организации общественного контроля (решают вопросы общего характера).

Русский общественный контроль.

Общественный Контроль — Информационная площадка Ассоциации независимых наблюдателей.

«Общественный контроль» Санкт-Петербургская общественная организация потребителей.

Специализированные организации общественного контроля (занимаются конкретной сферой жизни общества).

Бюро по защите прав инвесторов и предпринимателей «Опоры России»,

Открытые госзакупки.

«ЖКХ-Ямал.РФ».

Отделения (информационные блоки) общественного контроля в рамках официальных публицистических изданий.

Газета Коммерсантъ — раздел Общество (без выделения контроля как рубрики),

Российская газета — рубрика Общественный контроль (охватывает весь спектр бытовых и стратегических общегосударственных проблем).

Общественные объединения на базе социальных сетей.

Общественный контроль Ok-inform — новостное сообщество касательно вопросов общественного контроля,

Общественный контроль — Стоп-пьянь (коллективная борьба с алкоголизмом),

Общественный контроль — СтопХам (сообщества под общим названием распределены по городам).

Общественный контроль г. Кемь.

Деструктивные формы общественного контроля — направлены на унижение человеческого достоинства и используют попицание в целях личной наживы.

Ватаку.

«Курицы Тюмени».

Более длительная история развития общественного контроля за рубежом способствовала выработке ряда негласных правил общественного контроля в сети Интернет, которые необходимо перенести на российские официальные сообщества: контролируй — не будь равнодушен, находи недостатки, предлагай способы решения, участвуй в их реализации. [4] Неэффективное усвоение данных правил на отечественной почве приводит ко второй проблеме развития общественного контроля в сети интернет — появлению деструктивных контролирующих сообществ.

Особенности развития данных сообществ имеют идентичные правила функционирования.

Использование личной информации без разрешения её владельцев.

Осуществление контроля путём публичного унижения чести и достоинства граждан.

Отсутствие необходимости подтверждения информации объективными источниками.

Использование сообществ в корыстных целях со стороны администрации либо отдельных активистов сообществ (требование денежных средств взамен на удаление личной информации из контролирующего сообщества, которое не гарантировало полное удаление информации из базы данных).

Борьба с данным «общественным» контролем ведётся лишь по факту заявлений в соответствующие государственные органы (Группа «Курицы Тюмени» прекратила своё официальное существование после вмешательства прокуратуры), однако на месте устраняемых сообществ возникли новые, с идентичными принципами работы. Отсутствие единых правил, стандартов и спосо-

бов борьбы с аморальными стихийными объединениями в нашей стране на текущий момент отсутствуют.

Существование современного государства без общественного контроля невозможно, так как большая часть принимаемых политических решений должна опираться на мнение и участие граждан. Однако распространение виртуального контроля также даёт импульс развитию негативных форм общественного контроля, которые нуждаются в прямом или косвенном регулировании со стороны органов власти. Формирование адекватных мер работы с деструктивными и конструктивными общественными сетевыми организациями в современной России на сегодняшний день является основной задачей для совместной работы власти, общественных организаций и активных представителей общества.

Список литературы

1. Беляева Н. М. Эволюция взаимоотношений государства с молодежными политическими и общественными организациями в современной России // Изменения в политике и политика изменений. М.: ИНИОН, 2009. С. 87–91.

2. Копцева О. А. Детские общественные организации и социальное творчество учащихся / О. А. Копцева // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 113.

3. Лузгина Е. Н. Роль молодежных общественных объединений в формировании трудовой активности молодежи Портал публикаций «Дискуссия» URL://<http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=953>

4. Прозрачность и участие: Общественный контроль 2.0 в США и Европе. Фонд открытой новой демократии. URL://<http://fondfond.org/#analytics>

Глобализация и протестные движения: сети сетей в рамках антиглобалистского и альтерглобалистского движения

Кучерова Юлия Владимировна

Аспирант
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

Протестные движения как объект исследования — довольно сложный феномен, поэтому в социологической и политической науке существует столь много определений и трактовок этому понятию. Одни исследователи представляют движения в качестве разрозненных коллективных действий (Г. Блумер, Н. Смелзер), другие — в качестве сетей взаимодействия большого количества объединений (П. Бергер, М. Диани). Зарубежные учёные (П. Бергер, П. Штомпка) подчеркивают неинституционализированность движений. При этом «все без исключения, как социологи, так и политологи, обращают внимание на развитие и изменение в структуре, формах участия в общественной жизни, формах деятельности современных движений в условиях глобализации мирового сообщества» [3, 7].

В конце предыдущего — начале нового тысячелетия возникают новые массовые протестные движения. Они оказывают существенное влияние и на настоящее и на будущее. Не вызывает сомнения, что по масштабу и влиянию одними из главных протестных движений современности выступают антиглобалистское и альтерглобалистское движение. Всюду, на всех континентах формируются сети и появляются новые организации, в этом смысле существует мнение о том, что мы живём в эру социальных движений [1].

Новые мировые движения протеста затрагивают множество вопросов, связанных с политическими и даже теоретическими проблемами, с которыми они сталкиваются в процессе своего развития, в ходе коллективных действий, различных кампаний и столкновений с устоявшимися институтами, а также с проблемами, следующими из их собственной эволюции.

Глобализация, которую антиглобалисты и альтерглобалисты критикуют — это, в первую очередь, её различные неолиберальные вариации, то есть они выступают против политики неолиберализма. С этой точки зрения «международная система, основанная на нациях — государствах трансформируется в политическую систему, состоящую из параллельных многоуровневых структур власти с низкой функциональной дифференциацией и скудной демократической легитимностью. В политическую систему глобализация привнесла транснационализацию политических отношений» [4, 12].

На современном этапе «социальные движения в основном выступают как своего рода неформальные сети, основанные на общих убеждениях и солидарности, мобилизующих индивидов на решение проблем, вызывающих конфликты, посредством частого повторения различных форм протеста» [4, 18].

Ещё начиная со второй половины прошлого века изучение социальных движений выявило 3 специфических черты их организационной структуры:

сегментарность (различные группы возникают, мобилизуются, а затем приходят в упадок)

мультицентричность (наличие сложных узлов, связанных горизонтально и одновременно отсутствие лидерства как такового)

сетевой характер (группы и индивиды соединены многочисленными связями).

По сравнению с прошлыми движениями, так называемые «движения движений» характеризуются явно сетевыми чертами (ставя ударения на такие определения как «сеть сетей»), которые допускают в свой состав плеяду гетерогенных групп, поддерживающих различные организационные структуры.

Сеть — это организационная структура, которая облегчает возникновение транснациональных движений. В случае движения за глобальную справедливость, сетевая основа символизирует различные сектора, формирующие его часть, пусть даже и с иногда существенными различиями в организационной стратегии. Это очевидно, если рассмотреть, к примеру, итальянские организации, присоединившиеся к мобилизации протеста против G8 в Генуе в 2001 году.

Организации социальных движений могут быть представлены как единицы, взаимодействующие в рамках конкретного социального движения. Главной характеристикой движения против

неолиберальной глобализации является его способность создавать возможности для контактов между группами, ассоциациями, сетями, организациями и индивидами с весьма разной историей, формами деятельности, социальным и культурным происхождением. В этом смысле не только движение представляется как сеть сетей, но и в рамках движения между собой взаимодействуют весьма различные организации: от профсоюзов и партий, с их бюрократической, иерархической структурой, до НПО, становящихся все более профессиональными, и вплоть до низовых групп, социальных центров, а также местных ассоциаций, для которых характерна слабая структура, горизонтальный характер отношений между людьми и волонтерская деятельность.

Сетевая структура также олицетворяет разнообразные секторы, присоединившиеся к движению, где сотрудничество между различными организациями в равной степени является основополагающим. Таким образом, мы видим, прежде всего, интеграцию сетей по политической, идеологической, или просто тематической близости.

В сетях организации влияют друг на друга, стремясь повлиять на позиции родственных, союзных и третьих групп.

Список литературы

1. Агитон К. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. М.: Гилея, 2004.
2. Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.
3. Скобелина Н. А. Общественные движения в современном обществе: от теории к практике: монография / Н. А. Скобелина / ВолгГТУ. Волгоград, 2010.
4. Porta D. ... [et al.] Globalization from below: transnational activities and protest networks // Social movements, protest and contention; v. 26. 2005.

Краудсорсинг как инструмент взаимодействия власти и общества

Преженцова Алена Игоревна

Студентка
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург
E-mail: prezhentsova2011@yandex.ru

Развитие информационно-коммуникационных технологий, как необходимое условие постиндустриальной эпохи, способствует формированию совершенно новых форм взаимодействия людей в политике. На сегодняшний день, Интернет превосходит остальные коммуникации по скорости подачи информации, охвату людей и возможности получения быстрой обратной связи. Поэтому в современном дискурсе это представляется полем реализации многих инициатив, в том числе и в политической практике.

Интернет становится принципиально новой инфраструктурой для политической мобилизации, площадкой, где осуществляется политическая социализация пользователей, ведется политическая дискуссия, оформляется политическая повестка дня. С развитием информационно-коммуникационных и гуманитарных технологий различные политические акторы все активнее используют Интернет. Сеть стала не просто средой, удобной для коммуникации, но и позволила через агрегацию пользователей в различных социальных сервисах сформировать самостоятельное пространство публичного взаимодействия.[1]

В результате вовлечения людей в это пространство и взаимного сотрудничества власти и общества, процесс выработки и принятия политических решений становится оптимизированным. Государство в таких условиях должно использовать новые практики управления в сетевой сфере. Одной из актуальных и многообещающих технологий сегодня является краудсорсинг.

Термин «краудсорсинг» (англ. crowdsourcing, crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов») впервые введен Дж. Хау и М. Робинсоном в 2006 г. в статье, опубликованной в журнале Wired. Под ним понимается процесс передачи определённых производственных функций неопределённому кругу лиц на основании публичной оферты, не подразумевающей

заключение трудового договора; вовлечение людей происходит с помощью информационных технологий (чаще через компьютерные сети) с целью реализации творческого потенциала общества. В своей книге «Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса» Джефф Хау отмечает, что «главный принцип краудсорсинга гласит: у группы знаний больше, чем у отдельного человека, вся хитрость заключается в том, чтобы создать условия для реализации этих знаний» [2].

Данная технология может применяться в различных областях — экономика, маркетинг, производственные отношения, наука и образование, культура. Нас, прежде всего, интересуют управленческие практики. Термин «краудсорсинг» в практической политической деятельности используется относительно недавно, теоретических разработок этой концепции достаточно мало. Тем не менее, становится очевидным, что вовлечение людей таким способом в процесс принятия и выработки политических решений способствуют повышению уровня взаимодействия граждан и власти.

На практике работает это следующим образом, для диалога власти и гражданского общества создаются специальные краудсорсинговые площадки в сетевом пространстве, где происходит обмен интеллектуальными капиталами. В основе всего — коммуникативный процесс, в ходе которого предлагаются мнения, идеи и решения той или иной проблемы. В дальнейшем, происходит отбор лучших инициатив, а собранная и проанализированная информация помогает политическим институтам принять решение с учетом интересов граждан. Таким образом, всё больше людей в роли экспертов вовлекаются в политический процесс, что в свою очередь, способствует повышению уровня публичности и открытости деятельности органов государственной власти.

В мировой практике активно применяются технологии краудсорсинга, самые известные платформы — сетевая энциклопедия Википедия, в организационной деятельности — OpenStreetMap (картографический проект), в сфере бизнеса такие инновации применяют компании — Amazon, Procter&Gamble, Muji (японская мебельная компания), Threadless (производство одежды), InnoCentive (поиск решений для бизнеса). Свою состоятельность краудсорсинг доказал и в чрезвычайных ситуациях — на примере платформы Ушахиди (на языке суахили «свидетельство»), которая была создана в 2008 г. кенийскими журналистами для освещения событий.

Тенденция распространения этой технологии в России такова, что начиная с 2010 года, краудсорсинг затрагивал преимущественно благотворительную сферу, массовые гражданские инициативы связывались с интерактивной помощью со стихийными бедствиями (лесные пожары в европейской части РФ летом 2010, наводнения в Крымске и других населенных пунктах, когда были разработаны интерактивные карты помощи пострадавшим, в 2011 заработал аналогичный проект «Холода.инфо» — карта помощи в холода, виртуальная «Рында» — помощь волонтерам), были разработаны и апробированы интернет-приложения по борьбе с коммунальными проблемами в сфере ЖКХ в российских городах («Росяма», «Дом, двор, дороги» и др.). В последнее время это явление занимает и другие ниши: краудсорсинг ориентирован на правовой консалтинг (проект «Непофигизм»), законотворческие инициативы (GosDiscuss — Общероссийский Портал общественного обсуждения региональных и муниципальных законодательных инициатив, идей и проектов), составление рейтинга госуслуг в электронном виде, привлечение граждан к деятельности Открытого правительства.[3]. В России одной из последних важных инициатив стала концепция «Сбербанк-краудсорсинг», разработанный в 2012 г, как принципиально новый подход к отбору и оценке идей. В поле политики так же были попытки применения краудсорсинга, например, обсуждение федеральных законов «О полиции» и «Об образовании» на специальном сайте; карта «Клерикальная Россия» (проект фонда «Здравомыслие»), которая регулирует отношения между религиозными организациями и иными общественными учреждениями.

Что касается политической деятельности, то одной из самых интересных практик применения технологии краудсорсинга, является принятие Конституции Исландии в 2011 г. В этой инициативе принимали участия граждане посредством популярных социальных сетей: Facebook, Twitter, YouTube и др., где каждую неделю члены Конституционного совета (в количестве 25 человек) размещали новые положения Конституции, собирали и обрабатывали предложения граждан. Все заседания ассамблеи также транслировались в Интернете и были открыты для онлайн участия граждан. На референдуме осенью 2012 г. примерно две трети граждан Исландии высказались за принятие нового основного закона. Это свидетельствовало об успешности избранной интерактивной модели разработки конституционных положений

и открыло новую эру в применении ИКТ в политике и государственном управлении.[4]

На данном примере можно убедиться, что общественный краудсорсинг уникален и эффективен с точки зрения опыта электронного участия граждан в принятии важных решений. Преимуществами данной технологии являются — снижение уровня затрат и выгода (привлеченные эксперты работают бесплатно, «за идею», при этом их вклад может дать большой эффект); удобство и оперативность в работе; широкий доступ к человеческим ресурсам, интеллектуальному потенциалу; повышение уровня взаимодействия власти и общества. Для государства немаловажным является то, что с помощью краудсорсинга люди оказываются активными участниками политического процесса и играют активную роль в публичном поле.

Вовлечение населения в публичность обеспечивается различными механизмами участия в процессе разработки, принятия и реализации общественно значимых решений относительно общественного блага, общественных интересов и нужд. Деятельность органов государственной исполнительной власти современной России по преимуществу строится на рационально-бюрократическом подходе, мало ориентированном на реальные процессы, происходящие в усложняющемся объекте управления. Вместе с тем нельзя не замечать и ростков новых отношений общества и власти, появления новых методов, механизмов и технологий политико-государственного управления.[5]

Краудсорсинг можно считать инновационной управленческой технологией в политической практике. С помощью мобилизации людей таким методом решается ряд важных задач. Но стоит сказать и о недостатках данного подхода. Основная проблема внедрения технологии, которая касается российских реалий, это отсутствие доступа к сети Интернет в отдаленных регионах, низкий уровень «компьютерной грамотности» особенно среди взрослого населения. Это приводит к малой вовлеченности людей, недостатку информированности остальной группы населения. На стадии функционирования какой-либо краудсорсинговой площадки могут быть свои сложности, связанные с недостаточной мотивацией волонтеров, преобладанием бесполезных идей в «коллективном мышлении», что, в конечном счете, приведет к снижению качества продукта (или решения); проблемы сетевого общения (спам-рассылки, хакеры, излишняя свобода в высказываниях); риск снижения культуры межличностного общения.

Так или иначе, модернизация политических институтов в современной публичной сфере невозможна без эффективного взаимодействия властных и общественных структур. Показав свою эффективность в коммерческом и некоммерческом использовании, технология краудсорсинга может стать инструментом построения новых отношений между обществом и государством на базе горизонтальных, а не вертикальных связей, без жесткой иерархии. Краудсорсинг является перспективным направлением деятельности в публичной политике и инструментом гражданского участия. Такая возможность вовлечения общественности в процесс выработки и принятия политических решений позволит реформировать существующие институты, создать разнообразные механизмы решения задач и повысить культуру управления в целом.

Список литературы

1. Шерстобитов А. С. «Сетевая публичность» как новый фактор политической мобилизации в современной России: попытка сетевого анализа. Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2013. Вып. 3.
2. Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2012. С. 288.
3. Калинина А. В. Краудсорсинг как инструмент вовлечения гражданских инициатив в процессы демократизации власти в РФ, Академический вестник. 2012. № 4 (22). С. 17–24.
4. Курочкин А. В. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества. Грамота, 2013. № 9 (35). URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/21.html>
5. Кулакова Т. А. Вовлечение в публичность как инновация государственного управления в России. Грамота. 2011. № 8 (14). URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/35.html>
6. Бет Новек. Wiki-правительство. Как технологии могут сделать власть лучше, демократию — сильнее, а граждан — влиятельнее. М.: Альпина Паблишер, 2012.

Краудсорсинг: недостатки и пути их исправления

Циунчик Руслан Мамедович

Студент, 3 курс
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

В реалиях современного сетевого сообщества всё большей потребностью пользуются новые способы обмена информацией и идеями. Известно, что данное описание общества конца XX начала XXI века дали такие теоретики как, например, Мануэль Кастельс и Маршал Маклюэн. Оба автора сходятся в мысли, что в рамках сетевых структур появился необходимый импульс для развития ранее не изученного способа взаимодействия людей, при котором территориальные и политико-географические границы имеют небольшое значение.

Одним из способов такого взаимодействия является краудсорсинг, который широко применяется в сфере бизнеса и коммерции. Также, краудсорсинг нашёл своё место и политической сфере: много исследований посвящено практике краудсорсинга в Исландии и Финляндии в 2011 и 2012 году. Существует много примеров в других странах, в том числе и в России, где с помощью интернет-платформы обсуждаются федеральные законопроекты. Цель таких площадок ясна: создать необходимые условия для обмена мнениями и идеями в условиях развития современных институтов демократии.

Необходимо понимать, что мы не рассматриваем краудсорсинг как панацею для полноценного функционирования гражданского общества. К слову, задумка о свободном обмене идеями и свежим взглядом на волнующие вопросы, — каковым является краудсорсинг, — не должен выполнять функцию надсмотрщика за действиями правительственных структур. Также, создание подобного ресурса связано с рядом технических сложностей, в число которых входит: хакерские атаки и умышленное использование данных зарегистрированных пользователей в своих целях. Кроме того, как отмечает автор книги «Краудсорсинг для демократии: новая эра в принятии политических решений», сложность с реализацией идеи интернет-платформы может быть вызвана не-

достаточно проработанным способом распространения информации, т. к. полноценная работа данного сервиса предполагает не сиюминутное исполнение, а прямо зависит от длительной работы по привлечению пользователей [3].

Краудсорсинг — явление, которое поддаётся воздействию лоббизма, что необходимо учитывать, но это не всегда является отрицательной стороной. Поскольку подобный способ осуществления гражданской активности ещё недостаточно привычен, то по нашему мнению, не следует начинать реализовывать его вовлекая туда большинство населения. К примеру, если создать площадку для обсуждения вопросов связанных, скажем, со сферой образования, то это не потребует вмешательства большинства населения, а лишь свяжет людей вовлечённых в эту деятельность, что может помочь продвинуть инициативу до законодательской стадии. Или можно привлекать людей к обсуждению насущных вопросов связанных с муниципальным образованием, в котором они живут. В данном случае могут обсуждаться вопросы по благоустройству района, обмену информацией о деятельности местных депутатов и так далее. Так как «обсуждать перспективы широкого использования технологий краудсорсинга в политике в масштабах всей страны пока рано» [1], то такие небольшие краудсорсинговые площадки могут помочь вовлечь людей в новый для них способ гражданского участия, а также абсорбировать данную задумку и выявить некоторые ошибки для реализации на более масштабном уровне. И если ещё рано констатировать, что мир как «большая деревня» [2] может вовлечь абсолютное большинство людей, то в рамках узких интересов — это может работать. Таким образом, каждый житель может выполнять свой гражданский долг и участвовать в развитии своей страны.

Список литературы

1. Курочкин А. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 78–81.

2. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. 3. Aitamurto T. Crowdsourcing for Democracy: A New Era in Policy Making. Publication of the Committee for the Future, 2012.

Политический протест в эпоху постиндустриального общества

Шаповалов Роман Олегович

Студент, 2 курс бакалавриата
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

В XXI веке структура общества приобретает все более сложную структуру. Связано это прежде всего с тем, что повышается интеллектуальный уровень общества, развиваются современные медиа-технологии, из-за чего политика становится более прозрачной, а впоследствии более открытой. При таком раскладе принятие каких-либо политических решений не может происходить без взаимодействия с гражданским обществом. Поэтому сетевой подход, парадигма *governance* выходят на арену мейнстрима изучения политических процессов. Как отмечает Л. В. Сморгун, теория политических сетей реконструирует отношения между государственным управлением и современным обществом, создавая при этом основы для современного принятия решения без редукции сложности современного общества. [4] За последние несколько десятков лет серьезно расширилось сетевое пространство политики. Связано это с развитием технологической инфраструктуры, прежде всего, Интернета. Сегодня мы можем замечать такую тенденцию, что гражданское общество и протестное движение стало развиваться не только в реальном, но и в виртуальном мире, то есть в новых медиа. Такой феномен в мировой и российской политике оказался предельно новым, поэтому требует глубокого размышления. Основными вопросами здесь выступают, способна ли технологическая инфраструктура переопределить человеческие намерения и цели и какие ресурсы предоставляют новые медиа, которые позволяют канализировать то, что мы называем «протестной кампанией»?

Феномен медиатизации политики стал появляться примерно в середине нулевых, когда Интернет стал доступен для многих граждан развитых государств. В начале десятых годов медиа с их разветвленным полем социальных сетей и файлообменных сервисов претендует стать гегемоном протестных движений, командовать синхронными действиями по захвату городских

пространств и обеспечивать сетевым активистам относительную безопасность. Джудит Батлер утверждает, что сегодня коллективная телесность протестующих практически срастается с поднимающей ее на бунт и объединяющей в протестном порыве медиальной средой. Медиа не только оказывают практическое воздействие при организации уличных шествий и митингов, они также изобретают (и легитимируют) новую парадигму утопического мышления, а именно сетевую утопию всеобщей солидарности. [7]

Виноградова приводит в своей статье следующую классификацию новых медиа, применяемых в работе современными стратегическими коммуникаторами [2]:

Электронный СМИ

Современные электронные СМИ имеют огромное преимущество перед классическими традиционными СМИ. Прежде всего, это низкая стоимость информационного продукта; преодоление пространственных границ, так как предполагает, что контентом могут пользоваться любые люди, которые имеют выход в Интернет; свобода в объеме информации, где нет ограничения в виде газетной полосы или эфирного времени; мультимедийность, что предполагает использование различных видов передачи информации, включая видео, аудио, текст, графика и др. В статье «Режимы образа» Негар Азими пишет, что что именно изобилие медиа-образов принесло заметный успех революции на площади Тахрир, способствовало победе оппозиции и свержению Мубарака. Один из таких образов — всколыхнувшая всю страну картинка, запечатлевшая плачущего интернет-активиста Ваэль Гонима во время его интервью на интернет-канале DreamTV [8].

Блоги

В среде блоггеров существует высокая конкурентность, из-за чего неудачные блоги пропадают быстрее, чем плохие СМИ. Преимущество также заключается в том, что на создание блога необходимо минимальное количество времени и денежных затрат. В то же самое время они более оперативные и всегда могут оставить ссылки для более упрощенного поиска информации. Говоря об особенностях российской блогосферы, И. Костерина пишет, что она будучи задуманная как как инструмент для расширения

личного пространства превращается в подобие открытых гражданских СМИ (примером могут послужить такие блоги, которые повлияли на политические протесты в 2011 — 2012 гг., как блог Алексея Навального (старый адрес — <http://navalny.livejournal.com/>, новый адрес — <http://zzlyto.fuckrkn.me/>), блог Эдуарда Лимонова (<http://limonov-eduard.livejournal.com>), блог Бориса Акунина (литературный псевдоним Григория Чхартишвили) [3].

Мобильная сеть. Социальные сети

Самое основное преимущество социальных сетей является то, что они обладают международным фактором — общедоступностью, благодаря чему здесь легко организуются сетевые организации во времена политических кризисов, и это подтверждает опыт различных государств. Так, в Иране в 2009 году многие люди после объявления результатов выборов многие граждане вышли на улицу, высказывая недовольство и упреки в адрес Махмуда Ахмадинежада, который, по их мнению, стал субъектом фальсификации итогов голосования.[5] Этих граждан сплотил между собой Twitter, а именно хеш-тег #IranElection, на котором с секундным промежутком выкладывались новости о демонстрациях на улицах Тегерана. В Египте протесты начались также с объединения в сети. Известно, что группы «Движение 6 апреля» и «Мы все — Халед Саид», чьи члены придерживались либеральных взглядов и которые впоследствии стали одной из главных действующих групп на площади Тахрир, были объединением в социальной сети Facebook.

В России активистское движение в Интернете активизировалось на рубеже 2011– 2012 гг. во время выборов депутатов в Государственную Думу и Президента, которые проходили в промежутке трех месяцев между собой. Под протестом объединилось огромное количество людей, различных как по своему социальному статусу, так и идеологической направленности. Основная платформа протеста формировалась в группах и сообществах «ВКонтакте» и Facebook (например, «Россия за честные выборы» (http://vk.com/chestnye_vybory), «Миллионы граждан за честные выборы» (<http://www.facebook.com/za.chestnie.vibori>)). Там было создано пространство, с помощью которого координировалась деятельность активистов и участников протестной акции. Аналогичные группы, но уже с меньшим числом пользователей, создавались для взаимодействия протестующих и на региональ-

ном уровне. В ходе такого сетевого взаимодействия за никами и аватарами было высказано много соображений о характере власти, об исторических путях развития России; предложений решения политических проблем, а после народного обсуждения это отражалось в плакатах на митингах.

Такое влияние новых медиа хорошо рассматривается в теоретической литературе. В данном ключе стоит поговорить о таком направлении в исследованиях науки и техники, как технологический детерминизм. Обычно его связывают с двумя моментами:

Представление о том, что развитие технологий происходит вне общества;

Технологические изменения определяют социальные изменения.

Некоторые исследования шли дальше этой тематики. Так, например, Т. Хьюз писал, что не только технологические изменения воздействуют на социальный мир, но и так же технология может изменяться под влиянием последней. Для объяснения данного феномена он предлагал использовать термин «технологическая движущая сила», которая по мере своего роста накапливает сложные социотехнические системы (то есть такие системы, которые состоят как из технических, так и из социальных, экономических и политических элементов). На первых стадиях развития технические элементы таких систем находятся в сильной зависимости от социальных обстоятельств, в которые они помещены. Но как только технология становится развитой технология начинает оказывать влияние на окружающую среду. Хьюз приводит в пример систему электрификации: сначала она находится под воздействием экономических и политических институтов, но впоследствии заставляет эти институты играть по своим правилам.[6] Развиваясь, молодая технология новых медиа была открыта для трансформации в соответствии с запросами пользователями и условиями среды. Впрочем, технические изменения в самом устройстве новых медиа как отклик на актуально требование времени могут происходить и на более поздних этапах ее становления (см. решение Дурова изменить алгоритмы для обмена сообщениями в группах после того, как число таких сообщений превысило допустимый лимит после ареста Алексея Навального).

Таким образом, новые медиа сегодня начинают играть главенствующую роль в формировании сетевых обществ и протестного движения. Многие люди, которые выходят на митинги и протестами, начинают говорить на языке серверов Twitter,

Facebook, «ВКонтакте». Если в постмодернистскую эпоху медиа упразднили и подменяли собой реальность, создавая «симулякр третьего порядка» [1], то современный взгляд на медиа предполагает противоположную оценку: именно медиа способны сегодня вернуть человеку недостающий опыт настоящего.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

2. Виноградова Е. А. К вопросу о работе с «новыми медиа» в стратегической коммуникации // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 41.

3. Костерина И. Публичность частных дневников: об идентичности в блогах Рунета // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59).

4. Сморгун Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3.

5. Штайншаден Я. Социальная сеть. Феномен Facebook. СПб., 2011. С. 110.

6. Hughes T. P. Technological Momentum. In: M.R. Smith & L. Marx (eds). Does Technology Drive History? The Dilemma of Technological Determinism. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

7. Judith Butler. Bodies in Alliance and the Politics of the Street // Transversal. 2011. № 10. URL://<http://eipcp.net/transversal/1011/butler/en>.

8. Negar Azimi. Regimes of the Image // ArtForum. 2011. № 12. URL://<http://artforum.com/inprint/issue=2011108&id=29570>.

раздел шестой

Сети в международных отношениях и политическом процессе

Особенности политических сетей в Великобритании

Акимочкина Мария Сергеевна

Студент (бакалавр)
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

Исследование политических сетей относится к рассмотрению различных направлений публичной политики и касается в первую очередь взаимодействий государственных институтов и институтов гражданского общества, которые участвуют в принятии политических решений и обмениваются при этом ресурсами. [1] Теорию политических сетей можно использовать для анализа политических элит и сетей в различных государствах, для изучения формирования направлений государственной политики. [2]

Система управления в Великобритании, как известно, имеет ряд отличий от систем других стран. Одним из главных факторов, оказывающим влияние на государственную политику и управление в Великобритании, является отсутствие de-facto разделения властей (в классическом понимании). Главным актором политического процесса – это премьер-министр, который является пред-

ставителем исполнительной власти, но при этом он также лидер политической партии, имеющей большинство мест в парламенте, т. е. премьер является частью и законодательной ветви власти. Аналогичная ситуация складывается и с членами правительства (министрами), которых премьер выбирает из представителей своей партии — это является причиной тесной связи премьера и всех правительственных подразделений. [3]

В политические сети, которые основывались на централизованной системе организации различных ведомств, со временем включились (примерно с 1980-х гг.) и другие акторы, в большинстве своем из сферы бизнеса и различные НКО. Однако в целом британская правительственная система представляет собой так называемые тесные политические коммуны, которые исключают многие группы интересов из процесса принятия политических решений и выработки политики. Это дает правительству множество преимуществ. В целом, такая система создает высокий уровень государственной автономии, давая возможность государству вмешиваться во все сферы публичной политики. Поскольку государство решает, каким должно быть направление той или иной политики, оно может проще достигнуть своих целей во взаимодействии с институтами гражданского общества. [4] Следует отметить, что централизованная система управления ведет к появлению ряда проблем, которые являются очевидным следствием отсутствия доступа многих групп интересов к процессу принятия политических решений. Этот факт стал причиной появления тенденции к ослаблению роли британского правительства в качестве центра сети. Несмотря на то, что правительство имеет возможность устанавливать параметры сетевых взаимодействий и финансирует отдельные ведомства, увеличивается его зависимость от многовариативных сетей, которые имеют несколько центров.

Политические сети более эффективно налаживают взаимодействие государства и групп интересов, поскольку они создают доверие между участниками сетей, которого нет в системах рынка или иерархии. Однако для достижения этого доверия необходимо обеспечить определенные условия в процессе формирования сети.

В качестве наиболее возможного принципа государственного управления в такой ситуации следует рассматривать концепцию “governance”. Суть данной концепции состоит в том, что система управления утрачивает высокий уровень централизации, жесткости и регламентированности, ориентация происходит на

горизонтальные, нежели на вертикальные связи между акторами политики. Это ведет к более тесному сотрудничеству и взаимодействию участников политической сети, которые посредством переговоров будут достигать взаимоприемлемый результат, эффективно удовлетворяющий общественные потребности и интересы. [5] Государство в таком случае может рассматриваться как множество межорганизационных сетей, у которых нет того главного актора, который может ими управлять. Тогда государство призвано заниматься поиском новых форм взаимодействия между этими сетями.

Таким образом, можно предположить, что изменение принципа управления в Великобритании в сторону сотрудничества администрации наравне с группами интересов для выработки единого проекта приведет к более эффективному достижению общественно значимых целей.

Список литературы

1. Сморгунов Л. В. Государственная политика и управление. Учебник. В 2-х ч. М.: РОССПЭН, 2006–2007.
2. Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2012.
3. Комаровский В. С., Сморгунов Л. В. Политико-административное управление: Учебник. М.: Изд-во РАГС, 2004.
4. Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2012.
5. Сморгунов Л. В. Государственная политика и управление. Учебник. В 2-х ч. М.: РОССПЭН, 2006–2007.

Сетевое управление как способ регулирования международной политики

Волкова Алина Михайловна

Студентка
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

На сегодняшний день учеными-международниками выделено огромное количество тенденций, прослеживающихся в международных отношениях. Особое внимание в своем исследовании я хочу уделить взаимозависимости стран в мировом развитии.

Реальную картину сегодняшнего мира представляет диалектика между складывающейся многополярностью и взаимозависимостью образующихся центров мировой системы [1]. Существующая многополярность характеризуется специфическим ранжированием полюсов. Одним из самых влиятельных на существующее мироустройство полюсов являются Соединенные Штаты, которые занимают лидирующую позицию на протяжении нескольких десятилетий. Но наше мироустройство — глобальная система, в которой все страны взаимозависимы, выживание в экономической, политической и научно-культурной изоляции невозможно. Интеграционные процессы усиливаются, образуя новые центры мировой экономики и политики.

Полюса зависимы не только с точки зрения взаимосвязи экономик стран (такое явление, как развитие транснациональных компаний оказывает серьезное воздействие на регуляцию торговых, финансовых и инвестиционных потоков в мире), но и благодаря политической обусловленности. Выступление с той или иной политической инициативой позволяет оказывать важное влияние на мир. Например, создание в годы холодной войны движения неприсоединения сделало их инициаторов политически влиятельными [2].

Для того, чтобы стать одним из полюсов многополярного мира, необходимо обладать ресурсами. Ресурсы являются особенно значимыми для реализации политического влияния. К ресурсам государства относятся не только природные, энергетиче-

ские ресурсы или военная мощь, но и социально-политические, и гуманитарные ресурсы. Расширение обзора до последних видов ресурсов произошло не так давно. После научно-технической революции доступ к ресурсам социально-политической и гуманитарной области был значительно упрощен, информационные и коммуникационные технологии открыли новые возможности к дешевому и быстрому способу получения и распространения информации [2]. Таким образом, все центры, вне зависимости от количественной составляющей ресурсов, которыми они обладают, обмениваясь продуктами своей деятельности, становятся связанными друг с другом и взаимозависимыми.

За последние годы изменилась природа государственного управления, а также цели, достижение которых относится к ведению международного права. Традиционно считалось, что международное право стремится к решению межгосударственных, а не внутривнутриполитических проблем. Например, загрязнение окружающей среды, терроризм, торговля оружием — всё это глобальные проблемы, для решения которых необходима консолидация сил всех стран и их ресурсов. Но корни всех этих проблем являются всё же внутригосударственными, поэтому международной правовой системе тяжело с ними справиться без реальных рычагов воздействия на внутригосударственную политику, возможности подключения национальных институтов власти. На сегодняшний день с некоторым преувеличением можно сказать, что в условиях сильной зависимости стран друг от друга, эффективность международного права зависит от того, насколько оно сможет взаимодействовать с внутригосударственными политическими структурами [3]. Причем, если государство в состоянии самостоятельно противодействовать угрозе, то на международное право ложится лишь координирующая роль. Но если национальные правительства не в состоянии справиться с поставленными задачами и проблемами, решение которых может повлиять на существующее мироустройство, международное право может взять на себя обязанности в предоставлении дополнительных необходимых возможностей нуждающемуся государству [4].

Большое значение для упрочения институтов национальных правительств имеет формализация и внедрение «сетевого управления» [3]. При взаимодействии национальных институтов образуются так называемые транснациональные сети, которые могут решать проблемы глобального характера. Благодаря процессам глобализации в мире складываются все более плотные управлен-

ческие сети. Плюсы этих сетей очевидны: складываются доверительные отношения между участниками, непрерывный обмен информацией, в том числе передача международной практики ведения дел в качестве возможных прецедентов для решения дел внутри государства и многие другие.

Велика роль управленческих сетей в закладывании управленческих основ в национальные институты тех стран, где не хватает ни материальных, ни людских ресурсов, путем предоставления информации, рекомендованных политических решений или моральной поддержки.

Потенциал сетевого управления в рамках существующего мироустройства чрезвычайно высок наряду с существующим размыванием границ между внутригосударственными и международными правовыми нормами и институтами, а также с всё более нарастающей потребностью вовлечения всех мировых полюсов в противодействие опасностям, подстерегающим мировое сообщество. Для того, чтобы транснациональные сети приобретали всё более устойчивый фундамент, необходимо развивать трансгосударственные взаимодействия и отношения.

Список литературы

1. Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость // М.: ИИК «Российская газета». 2009. С.11–12.

2. Лебедева М. М. Ресурсы влияния в мировой политике // ПОЛИС, Политические исследования. № 1. М., 2014. С. 99–108. URL://<http://eastview.pl.spb.ru/search/simple/doc?art=0&id=39010081>

3. Слотер А.-М., Берк-Уайт В. Внутригосударственное будущее международного права // Отечественные записки № 6 (45). 2008. URL://http://www.strana-oz.ru/2008/6/vnutrigosudarstvennoe-budushchee-mezhdunarodnogo-prava#_ftn30

4. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: Хранитель, 2006. С. 64–67.

Эффективность сетевого подхода для управления этнической федерацией

Единова Мария Сергеевна

Студентка
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

Современное информационное общество (или общество знаний) требует поиска новых более результативных методов решения проблем и конфликтов. Соответственно в политическом процессе появляются новые подходы к управлению, акцентирующие внимание на активном и осознанном взаимодействии различных акторов, формирующих политические решения и участвующих в их выполнении. Политические сети, имея ряд преимуществ, на сегодняшний день являются одной из наиболее эффективных моделей управления. Следовательно, попытка применения этого подхода к таким сложным, нестабильным, обладающим большим конфликтным потенциалом системам как этнофедерации представляет широкий интерес.

В современном мире вопросы этнической напряженности все чаще всплывают в повестках дня в органах государственной власти разных стран. Большое число политиков и исследователей утверждают, что один из наиболее важных и эффективных способов разрешения этнических конфликтов в мультинациональных государствах — это федерализм. Современные федеративные государства могут быть распределены в три группы согласно их роли в решении этнических вопросов: мононациональная федерация, этнофедерация, мультинациональная федерация [1]. Этнические федерации — это такой тип государственного устройства, где один, несколько или все субъекты образованы по национально-территориальному признаку. Иными словами, «государство является этнофедеративным в той степени, в какой его административные границы совпадают с границами проживания этнической группы» [2]. Типичный пример — это Швейцария; РФ и Индия движутся в данном направлении [3]. Те государства, где представлены одновременно характеристики нескольких категорий, называются смешанными: Бельгия, Канада, Сербия-Монтенегро, этнофедерации Африки и Азии. Стоит отметить, что

институционализация этничности может вести как к стабилизации, так и к дестабилизации общества. Соответственно, противоречивая практика таких федераций привела к диаметрально противоположным оценкам эффективности этнофедераций для разрешения этнических конфликтов. С одной стороны, этнофедерализм гарантирует меньшинствам долю государственной власти, они получают больше шансов сохранить свою культуру; эффективный этнофедерализм ведет к большей демократизации общества, обеспечивает легитимность. В разговоре относительно этнофедераций тревожит, что «сплав» этнического начала с территориальным чаще всего ведет к постоянному воспроизводству кризисов между «этническими» субъектами и федеральным центром, а также между представителями «титального этноса» и «национальными меньшинствами» (Бельгия, Индия, Канада, Россия 1990-х гг.). Этнофедеративная система может вести к фрагментации государства; еще один недостаток — элита позволяет себе «шантажировать» центр таким инструментом, как постулат «о сохранении культурного многообразия». В ходе анализа демократических этнофедераций: Бельгия, Швейцария, Канада, было выяснено, что этнофедеративный тип государственного устройства сам по себе не всегда может снять этническую напряженность в обществе. Из вышесказанного, очевидно, что перед исследователями этнофедераций встает проблема поиска новых подходов для управления такой сложной и далеко не всегда стабильной системой.

Сетевой подход может стать эффективным способом взаимодействия субъектов, построенных по этническому признаку, друг с другом и с федеральным центром. Принципы сетевого подхода можно соотнести с принципами этнофедеративной системы. Политические сети отказываются от вертикального распределения полномочий, строгого иерархического контроля. Так и этнофедеративное государство (демократическое) полицентрично по своей сути, субъекты являются равными акторами политического процесса, несмотря на то, какими ресурсами они обладают, т. е. от пирамидальной системы такое государство трансформируется в горизонтальную систему. Программы и стратегии, направленные федеральным центром субъектам должны быть доработаны под специфику данного региона, учитывать взаимодействия этого субъекта с другими. «Разработка программ и стратегическое планирование подразумевают творчество. Таким образом, жесткие иерархические коммуникационные связи в от-

личие от сетевых структур взаимодействия не стимулируют, а порой и исключают творческий подход» [4]. Для эффективного управления этнической федерацией важно учитывать неформальные связи и отношения. Это необходимо, поскольку в таком сложном и нестабильном в этническом плане государстве существуют многочисленные, разнообразные и взаимосвязанные акторы, влияющие на решения политических проблем. Так, например, Бельгия, уникально построенная на двух уровнях организации: языковых сообществах (внетерриториального способа организации) и областях (территориального способа организации), стала биполярным федеральным государством, в котором Фламандское сообщество и Валлонская область играют первые роли, Брюссельская область и Немецкоязычное сообщество являются младшими составляющими [5], а федеральный центр является арбитром. Соответственно такая сложная система не может работать эффективно, если полномочия распределять вертикально, иерархично и не учитывать неформальные отношения. Одним из недостатков функционирования федерализма в Канаде исследователи считают его «закрытый» тип. Решения относительно провинций и центра принимаются на конференциях премьер-министров, по причине чего канадский тип федерализма называется «исполнительным». «В качестве важного принципа сетеобразования в политике выступает самоорганизация, предполагающая учет синергетических постулатов» [6]. Федерализм в демократическом обществе способствует становлению самоорганизующейся сложной системы.

Самая большая опасность этнофедерации состоит в том, что местные сообщества отождествляют себя, прежде всего с собственным национально-государственным образованием, а не с государственной общностью в целом, что может привести к сепаратизму. Таким образом, главной задачей является преодоление противопоставления индивидом своей групповой этнической идентичности и национальной. Р. Брубейкер писал, что «этнические сети могут воспроизводиться и без высокой степени групповости главным образом благодаря самой логике сетей общения и структур возможностей и вытекающей отсюда умеренно высокой степени этнической эндогамии» [7]. Соответственно сетевой подход может стать эффективным рычагом управления сложной этнической федерацией поскольку, работая в системе согласованности и доверия, не ставит вопрос о том какая идентичность, какой этнос является первичным и титульным.

Список литературы

1. Dr. Jozef Juhasz Ethno-Federalism: Challenges and Opportunities. MP. Vol. LVII. Br. 3. August 2005. P. 245–257.

2. Deiwiks C. The Curse of Ethnofederalism? Ethnic Group Regions, Subnational Boundaries and Secessionist Conict // ETH Zurich. February 8. 2010.

3. Dr. Jozef Juhasz Ethno-Federalism: Challenges and Opportunities. MP. Vol. LVII. Br. 3. August 2005. P. 247.

4. Шерстобитов А. С. Коммуникационные механизмы взаимодействия федерального центра и регионов и эффективность административной реформы // Современный федерализм: Российские проблемы в сравнительной перспективе. Труды Всероссийской научно-практической конференции СПб 21–22 ноября 2008 / Под ред. Солонина Ю. Н., Сморгунова Л. В. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2008

5. Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющемся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М.: Весь Мир, 2009. С. 273.

6. Сморгунов Л. В. Сетевой анализ публичной политики: учебник / Москва: РГ-Пресс, 2013. С. 52.

7. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Средства массовой информации эпохи глобализации в политическом процессе (на примере украинского кризиса)

Лучук Е. В. — к. ф. н., доцент

Кафедра Рекламы
и Связей с общественностью
Факультет Массовых Коммуникаций
СПб ГУ КиТ
г. Санкт-Петербург

Глобализация, как известно, представляет собой непрерывный процесс воздействия различных факторов международного значения на социальную действительность отдельных стран. В результате, мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов — в целом. Средства массовой информации в данном процессе являются как фактором, влияющим на него, так и основным каналом, по которому передаются информационные потоки, формирующие систему взаимосвязанности всего мира.

Новые условия ставят иные, чем прежде, задачи перед СМИ, диктуя им другие «правила игры», поэтому осознание журналистским сообществом стремительных трансформаций СМИ в системе глобального мира приобретают особую актуальность в начале второго десятилетия XXI века. Это одна из основных адаптем, требующих детального и в то же время оперативного осмысления, потому что это позволит выстроить алгоритм развития отдельных СМИ и не утонуть каждому отдельному «кораблику» в море коммуникаций. Адаптема — ключевой фактор неизбежных изменений, осознание которого позволяет привыкнуть к будущему и управлять настоящим. [3] Именно такая адаптация и нужна современным СМИ, когда идут апокалипсические споры о близкой кончине традиционной журналистики, задачей которой являлось внедрение в сознание непреходящих нравственных ценностей и основополагающие принципы которой якобы должны полностью вытеснить новые задачи, диктуемые «обитателями» социальных сетей. Поэтому очень важно понять особенности современного развития медиасферы, вписаться в них, обходя «риффы», и попытаться найти верный курс.

Рождение глобального мира неизбежно привело и к появлению глобальных СМИ, в том числе и печатных. Их мало, но зато

они играют важную роль в медиасообществе. Wall Street Journal, Financial Times, USA Today, International Herald Tribune — это не просто газеты-гиганты, это мировые бренды. Они говорят с миром на английском языке. На других языках газет «глобального масштаба» нет, и пока их появление не предвидится. Нет такой газеты и на русском языке. Но «гулливеров» и не может быть много. Они — своего рода маяки, а уж стоит ли стремиться на их, каждый решает сам. Зачем создавать, скажем, в России аналог USA Today, который прозвали в США «газетным фаст-фудом»? Нашей стране нужна своя газетная пища: Россия — не Америка.[1]

Анализ литературы по проблеме влияния СМИ на современный политический процесс показывает, что мы имеем дело с разными точками зрения авторов на роль СМИ. Одни считают, что та огромная роль, которую играют современные СМИ в нашей жизни, обуславливает мощный инструмент формирования общественного мнения, а также канал, транслирующий, в том числе, и политические установки. Такой подход к оценке СМИ говорить о них, как о регуляторе общественных отношений, зачастую называемым неформально четвертой ветвью власти, поскольку СМИ воздействуют на процесс формирования общественного мнения по наиболее важным и актуальным политическим проблемам. В современном мире уже на самых первых этапах приобщения человека к миру политического важнейшим агентом передачи политических установок и ориентаций являются средства массовой информации: пресса, радио, телевидение, кино, видеозапись, компьютерные сети. Средства массовой информации выполняют задачу внедрения норм господствующей политической культуры в сознание человека. Наиболее сильное влияние на политическое становление личности оказывают телевидение и радио, в последнее время — глобальная компьютерная сеть Интернет. Радио и телевидение ныне оказывают воздействие на огромные массы населения. Они становятся не только средствами приобщения к определенным социальным нормам и установкам, но и объектом острой политической борьбы.

Манипулирование осуществляется с помощью методов подсознательного стимулирования, когда отношение аудитории к тем или иным явлениям окружающей среды формируется с помощью стандартизованных упрощённых представлений (стереотипов, имиджей, мифов, слухов), которые внедряются в поток "организо-

ванных" новостей, автоматически вызывая в массовом сознании отрицательную, либо положительную реакцию на конкретное событие.[2] Задачи СМИ в процессе убеждения — создать прочное, устойчивое отношение к данному явлению, не только формирование убеждений, но и побуждение к действию, воспитание привычек. Механизмы внушения отличаются друг от друга по качеству и времени своего воздействия. Формирование стереотипов рассчитано на краткосрочный период времени. Создание мифов оказывает длительное воздействие на аудиторию. Но все механизмы объединяет то, что именно, благодаря им, формируется политическая культура и сознание общества. Механизмы воздействия по средствам формирования имиджей и слухов рассчитаны на моментальное воздействие (например, период предвыборной кампании). С помощью СМИ в общественное сознание внедряется миф о национальности, традиции народа. Люди верят в политику своего государства, не замечая ни экологической катастрофы, ни других серьезных проблем. Без мировоззрения, сформированного СМИ, общество уже не сможет существовать на информационном этапе своего развития. Вопрос лишь в том, кто и с какими намерениями управляет механизмами внушения. От этого зависит будущее человечества.

В последнее время в выступлениях политиков и журналистов все чаще встречаются такие понятия, как «геополитические интересы», «геополитическая стратегия», «геополитические проблемы». Популярность геополитики и бурное развитие ее идей в научном сообществе обусловлены усилением процесса глобализации, исчезновением биполярной системы мира, формированием многополярности, что вызвало новое распределение силовых центров на планете. Мировое сообщество стремится к становлению многополярной системы мира как наилучшей модели отношений между странами. Однако, несмотря на изменение расстановки сил на планете, реализация настоящей многополярности требует, чтобы международные решения принимали не одно сильное государство планеты, а действительно все мировое сообщество в целом. Вместе с тем, уровень взаимосвязи и взаимозависимости, обусловленный процессом глобализации, создает возможности для формирования наиболее справедливого и гуманного мира, в котором разнообразие интересов государств, мировоззрений людей, культур и цивилизаций уравнивается в целях разрешения конфликтов и определения единого пути развития мирового сообщества.

Реальные качества политического лидера и, прежде всего, оппозиционного далеко не всегда совпадают с его имиджем, во многом формируемым в общественном мнении СМИ. Создать имидж «на пустом месте», наделить лидера совокупностью черт и характеристик которым он и близко не отвечает еще никому не удавалось. В этой связи из центральных проблем темы, является соотношение в имидже реальных качеств и тех, которые ему приписывают СМИ. Обычно популистский лидер с харизматическим ореолом наделяется своими приверженцами имиджевыми чертами «народного заступника», «бессребреника», «страдальца за правду», «несгибаемого борца» и т. д. Имидж популистского лидера, сформированный обыденным сознанием, нередко наделяется героическими и страдальческими, мученическими чертами, ритуальной чистотой. Что, как известно, требует значительно больших усилий для его поддержания на соответствующем уровне. [7]

Список литературы

1. Алексеева И. В. Геополитика в России. Между Востоком и Западом. СПб., 2006.
2. Жаренова О. Некоторые инструменты психологического манипулирования в деятельности СМИ // Обозрения, факты комментарии. М., 2003.
3. Мельник Г. С. Mass-media: психологические процессы эф-фекты. СПб., 1996.
4. Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: Правила PR. СПб., 2003.
5. Олешко В. Ф. Социожурналистика. Екатеринбург: УрГУ, 1998.
6. Kraus S., Davis D. The Effects of Mass Communication political behavior. University press, 1978.

Роль СМИ в политике государств

Никешкина Марина

Студентка, 2 курс
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

На современном этапе развития мира очень важную роль играют средства массовой информации (СМИ). К ним относятся радио, телевидение, пресса, интернет — ресурсы и т. д. С момента возникновения печатных изданий (XVII–XVIII вв.) СМИ стали активными участниками политического процесса, выражающими многообразие интересов. Еще в середине прошлого века многие ученые задавались вопросом, не являются ли СМИ главным и определяющим фактором массового политического поведения [1]. Как любой институт СМИ обладают властью над поведением людей, поскольку они с помощью информации, которую публикуют, способны манипулировать людьми. Это вызывает опасения у государства, поскольку через СМИ население можно побуждать к тем или иным действиям, навязывать определенные цели или же, наоборот, предотвращать и блокировать возникновение нежелательных общественных реакций [3].

Так у нас складывается две стороны: государство и СМИ. Эти два института для сохранения стабильности и порядка в стране должны приходиться к компромиссу. Так как на долю СМИ легли за последние десятилетия определенные политические функции, государство активно следит за их деятельностью. Из этих функций самые важные, на мой взгляд, это политическая социализация и функция критики и контроля [1]. Почему? Во — первых, при политической социализации люди усваивают политические нормы, формы поведения, ценности. Если раньше эту функцию выполняли школы, семьи, партии и тд, то теперь СМИ влияют на становление личности, на создание у него тех или иных взглядов на государство.

Во — вторых, с точки зрения демократии, у нас существует плюрализм мнений. Таким образом, государство не может контролировать все СМИ, что порождает разные течения и взгляды на проводимую политику лидерами государства. Критика и контроль могут способствовать артикуляции различных общественных интересов, мобилизации на политическое участие [1].

Интересно то, что СМИ справляются с этими функциями более результативно, нежели партии. Например, французский социолог Ж.-П. Гурвич говорит, что сегодня на Западе сложилась «телекратическая государственная система», где политика строится в телестудиях. Средства массовой информации на сегодняшний день выполняет функции, которые принадлежали в средневековой Европе церкви, когда она принимала участие во всем. Это слова исследователя Р. Дебре [1].

В августе 2013 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил некоторые данные о том, из каких источников россияне узнают новости и, соответственно, каким источникам доверяют в большей мере [4]. Само исследование проводилось в июле 2013 года, когда было опрошено больше полутора тысячи человек в 130 населенных пунктах в 46 субъектах Российской Федерации.

Данные представлены в процентном соотношении.

Что для вас служит главным источником новостей о событиях в стране? (закрытый вопрос, один ответ)		
	1991	2013
телевидение	46	60
интернет*	—	23
газеты, журналы	31	7
радио	13	5
разговоры с людьми	6	4
ничего из упомянутого	1	1
затрудняюсь ответить	3	1

*в 1991 году вариант ответа «интернет» не предусматривался

Если об одном и том же событии радио, телевидение, журналы, газеты и интернет говорят по-разному, сообщают противоречивые сведения, то какому источнику Вы поверите больше? (закрытый вопрос, один ответ)		
	1991	2013
телевидению	35	60
интернету*	—	22
газетам, журналам	19	7
радио	11	4
затрудняюсь ответить	35	7

Как Вы можете заметить, телевидение является одним из основных источников информации для людей. Больше половины населения России смотрит выпуски новостей, передачи. 60 % людей — это убедительная цифра.

Важным является то, что телевидению доверяют в той или иной степени, в зависимости от возраста, большая часть людей, нежели интернет — ресурсам. Хотя люди до 35 лет отдают большую роль в информировании интернет — порталам.

Эти все данные я привела для того, чтобы наглядно показать о роли и влиянии СМИ на создание определенного образа у людей. Если государство может контролировать телевидение через свои телеканалы («Россия», «Первый» и тд), то интернет — сайты предстают перед ним в виде «неуправляемой стихии». Потому что они предоставляют разнообразную информацию, которая обновляется ежесекундно. Органы государственной власти значительно влияют на процесс функционирования телекоммуникационной отрасли, а создание политических сетей в этой сфере происходит с задачей выработки одной позиции у негосударственных акторов, объединения ресурсов для достижения поставленных ранее задач и формирования общих стратегий влияния на процессы выработки политических решений [2].

Давайте рассмотрим это на примере, как государства с помощью средств массовой информации влияют на настроение людей.

Для нашего эксперимента мы возьмем статью с нескольких разных источников и проанализируем. Первая статья взята с украинского интернет-портала «Цензор. Нет». Для Украины это один из самых влиятельных информационных интернет — ресурсов страны и является серьезным инструментом в части массовых коммуникаций. В среднем этот сайт в сутки посещает около 130 тысяч людей. Статья от 14 марта 2014 года «Жуткое побоище: сотни вооруженных российских боевиков нападают на митинг «За единство Украины» в Донецке. Милиция бессильна». Мы должны анализировать данные статьи в контексте событий, которые происходят сейчас в мире, в частности на Украине. В свете этих событий очень важным является то, какую информацию СМИ будут публиковать, чтобы государственные органы находили поддержку у своих граждан.

Название статьи фото — или видео — приложения к статье всегда играют на эмоциях людей. Они заранее настраивают на тот или иной лад людей. Более того, сочетание таких выражений «жуткое побоище», «сотни вооруженных боевиков», «бессильна» носит угрожающий характер, и уже у обывателя на подсознательном уровне складывается то или иное мнение. Еще не прочитав статью, украинский гражданин настроен агрессивно по отношению к российским гражданам. Но даже по содержанию статья но-

сит «антироссийский» характер. Россиян обвиняют в нападении на участников митинга «За единую Украину». Сообщается также, что трое участников антивоенного митинга убиты, десятки ранены. Плюс есть указание ссылки на видео «В Донецке пророссийские активисты зарезали участника митинга за единство Украины — очевидец». При просмотре видео, очевидец не говорил, что это были боевики. К статье прилагаются фотографии: на одной, изображен избитый мужчина, которого ведет человек в форме, на другой — автобус с русскими номерами маршрутом «Афины-Донецк — Ессентуки». Про автобус сообщается, что он прибыл на пророссийский митинг с гражданами России.

После таких данных, у обычного гражданина Украины складывается мнение, что Россия настроена агрессивно против них, что она является виновницей всех событий. Но мы должны понимать, что статья от 14 марта 2014 года, за пару дней до присоединения Крыма к России. Это способ украинского правительства настроить остальные районы Украины против РФ и подорвать на корню мысль этих районов о присоединении к России.

Вторая статья носит название «Ukraine crisis: Pro — Russian attack in Ukraine's Horlivka» (Украинский кризис: Пророссийское нападение на Украине в Горловке). Статья была опубликована на сайте BBC News от 14 апреля 2014 года. На данный момент Россия предлагает Украине пойти по пути федерализма. Многие западные СМИ оценивают это, как попытку разделить Украину. Рассматривают возможность присоединения других районов Украины к РФ. В свете таких событий вышла эта статья.

Статья носит скорее нейтральный характер, поскольку она показывает мнения нескольких сторон, но все же описываемые события называют агрессией со стороны России. Александр Турчинов (временно исполняющий обязанности президента Украины) высказывает мнение о том, что идет подготовка к антитеррористическим операциям, для использования армии против пророссийских групп. Кроме того, он говорит, что это не просто противостояние между украинцами, а это не скрытая агрессия РФ против Украины. Ответ ему дал российский посол в ООН Виталий Чуркин, который призывал к подлинному диалогу и прекращению нападения на собственный народ.

Каждое государство преследует свои интересы. Политика, которая приходит к нам с газет, журналов, радио, ТВ и тд. — это метод психологического давления на восприятие человеком информации. СМИ оказывают огромное воздействие на политиче-

ский процесс с помощью способности формирования «политической повестки дня» [1]. СМИ выборочно уделяют внимание проблемам, некоторые они игнорируют и наоборот. Так они формируют политические приоритеты общества. Так как государство получает возможность контролировать новостной поток и тем самым влиять на аудиторию в своих политических интересах.

Список литературы

1. Ачкасов В. А., Гуторов В. В. Политология. Учебник.
2. Шерстобитов А. С. «Коммуникация в сетевом политическом управлении (на опыте политики в сфере телекоммуникаций в России)».
3. Макарин А. В. «Теория и практика политических институтов»
4. ВЦИОМ
5. Украинский интернет — портал «Цензор. Нет» URL://http://censor.net.ua/news/275712/jutkoe_poboische_sotni_voorujennyh_rossiyiskih_boevikov_napadayut_na_miting_za_edinstvo_ukrainy_v_donetske
6. BBC News URL://<http://www.bbc.com/news/world-europe-27018199>

Левые социальные движения в Латинской Америке и международные «сети солидарности»: практика взаимодействия

Попова Людмила Леонидовна

Аспирант
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

Появление «сетей солидарности» в различных частях света стало массовым явлением начала XXI века. Новые формы коллективного действия стали возможны во многом благодаря современной информационной революции, которая вывела на качественно иной уровень международную координацию социальной активности. Сетевой принцип организации получил широкое распространение после волны антиглобализма 1990-2000х гг., в том числе, в станах Латинской Америки, где международная солидарность становится одним из основных ресурсов левых социальных движений.

Настоящая работа исследует проблемы формирования «сетей солидарности» в Латинской Америке и механизмы их взаимодействия с общественными движениями на примере сети Mexico Solidarity Network (MSN, США) и Сапатизма (Zapatista Movement) — движения за права коренного населения Мексики.

Сапатизм получает мировую известность после восстания в штате Чьяпас в 1994г., когда вооруженным крылом движения, Сапатистской армией национального освобождения (Ejército Zapatista de Liberación Nacional, EZLN), были захвачены несколько муниципалитетов на юге Мексики. Участники восстания выступали за законодательное обеспечение прав коренных народов, в том числе, права общин на владение землей, против неолиберализма и вступления Мексики в Североамериканскую зону свободной торговли (North American Free Trade Agreement, NAFTA). В отличие от традиционных индигенистских движений, сапатизм критически переоценивает уклад жизни традиционных общин. Критике были подвергнуты такие его особен-

ности, как гендерное неравенство, патриархальные отношения. В то же время, с точки зрения сапатизма, механизмы прямой демократии индейских общин являются прообразом политического устройства будущего, более свободного общества. После отказа от стратегии вооруженного противостояния с правительством, фактического провала мирных переговоров после вооруженного восстания, сапатисты создают на своих территориях автономные общины с альтернативными правительствами (*Juntas de Buen Gobierno*). Основные органы управления в сапатистских общинах — ассамблеи, на которых каждый имеет один голос, и «Хорошие правительства», то есть такие, которые полностью подотчетны ассамблее. Исполнение принятых на общем собрании решений отводится лицам, избранным голосованием, при этом, все общественные должности постоянно замещаются. Исполнение всех функций по руководству, координации осуществляется на волонтерской основе, безвозмездно. Одним из последствий восстания в Чьяпасе стало внимание властей к проблемам юга Мексики. В 1996г. в рамках программ социальной поддержки штата были построены новые школы, госпитали, проведены новые дороги. В 1997г. для улучшений условий жизни населения беднейших штатов была запущена программа «Питание, здоровье и образование» (ПАСЕ), предусматривающая выделение средств на приобретение учебников, медикаментов, продуктов питания малообеспеченными семьями.

Отличительной чертой сапатизма стало регулярное проведение встреч, диалогов, круглых столов при участии представителей местной, региональной и мировой общественности. Такие встречи укрепляли международную солидарность и были призваны показать возможность проведения широкой дискуссии по вопросам устройства общества [Olesen Th. *International Zapatismo: the construction of solidarity in the age of globalization* / Zed, 2005 p. 180].

Объединение различных низовых инициатив для борьбы с неолиберализмом было одной из целей движения сапатизма, в рамках этой стратегии было начато сотрудничество с MSN. Партнерство *Mexico Solidarity Network* с социальными движениями Мексики, в частности, с сапатизмом, стало возможным благодаря наличию общих ценностных ориентаций и идеологических установок (оппозиция неолиберализму, приверженность концепции, которая нашла отражение в книге Д. Холлоуэя «Изменить мир, не беря власть»), ориентирующей на создание «анклавов» социаль-

ных отношений нового типа в контексте преобладающих капиталистических отношений.

Основные направления деятельности MSN в Мексике — правозащитные и образовательные проекты [<http://www.mexicosolidarity.org/about/history>]. В структуру MSN, образованную в 1998г., вошли различные антикапиталистические движения, основанные на принципах прямой демократии, горизонтализма, принятия решений методом консенсуса. К другим характерным чертам MSN: широкая специализация, ротация должностей, отсутствие регулярных источников финансирования. Образовательные проекты призваны преодолеть гегемонию господствующей в США системы ценностей (незыблемость частной собственности, консюмеризм, конкуренция, индивидуализм), и распространять в обществе альтернативную доктрину, в основе которой четыре «столпа»: взаимопомощь, сотрудничество, коллективизм, свобода. С этими же ценностями идентифицируют себя жители автономных общин [Kr vel, R.Anarchism, The Zapatistas and the Global Solidarity Movement / Global Discourse, 1 (2) 2010]. Центральной категорией в доктрине MSN и сапатизма является автономия. Под автономией понимается свобода сообществ принимать решения относительно организации их жизни и ответственность коллектива за эти решения. При этом программные документы EZLN и MSN акцентируют внимание на том, что достижение состояния автономии — это длительный процесс, от которого не стоит ждать быстрых результатов.

Сотрудничество «сетей солидарности» с левыми организациями можно представить как обмен ресурсами, с этой точки зрения, для сапатистов основным дефицитным ресурсом является финансовый, поскольку «автономные» деревни не могут существовать без минимума инфраструктуры. Кроме того, наличие широкой сети международных контактов у EZLN затрудняет возможность использования военных для подавления движения. По этой причине, MSN, как и другие правозащитные организации, участвует в подготовке международных наблюдателей для пребывания в «зоне конфликта» — территории расселения автономных общин. Кроме того, организация MSN выступает посредником между другими партиями, движениями, профсоюзами, ищущими контактов с сапатистами.

Для американских организаций контакты с автономными общинами, имеющими опыт вооруженной борьбы, составляют прежде всего политический капитал для привлечения новых сто-

ронников. В то же время, деятельность MSN сталкиваются с проблемами: 1. Невозможность «эспраполировать» опыт сапатистов на иные социальные и политические условия развитых стран (такие как жизнь в городах и наемный труд); 2. Необходимость постоянно поддерживать высокий уровень мобилизации, необходимый для осуществления проектов. Эта проблема ведет к тому, что деятельность MSN имеет циклический характер.

Таким образом, основу для кооперации «сети солидарности» MSN и движения сапатизма составила близость основных программных установок, ценностных ориентаций, чувство социальной исключенности левой оппозиции в США и этнических меньшинств в Мексике. Основные направления сотрудничества MSN и сапатизма — это организация образовательных и правозащитных мероприятий, а также организация материальной помощи автономным общинам.

Список литературы

1. Krøvel, R. Anarchism, The Zapatistas and the Global Solidarity Movement / *Global Discourse*, 1 (2) 2010.
2. Mexico Solidarity Network <http://www.mexicosolidarity.org>
3. Olesen Th. International Zapatismo: the construction of solidarity in the age of globalization / *Zed*, 2005, 243p.
4. Ruan R. Zapatista Spring: Anatomy of a Rebel Water Project & the Lessons of International Solidarity / *AK Press*, 2011, 211p.
5. Zapatista Army of National Liberation/ <http://enlacezapatista.ezln.org.mx>
6. Сова О. Н. Сапатисты XXI века: этапы, концепция и методы партизанской борьбы в Мексике. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота, 2009 № 3 (4). С. 179–183.

Использование сетевого подхода в современной системе международных отношений

Рафикова Виктория Вячеславовна

Студентка, 3 курс
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

Усложнения структуры взаимодействия внутри политических институтов, а так же и в самой системе международных отношений создает необходимость для создания методологии, которая может отобразить перемены в изменившейся системе. На роль такой методологии, которая быстро адаптируется к новым условиям взаимодействия между государствами, можно предложить концепцию политических сетей.

Зарождалась концепция политических сетей в Великобритании, где она вышла из теории межорганизационных отношений [3, 8–10] и США в 50–60-е годы, когда процесс выработки решений рассматривались в контексте взаимодействия бюрократии и заинтересованные группы лиц. Попытки применения сетевого подхода осуществлялись в конце 1990-х — начале 2000-х гг, но особого распространения не получила, хотя предпринимались попытки использования в более раннее время [1, 583–599.].

Над определением понятия политических сетей особых споров возникает. Это — «набор относительно стабильных неиерархичных отношений разнообразно взаимозависимых акторов, которые разделяют общий интерес относительно вырабатываемой политики и обмениваются имеющимися ресурсами для достижения поставленных целей, признавая тот факт, что сотрудничество является наиболее подходящим для этого метода» [2, 15].

Классическая классификация политических сетей представлена Р. Родесом. Основываясь на количестве участников в сети, распределении ресурсов между участниками и степени внутренней интеграции, он выделил пять типов политических сетей.

«Сети производителей» (producers network) — существует при наличии государственных или частных экономических инте-

ресов, и характеризуются небольшим количеством взаимосвязей между экономическими интересами.

«Межуправленческие сети» (intergovernmental network) — представляет собой собрание членов местных органов власти. Для этого типа сетей характерно широкое охват интересов.

«Политическое сообщество» (policy community network) — устойчивая система, для которой характерно ограниченное количество членов, которые несут ответственность за проделанную работу и отказ от сотрудничества с публичными организациями. Часто систему можно наблюдать в образовательной сфере.

«Профессиональные сети» (professional/ branch network) — основываются для представления интересов группы лиц, объединенные профессиональным признаком. Особенностью данного типа является существования на национальном уровне, например, Национальная служба здравоохранения Великобритании.

«Проблемные сети» (issue networks) — в отличие от профессиональных сетей образуются вокруг определенной проблемы. Отличается разнородным составом и большим количеством участников.

Сетевой подход как теория используется отечественными и западными учёными для анализа принципов управления в Европейском Союзе. Например, доклад *Networking People for a Good Governance in Europe* [4, 270], основываясь на выполняемых функциях, выделила четыре типа сетей, функционирующих в ЕС: сети для выработки политики; сети, информирующие о работе ЕС; сети, консультирующие граждан ЕС; сети, исполняющие принятые решения.

В современной системе международных отношений сетевой подход используется относительно недавно, поэтому широкого распространения еще не получил. Он изучает взаимодействие между группами индивидов, но акторы взаимодействия на международной арене значительно отличается от отношений между индивидами. Влияние внешних факторов необходимо так же учитывать при применении сетевого подхода.

Список литературы

1. Brams S.J. The Structure of Influence Relations in the International System. In James N. Rosenau ed., *International Politics and Foreign Policy*, 2 edition. NY.: Free Press, 1969.

2. Borzel T. A. Organizing Babylon — On the different conceptions of policy networks // *Public Administration*. Vol. 76. N. 2. 1998.

3. Rhodes, Marsh. Policy network in British Politics. A Critique of Exciting Approaches // *Policy network in British Government* // Ed. D. Marsh and R. Rhades. Oxford: Clarendon Press. 1992

4. Саворская Е. В. Политические сети в многоуровневом управлении ЕС. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2012. № 4 (1). С. 368–373.

Политические сети и постиндустриальное общество. Ложная корреляция?

Саблин И. Л.

Студент
Санкт-Петербургский
государственный университет
Факультет политологии
г. Санкт-Петербург

В современной литературе посвященной политическим сетям, сетевые структуры в политике связываются, как правило, с вызовами постиндустриального информационного общества. Усложнение общественных взаимоотношений, развитие информационных технологий, глобализация, считаются если не причинами, то обязательными условиями появления сетевых политических структур. В одной отечественной статье можно познакомиться с довольно характерным мнением зарубежного исследователя Мануэля Кастельса. Кастельс «исходит в своем анализе современного общества из идеи изменения организационных форм, которое связано с деюрократизацией управленческих организаций, основанной на распространении сетей». «Бюрократия уступает место реальным “возмутителям спокойствия”, информационным работникам, которые оперируют в сетях». [1:250]. Еще одной причиной появления сетей называют возникшую неспособность государства удовлетворять все потребности общества, не уточняя, когда эта неспособность возникла. Видимо тоже лишь в постиндустриальном обществе. Политические сети, таким образом, понимаются как механическое следствие развития современного общества. То есть, сначала возникают такие условия, как развитая информационная инфраструктура, категория граждан со специальным образованием, способная противостоять ослабевшей бюрократии, итд. И лишь затем возникает такой феномен, как политические сети. Таким образом, политическая сеть, которую, опираясь на исследования Т. Берцель, кратко можно определить как набор стабильных неиерархических отношений разнообразных акторов с более-менее однородными, относительно политики, целями и интересами, понимается, прежде всего, как слепой продукт развития технологий.

Чтобы определить насколько такое мнение правильно, будет не лишним сделать исторический экскурс, мысленно переместив-

шись в то время и место, которое явно не соответствует современному представлению об условиях формирования и функционирования политических сетей. Таким местом предлагается СССР начала 1930-х годов. Общество на тот момент было не то только не постиндустриальным, но и до индустриального явно не дотягивало. Ликвидация безграмотности среди населения, несмотря на свои быстрые темпы, окончательно завершена не была. О партийной бюрократии того периода написано несметное количество литературы. Слово «тоталитаризм» в нынешнее время прочно ассоциируется в 30-ми годами прошлого века.

Тем не менее, именно в это время появляется одна интересная, но ныне подзабытая книга под авторством Сиднея и Беатрисы Вебб. Книга была написана в результате поездки авторов в СССР в 1932 году и получила название «Советский коммунизм — новая цивилизация?».

Стоит отметить, что Веббы по своим убеждениям были социал-реформистами, то есть противниками революции, поэтому приехать они должны были с настороженным и критичным настроением. Но, несмотря на мировоззрение Веббов, их двухтомный труд, получился буквально восторженным. Кому он покажется излишне восторженным. (перебор) Можно заметить, что Веббы явно идеализировали увиденное ими. К тому же, у них не было возможности получить доступ ко всем данным. Любой современный историк, проявив достаточно дотошности, сможет найти огромное множество неточностей и явных преувеличений в их работе. Однако не это нас интересует в данный момент. Остановимся на некоторых описаниях представленных в их труде.

Описывая собрание на селе, Веббы отмечают, что «оно имеет право обсуждать все вопросы, касающиеся как центрального, так и местного управления». «Общее собрание созывается по мере надобности, и фактически оно может обсуждать все вопросы, интересующие его членов». Собрания проводятся с частотой 6-8 раз в год, а то и больше. Крестьяне живо обсуждают все актуальные вопросы. Обсуждения длятся так живо, и так горячо, что иногда полемика не ограничивается одним днем, и заседание приходится переносить и на следующий день. Чаще всего, конечно, обсуждаются местные вопросы. Например, о постройке бани или клуба, об открытии лавки итд. Но иногда обсуждаются вопросы большего масштаба, и если сразу несколько сельских собраний в своих резолюциях отразит определенные требования, то вы-

шестоящие инстанции обязаны отреагировать на них. Раз в три года крестьяне выбирают сельский совет. Обсуждение идет так же живо и остро. Идет долгий отсев неугодных крестьянам кандидатов. Прения продолжают так долго, что это искренне удивляет иностранного наблюдателя присутствовавшего на выборах, мнение которого приводят Веббы. (Между прочим, ему тоже предоставили право голоса). Веббы иронично отмечают: «Надо думать, что русские крестьяне никогда не знали таких методов, как пропорциональное представительство, перебаллотировка или система исчерпывающего голосования».[2;33]. Отметим от себя, что неграмотным и полуграмотным крестьянам не требовалось никаких «девайсов» и интернета, для того чтобы решать самостоятельно местные проблемы и даже взаимодействовать с вышестоящими инстанциями. Часто ли, однако, мы, живя в нашем постиндустриальном Петербурге, грамотность среди населения в котором стремится к 100 % ,решаем сообща проблемы хотя бы на уровне округа? Вопрос чисто риторический.

Отметим еще один интересный момент, описываемый Веббами. Авторы детально анализируют деятельность фабкомов, завкомов и профсоюзов. Совершенно невероятным в наше время кажется факт, что профсоюзы могли даже контролировать поездку на поезде или пароходе. Так, собрание «судового совета» моряков, потребовало от капитана парохода, на котором плыли Веббы, отчета для выяснения, насколько во время поездки рационально использовались имеющиеся ресурсы. Возможно ли такая ситуация в наше время, например, на РЖД? Еще один риторический вопрос.

Говоря о профсоюзах, Веббы отмечают, что «коллективные переговоры в СССР ведутся в объеме не только не меньшем, чем в Великобритании или в Соединенных штатах или в Германии до гитлеровской диктатуры, но в действительности в размерах гораздо больших, чем в любой другой стране мира».[2;191]. Переговоры по поводу будущего плана ведутся между Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов и представителями всех 154 центральных комитетов профсоюзов с одной стороны, и представителями Совнаркома и различных трестов и предприятий общественного пользования—с другой. Мало кто поспорит, что это действительно классический пример сетевого взаимодействия.

Подытоживая, Веббы заявляют: «В отличие от любого другого общества СССР разработал сложную и многообразную, со-

вершенно оригинальную систему представительства, основанную на принципе всеобщего участия в общественных делах под руководством отлично организованного, единственного в своем роде руководства». [3;572].

Повторим, что Веббы безусловно идеализировали ситуацию. Однако если книга написана односторонне, то логически из этого следует, что одна сторона дела была уловлена. Без сомнений, этот труд заслуживает самого пристального внимания, а главное, подлинно критического подхода. Будем надеяться, что мода писать преимущественно о репрессиях и терроре в 30-х годах рано или поздно пройдет, и будут чаще появляться работы, в которых, отразится вся действительная сложность и неоднозначность развития советского общества. И несколько одностороннее описание Веббов не будет забыто, а займет достойное место, будучи критически переработано.

Но это дело будущего. Что сейчас дает нам то описание, которое мы представили в данной работе, для понимания феномена политических сетей? В первую очередь, становится ясно, что развитие информационных технологий и усложнение структуры общества не есть основополагающая причина образования сетевых структур. Это даже не есть необходимое условие. Они способны образовываться и на более отсталых ступенях развития. Видно, что политические сети возникают далеко не механически. Зачастую условия бывают, казалось бы, наиболее благоприятными для бурного роста политических сетей, но роста не происходит, или происходит очень в незначительной степени. А бывают условия, при которых, на первый взгляд, невозможно образование политических сетей, но они пробиваются как трава через асфальт, иногда при этом, в конечном итоге, в силу тех или иных причин, разрушаются и уступают место бюрократии. Таким образом, корреляция между ростом политических сетей и развитием характерных особенностей постиндустриального общества оказывается ложной.

Конечно, не стоит впадать в крайность, и заявлять, что развитие технологий вообще никак не влияет на данные процессы. Безусловно, инфраструктура важна, она может способствовать возникновению и росту политических сетей. Но преувеличение значения инфраструктуры будет, ни чем иным как технологическим фетишизмом.

Излишнее внимание к роли информационных технологий в развитии сетей рискует привести исследователя к некритическо-

му дескриптивизму. За «деревьями» технологий важно видеть «лес» всей сложности общественных отношений.

Список литературы

1. Вебб С., Вебб Б. «Советский коммунизм — новая цивилизация?» Т. 1. М., 1937.
2. Там же. Т. 2. М., 1937.
3. Курочкин А. В. Институционализация сетей в управлении российской системой образования // Политекс. 2005. № 2.

Information warfare in terms of international political communication in the post-Soviet space

Талмач Анатолий Иванович

Поволжский институт управления
им. П. А. Столыпина — РАНХиГС
Факультет Политико-правового управления
г. Саратов

Introduction

The information revolution, globalization, and internationalization have transformed modern international relations. They are now developing within a global information environment, where new principles of political cooperation, competition, or conflicts between the subjects of an international system are set out. In this environment, political processes occur in real time, geographic barriers lose their former significance, and the very concept of geopolitics is changing.

Global communication at the turn of the 21st century has brought about many effects. On the one hand, it is blurring technological, economic, political, and cultural boundaries. But politically, global communication is undermining the traditional boundaries and sovereignties of nations.

The term information warfare has been in use for a number of years now, intended to represent whatever warfare is becoming in the information-centric 21st century. Unfortunately, though, many people use this term without really knowing what it means. In an effort to make progress toward a common definition, this paper presents one possibility and expands on it by discussing the weapons, strategies, and countermeasures involved in information warfare, as defined.

Specifically, we talk about information warfare as a class of techniques, including collection, transport, protection, denial, disturbance, and degradation of information, by which one maintains an advantage over one's adversaries in geopolitical instability.

Although this discussion focuses on the more traditional military notions of information warfare, the above definition can certainly be applied in any competitive situation, public or private, civilian or military.

So interesting is the analysis of the phenomenon of information warfare as part of political communication in geopolitical instability in the post-Soviet space (case «Ukraine»).

1. Information warfare: a theoretical justification of the concept in the field of political communication and international relations

Phenomenon of information warfare primarily consists in specific interests of the big geopolitical centers. In other words, the instability of international relations and the role of the fall of a sovereign state in the regulation of internal crises information warfare becomes the mechanism of soft power.

Just War Theory refers to war as to a violent and sanguinary phenomenon, declared by states and their official leaders and waged by military forces. Such a scenario is quite different from the one determined by IW, the difference between the two forms of warfare is the origin of the problems arising when the principles of JWT are applied to IW. In this respect, there are three issues that deserve attention; they follow from the application of the principles of «war as last resort», of «more good than harm», and of «non-combatants immunity» to IW [1].

The principle of «war as last resort» prescribes that a state may resort to war only if it has exhausted all plausible, peaceful alternatives to resolve the conflict in question, in particular diplomatic negotiations. This principle rests on the assumption that war is a violent and sanguinary phenomenon and as such it has to be avoided until it remains the only reasonable way for a state to defend itself. The application of this principle is shaken when IW is taken in consideration, because in this case war may be bloodless and may not involve physical violence at all. In these circumstances, the use of the principle of war as last resort becomes less immediate [2].

The main weapon of information warfare in the 21st century is the media, the Internet space, as well as social networks. So it should be noted that the main goal of information warfare is the use and management of public opinion to legitimize political decisions in international relations.

From this perspective, political communication becomes a mechanism of sustainable technologies interference in the internal affairs of sovereign states. For example, outside the U.S. intervention in the internal affairs of Ukraine and the active support of the Ukrainian protest movement, this was directed against Russia. In this case, political communications technologies are technologies of color revolutions, which cause the need for legitimation of political decisions. In such cases, the information war — against powerful armed geopolitical opponents.

2. Information warfare in the post-Soviet space: case «Ukraine»

It is probably fair to say in 2013 that the West looks at the post-Soviet world in terms of frustration and disappointment.

In fact, for the last year the United States, Germany and the EU have all been conducting strategic reviews of their Russian and Ukrainian policies.

In retrospect, it is clear that sometime during the summer of 2008, between the failed NATO Summit in the Spring and the outbreak of the Russo-Georgian War that August, consensus among Western leaders about what to do with the post-Soviet world disappeared. Since then, Western policy towards the post-Soviet World and has been characterized by the universal dissatisfaction of the West with its own policy [3].

In the autumn of 2013 Ukraine's foreign policy was the subject of the entire world community. Refusal of signing official documents on the Association Agreements with the EU meant the failure of the European project «Eastern Partnership». There European leaders must decide whether to allow Ukraine to formally associate with the EU or to bar Kyiv from closer relations with Europe because of a «shortfall in political values». As Chancellor Merkel summarized the case for isolating the Ukraine, «We don't talk to people who don't share our values». This position was supported Russia. Thus, EU and United States announced information warfare against the official authorities of Ukraine and Russia [4].

Opposition protest moods in Kyiv quickly turned into riots. Western TV channels broadcast the turmoil in Kiev as a «struggle of the Ukrainian people for the bright future of the EU». Top U.S. media broadcast events in Ukraine through the prism of the information war against Russia. Thus, a situation in which the world community has received biased information.

Therefore, the use of technology in the information war crisis enables Western countries to destabilize the situation in Ukraine to the desired angle. This is a geopolitical challenge to modern communications.

Conclusion

As conclusions of to this research indicate that contemporary political communications has become a serious threat to sovereign states. This research has catalogued the problems, puzzles, and policies associated with the impact of political communication on international

relations. Internet space has no borders and often becomes a powerful weapon of information warfare. Therefore, it is important to research in this field for practical application.

References

1. Libicki, M. (1996). *What is Information Warfare?* Washington, D.C, USA: National Defense University Press.
2. Turilli, M., Vaccaro, A., & Taddeo, M. (2010). *The Case of on-line Trust. knowledge, Technology and Policy.*
3. Turilli, M., Vaccaro, A., & Taddeo, M. (Forthcoming). *Internet Neutrality: Ethical Issues in the Internet Environment.*
4. Bruce P. Jackson. *The Twilight of the Post-Soviet Space.* URL://<http://www.iwm.at/read-listen-watch/transit-online/the-twilight-of-the-post-soviet-space/>